

Юрий БАРАШКОВ

# НОСТАЛЬГИЯ ПО ДЕРЕВЯННОМУ ГОРОДУ



Архитектура, традиции, быт Архангельска  
накануне и после 1917 года.  
Формы и функции городского дома.  
Около 200 иллюстраций - редких гравюр,  
рисунков, фотографий, чертежей

**Юрий Барашков**

**Ностальгия по деревянному городу**

Архитектура, традиции, быт Архангельска  
накануне и после 1917 года.

Формы и функции городского дома



Юрий БАРАШКОВ

НОСТАЛЬГИЯ  
ПО  
ДЕРЕВЯННОМУ ГОРОДУ

*Архитектура, традиции, быт Архангельска  
накануне и после 1917 года.*

*Формы и функции городского дома*

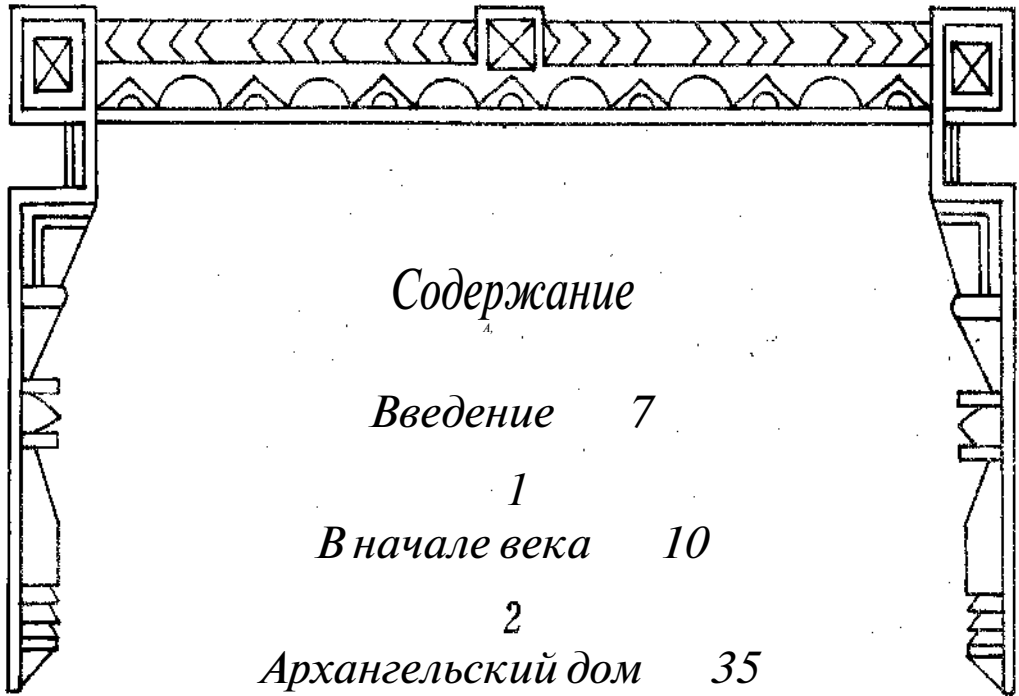
РИФ «КРИПТО-ЛОГОС»

Москва, 1992

**Юрий Барашков.**

**Ностальгия по деревянному городу.** Архитектура, традиции, быт Архангельска накануне и после 1917 года. Формы и функции городского дома. — М.: Редакционно-издательская фирма «Крипто-Логос», 1992. — 208 с, ил.

Старый Архангельск был крупнейшим в мире массивом деревянной архитектуры. Этот уникальный феномен, воплотивший в себе прекрасные строительные и художественные традиции русского Севера, достиг высшего расцвета к началу XX века, а с 1950-х годов казался обреченным на полное уничтожение. Благодаря усилиям энтузиастов, поддержанным большинством горожан, уцелевшие памятники, надо надеяться, будут спасены. Книга, полезная для профессионалов, адресована также всем, кого интересуют деревянное зодчество, краеведение и — шире — история России.



## *Содержание*

*Введение 7*

*1*

*В начале века 10*

*2*

*Архангельский дом 35*

*3*

*Фантазии из дерева 65*

*4*

*Сразу после революции 119*

*5*

*Конструктивистская утопия 135*

*6*

*Пешком в историю 159*

*7*

*Архангельский пейзаж 179*

*8*

*Научиться видеть 190*

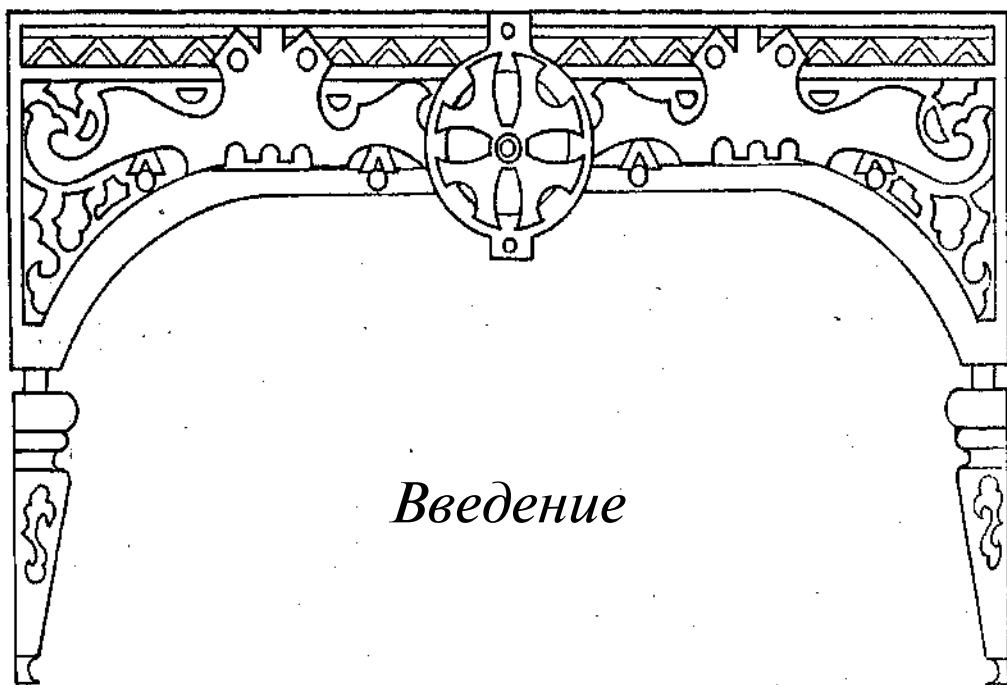
*Архитектурный глоссарий 200*

*Изменившиеся или утраченные  
названия 203*

*Список литературы 204*

Мы создаем себе жилища,  
а потом они создают нас.

*Уинстон Черчилль*



## Введение

Эта книга адресована тем, кто трепетно относится к старине, кого интересуют история и культура, искусство и технология, наконец, человеческие судьбы, воплощенные в архитектуре. Стоит лишь осмотреться — открытия ждут нас повсюду: в оформлении фасадов, планировке домов и населенных пунктов. Недаром архитектура считается одним из важнейших и наиболее четких признаков любой цивилизации. В отличие от других искусств она творит и сосредоточивает свои произведения в изначально отведенных им местах, тогда как, скажем, картины или скульптуры могут кочевать по музеям и частным коллекциям.

В основе книги, которую мне очень хотелось сделать занимательной, лежит серьезная многолетняя научная работа по выявлению памятников деревянного зодчества в Архангельске.

Надеюсь, вы согласитесь со мною в том, что город есть, прежде всего прочего, форма пространственного мышления народа — нечто сотканное из воздуха и света, чувств и настроений, времени, функций и многого другого, охватываемого понятием «культурный ландшафт». Архитектура соотносит эти скорее абстрактные параметры с такими более очевидными обстоятельствами, как доступность строительных материалов, климат, эко-

номика. В результате город можно рассматривать и как самостоятельный ландшафт, исходя из уникальности составляющих его явлений и богатого внутреннего разнообразия.

Красивые здания, да и вообще красивые вещи подчиняются волшебному чувству гармонии. Здание гармонично, если все его элементы — стены, крыша, окна, двери — выглядят пропорциональными между собой. Каждая деталь должна служить совершенным дополнением целого, соответствовать другим деталям в такой степени, чтобы все они принадлежали друг другу. В этом случае здание — произведение искусства, а зодчий — художник.

Если архитектурное произведение удалось, в нем интересны и линии, и перспективы, и планировка. Вот почему эта книга — впервые в местной краеведческой литературе — предлагает вашему вниманию не только фасады, но и планы строений. Вы сами «побродите» по старым домам и увидите, чем они хороши в сравнении с сегодняшними, а чем и просто удивительны.

Образ здания может содержать утверждения, вопросы, заявления, более того — выражать общественные противоречия и надежду на социальную гармонию. В нем могут присутствовать черты «классического» или «простого» стиля, а то и смесь их. Дома создаются

людьми, которые, помимо местных обычаев и господствующей моды, руководствуются собственным вкусом и личными предпочтениями. Архитектурные творения суть микрокосмы и аллегории, принадлежащие своей эпохе, отражающие множество граней народного гения и таинство преемственности всего, что построено людьми на протяжении веков и что предстоит возвести в будущем. Даже небольшой, случайно выживший образчик архангельской архитектурной старины — это творческая кладовая, если хотите, банк идей, способных навести нас на новые решения.

Деревянный Архангельск существовал на далекой периферии западной цивилизации, скрыто от мировой архитектуры. В процессе своей эволюции он превратился в исключительное и неповторимое явление. Домов, подобных старым архангельским, нет больше нигде на свете. Наши прапредки изобрели целесообразное, сомасштабное человеку жилище столь высокого качества, что мы не можем достигнуть его и сегодня. Архангельский дом — не результат какого-то озарения, а плод долгого опыта, в конечном счете произведение искусства. К сожалению, уцелели из них считанные единицы. В книге даны изображения и сохранившихся, и утраченных домов. Лишь вместе взятые они позволяют точно и полно воспроизвести местный «строительный словарь» — масштаб, форму, пропорции, ритмы и членения, орнаментальные украшения — и, кстати, судить об изъятиях старинных архангельских зданий. Дома, как и люди, без недостатков скучны. «В каждой вещи должен быть хотя бы гран несовершенства, чтобы она была человеческой», — сказал Гете.

Пусть вам не покажется странным, что в книге по архитектуре отведено много места описаниям прежнего быта архангелогородцев. Прошлое когда-то было настоящим, а облик любого города взаимосвязан с образом жизни и идеологией горожан. Я пытался, черпая сведения в литературных источниках, представить себе людей, которых давно нет, беседовал со старожилками и, как мог, набросал социальный фон Архангельска на рубеже двух эпох — в первые десятилетия XX века. Соответственно выстроена логика повествования: от социального (и природного) ландшафта к архитектурному.

Еще несколько предварительных замечаний. Книга, посвященная архитектуре, немаловажна без широкого привлечения иллюстративного материала. В ряде случаев мне пришлось использовать плохо сохранившиеся архивные и любительские фотографии, которые, однако, передают чувственно-эмоциональные стороны архитектурной среды, что рисунку не всегда под силу. Копии же с подлинных чертежей местных зодчих помогают нам проследить их раздумья, колебания, сомнения.

Возможно, кто-то упрекнет меня в слишком частом и обильном цитировании. Полагаю, что воспоминания архангелогородцев и других людей, в большинстве своем невеликих, доносят до нас дух глубинной культуры, который дает нам силы жить и работать в наше нелегкое, переломное время. Все цитаты такого рода выделены шрифтом; некоторые не сопровождаются ссылкой на источник, например, когда имя автора устного или рукописного сообщения само по себе мало что говорит.



Иллюстрированный словарь в конце книги раскроет читателю смысл специфических архитектурных терминов.

Мне остается поблагодарить всех, чью бескорыстную доброжелательность я ощутил во время работы над книгой, — архитектора Надежду Колодину, моих земляков-архангелогородцев Федора Анциферова, Владимира Березовского, Еликонида Кошкину, Юрия Пушкина, живущую ныне в Мариуполе Людмилу Корниенко, Татьяну Смирнову, перебравшуюся в Подмосковье, и Евгению Фрезер из шотландского города Эдинбурга. Уже на завершающем этапе многие иллюстрации были подготовлены к печати Екатериной Трушиной. Большую помощь в поиске исторических книг,

журналов и документов оказали мне сотрудники Архангельской областной библиотеки, областного краеведческого музея и Государственного архива Архангельской области. Выражаю признательность студентам архитектурного факультета Харьковского инженерно-строительного института, которые первыми взялись за обмерные чертежи архангельских домов, а также моим редакторам.

...Деревянный Архангельск сходит с исторической сцены, и нет иной возможности сохранить его, кроме как написать о нем книгу. Если, прочитав ее, вы захотите выйти на улицу, чтобы по-новому взглянуть на старые деревянные дома, это будет для меня лучшая награда.



1

## *В начале века*

Прошлое — это другая страна, где все иначе. Трудно представить Архангельск сплошь деревянным, но именно таким он был, причем не столь уж давно. Деревянная застройка, деревянные суда, шетинившиеся мачтами на городском рейде, деревянные рекламные тумбы и все прочее, что теперь называют малыми архитектурными формами. По городу тянулись деревянные тротуары, шагали деревянные телеграфные столбы. Теперешняя улица Попова от набережной до проспекта Павлина Виноградова была выложена деревянными торцами — шестиугольными шашками, плотно пригнанными друг к другу. Присутствие нескольких каменных церквей и градоначальственных учреждений ничуть не смущало деревянный город, а лишь свидетельствовало о его особой покладистости.

В начале XX века в Архангельске проживало около 35 тысяч человек, из них 15 процентов были горожанами в первом поколении, а половина числилась в крестьянах. Большинство семей имело свой дом с двором и огородом позади строений. В каждом доме — чердак для хранения утвари и печь, в которой хозяйка еженедельно пекла пироги. При многих домах были конюшни для упряжных лошадей, в хлевах стояли коровы или овцы, которых поутру пастух собирал со всего квартала звуками рожка, а к вечеру пригонял

обратно. Вполне деревенский уклад с некоторыми городскими вариациями. Архангельск походил на центр сельской общины. Жизнь в нем была не более бурная и не более комфортная, чем в деревне. Он никого не держал в плену, но горожане старели и умирали, не покидая Архангельска. Стабильность населения сохранялась вплоть до первой мировой войны, что создавало условия для передачи всего ценного из поколения в поколение.

Среди рабочих 26 архангельских лесозаводов было много отходников, которые в зависимости от времени года трудились либо на полях, либо в городе. Пожалуй, самый большой отряд наемных работников составляла домашняя прислуга.

Город уже достиг весьма почтенного возраста. Сколько понадобилось усилий, чтобы сложить его бревно к бревну! Деревянным был Михайло-Архангельский монастырь, основанный в незапамятные времена. Деревянной была крепость-острог, возведенная вокруг него в 1584 году по указу Ивана Грозного. Деревянными были дома крестьян с Подвинья, положивших начало городскому посаду. И задолго до всего этого деревянными были примитивные жилища первых поселенцев дельты Северной Двины, которые, вцепившись в полоску земли на мысе Пур-Наволоку, пытались защититься от холода. Жить



Панорама Архангельска. Фото Я. Лейцингера. 1897.

на Севере всегда означало либо приспособиться к природе, либо обмануть ее.

К описываемому времени Архангельск был плотно застроен домами, ныне совсем исчезнувшими каретниками и церквями: только православных было двадцать три. Высота их, нарастала от периферии города к центру, что придавало Архангельску пропорциональность и какое-то восточное величие. По воспоминаниям старожилов, субординация храмов выражалась еще и в том, что приходские церкви начинали звонить чуть позже соборной колокольни.

Несмотря на устремленные к небу церковные вертикали, архитектура города носила преимущественно прикладной характер. Постройки, выходящие за рамки обычного, возводились здесь всегда, однако в основном облик города определяли одинаковые деревянные дома (жилье и рабочие помещения внешне были неразличимы) и пространственная широта. Картина простая, ясная, успокаивающая.

Архангельск любил фотографировать дважды исполнявший обязанности городского головы Яков Лейцингер, к наследию которого мы теперь постоянно обращаемся. Свои пано-

рамные снимки он сделал с трех самых высоких точек — пожарной каланчи, башни городской думы и соборной колокольни, что позволяет увидеть город прямоугольнolенточным, лежащим на широком ландшафтном поле, и понять, что улицы в Архангельске появились раньше, чем застройка. Громоздкая переносная камера запечатлела панораму, создававшуюся целое столетие по высочайшему велению императрицы Екатерины II. На план средневекового Архангельска словно была наложена решетка, и все дальнейшее строительство велось по ее регулярным красным линиям. Эта структура как будто специально предназначена для восприятия сверху. Протянувшиеся через весь город проспекты в центре его повторяют поворот Северной Двины. Под прямым углом их пересекают улицы, начинающиеся у реки и упирающиеся другим концом во Мхи — бескрайнее болото, что сразу за Обводным каналом. На перекрестках проспектов и улиц — лавки и магазины. Набережные, обеспечивающие перемещение с суши на воду и обратно, служат своеобразным генератором жизнедеятельности города. Извилистых проездов нет. Переулки стремятся

стать улицами, улицы — проспектами, дворы — кварталами.

Пересекающиеся под прямым углом улицы и проспекты, квадратные кварталы — суть этого города. Такая строгая геометричность может показаться скучной, чуждой человеческой натуре, но план, заданный екатеринскими землемерами, регламентация и типизация зданий отнюдь не привели к схематизму архитектуры. Застройка Архангельска свидетельствовала, что определенная степень ее,

нормирования не обязательно означает монотонность.

Неотъемлемой частью панорамы города были раскрывающиеся вплоть до горизонта дали. Перспектива речного простора объединяла берега и центр города с островами. На равнинных землях Заостровья виднелись возделанные поля и вертикали церквей. Все производило впечатление обжитого пространства, гармонии человека с миром. Архангельск уже тогда наступал на природу, но делал это

Особняки на Троицком проспекте. С почтовой открытки. До 1914.



Гостиница и ресторан «Урал» на Петербургском проспекте. Фото Н. Чеснокова.





Адмиралтейская набережная в Соломбале.

как-то тактично.

Регулярная планировочная структура, театрализованное пространство улиц и площадей, ширмы из домов и заборов во многом определяли каждодневное поведение архангелогородцев. Дома служили символами функций, для выполнения которых они были возведены, и символами значений, заложенных в эти функции. На ход жизни влияло размещение торговли и ремесла в непосредственной близости от жилья, благоприятствовавшее разнообразным контактам людей обоего пола и всех возрастов. Частые посещения рынка и магазинов чередовались с пребыванием в закрытых дворах, которые создавали эф-

фект противодействия общественному характеру улицы.

Усредненно двухэтажная застройка не тяготила человеческую психику своими масштабами, позволяла одновременно воспринимать и дома, и их обитателей. Зрительная стимуляция обеспечивалась угловыми домами, перспективой улиц, обусловленной как ландшафтом, так и градостроительной фантазией. Здесь все стили были хороши, и всякий имел право на существование, как разные лица у людей.

Солидные, давно стоящие дома, каждый в близком родстве с соседними, внушали горожанам чувство надежности — в противовес не-

уверенности, сопровождающей беспрестанные изменения. Возраст некоторых домов превышал сто лет, кое-где проклевывалось что-то сверх меры новое, но, казалось, город творил один человек, который ни на мгновение не останавливался и ничего не повторял. В отличие от официальной архитектуры, старавшейся возвести нечто вечное, будь то собор или присутственное место, невидимый архангельский зодчий, сознавая, что деревянное строение рано или поздно разрушится и на его месте вырастет другое, подчинялся неумолимому ходу времени, действовал с ним заодно. Дома как бы не сносили, а реконструировали, настоящее вытекало из прошлого и обуславливало будущее. Город жил по модели «проектируемого», воображаемого. Существовала общая градостроительная память — коллективный фонд, из которого заимствовались идеи. Этот фонд постоянно развивался, и каждый архангелогородец ощущал себя причастным к его пополнению. Геометрическая заданность города делала индивидуальный энтузиазм вспомогательным материалом для создания уличных декораций.

Любой дом излучал тепло человеческих рук, всюду были признаки ручной работы, чего-то «нерифмованного» и «несовершенного»: оконные проемы не совсем одинаковы по размерам, углы домов чуть-чуть отклонились от 90°. Рассматривание зданий с самых различных точек доставляло удовольствие. Застройка содержала неисчерпаемый запас все новых открытий и впечатлений.

Улицы носили другие, забытые теперь названия: Благовещенская, Успенская, Самоедская... Были и безымянные улицы, совсем

глухие, грязноватые, с неприглядными домами — такие есть во всяком городе. А на главном, Троицком проспекте (ныне проспект Павлина Виноградова) элегантные одно- и двухэтажные особняки всем своим видом высокомерно подчеркивали, что принадлежат они богатым, уверенным в себе людям.

Полированные витрины, контрастировавшие с бревенчатыми стенами магазинов, предлагали невообразимые по нынешним временам товары, вроде определенной разновидности итальянской лапши, особого сорта кофе, хлеба, выпеченного по старым рецептам. «Нигде, — писал об Архангельске петербургский литератор Н. А. Лейкин, — я не встречал такое множество лимонов, как здесь»<sup>1</sup>.

Более 400 торговых заведений и, соответственно, масса рекламы. Коммерческий сленг блистал перлами наподобие этого: «Мебельный мастер. Приготовляю гробы по разным обрядам».

Удивительно громко именовались соломбальские улицы: Адмиралтейская, Французская, Датская и т. д., что никак не вязалось с их патриархальной застройкой, бревнами и поленищами на улицах, лодками, вытасканными на сушу. Судя по всему, соломбальцы уже тогда держались, так сказать, автономии: работать старались у себя на острове — у Макарова, в «министерстве» (теперешний судоремонтный завод «Красная кузница»), в военном порту, на фабрике Силиваниуса, изготовлявшей окна и двери. Жителей Соломба-

<sup>1</sup> Лейкин Н. А. По Северу дикому. — СПб., 1899.-С. 139.

лы обслуживали свой точильщик ножей, свой стекольщик, свой трубочист.

На большинстве архангельских улиц царил тишина, которую нарушали лишь похоронные процессии, направлявшиеся по Троицкому проспекту к пригородным кладбищам, да топот солдат, маршировавших время от времени на строевые занятия к Соборной площади. Старые фотографии показывают нам архангельские улицы как длинные дороги, уходящие в перспективу между ширмами из домов и заборов, пестрых вывесок и резных наличников, с редкими прохожими на узеньких тротуарах, где дамы задевали друг друга зонтиками.

Полную противоположность этому благолепию являли собой шум и толчея Центрального рынка — «чрева Архангельска». Рынок, тянувшийся по набережной от Архиерейской улицы до Соборной пристани, снабжал горожан продовольствием и предметами первой необходимости. Чего только там не было! Весь он был заставлен балаганами и прилавками, часто очень простыми — в виде опрокинутых корзин или досок поверх пары ящиков. Рыбные ряды, мясные, молочные; картофель и другие овощи, рожь, ячмень. Заостровские «женки» торговали молочными продуктами. Чай, кофе, сахар, апельсины и лимоны завозились через Скандинавию, фрукты поступали из Туркестана и Казани. Тут же распиленные и наколотые дрова для обогрева и приготовления пищи — их доставляли зимой на санях подгородные крестьяне, занимавшиеся в «мертвый сезон» лесозаготовками. Хватало добра всякого: мезенские глиняные горшки, корзины из еловых лучин, берестяные поло-

гушки для молока, тусса, расписанные цветами и петухами. Сушки, баранки покупали к зиме пудами. Прямо на рынке можно было и в бане помыться, и в церковь сходить.

Периодически гул рынка перекрывался колокольным звоном. Из-под арки надвратной часовни Соловецкого подворья выползала процессия с хоругвями и иконами и направлялась к причалу для посадки на соловецкий пароход с золочеными крестами на мачтах. «Нос парохода, корма, основания мачт были украшены деревянной резьбой: ангелы, святые, цветы... все было раззолочено, расписано лазурью, киноварью, суриком и белилами»<sup>1</sup>.

...Шумит, колышется пестрая толпа. Мужики большей частью в тулупах и сапогах, женщины в большущих платках. «Мелькают то печорские разноцветные рукавицы — смелое и свежее сочетание фиолетовых, малиновых, синих, оранжевых оттенков, то мезенские тканые пояса — на узеньком, в палец толщиной, в три аршина длиной, пространстве разработан сложный мотив переплетенных цветных линий», — читаем мы в очерке Е. Тагера из сборника «На Северной Двине» (1924 г.).

На рынок шли не только купить или продать, но и потолкаться из любопытства — людей посмотреть, себя показать. На берегу и на пристани, служившей естественным продолжением рынка, запросто вступали в разговор с незнакомым человеком. Степенное северное оканье, долгие гласные и мягкие согласные создавали странную для непривычно-

<sup>1</sup> Ш е р г и н Б. Я ли не богат? //Северный! комсомолец. 20—26.8.1988.—с.8.



го слуха звуковую гармонию. В силу своего географического положения Север был труднодоступен для россиян из прочих частей страны, поэтому здесь сохранялись старинные лингвистические формы и манера произношения, такие тонкости и оттенки языка, какие в других местах уже давно исчезли. В начале XX века в наших краях встречались старцы-песенники, которые исполняли для лесорубов, рыбаков, охотников былины на особый медленный распев, придававший им торжественность и назидательность.

Впрочем, можно было услышать на рынке и украинскую, белорусскую речь, татарский гортанный говор, специфический русско-норвежский торговый жаргон — фантастическую смесь норвежских слов, произносимых по-русски, и русских слов, произносимых по-норвежски, с вкраплениями из датского, немецкого, английского языков. «Речь интеллигентных особ, если вслушаешься, кажется иногда не нашей, а иностранной, какой-то акцент непременно в ней. Подумаешь, не финны ли, шведы. Поглядишь на лица — нет»<sup>1</sup>.

Здесь рождались всевозможные анекдоты. Один из них пересказал мне страстный собиратель открыток с видами архангельского торжища краевед А. Попов.

Ходит мужик по рынку, приценивается к живой рыбе, плавающей в бочках. Заглядывает в одну из бочек и спрашивает у торговца: «Рыба свежая?» — «Свежая», — отвечает тот.

Мужик идет дальше и обращается к другому торговцу: «А у тебя рыба свежая?» Этот возмущился:

«Видишь же, живая, стало быть свежая!» — «Да, — говорит мужик меланхолично, — у меня старуха тоже живая, но...»

Кстати, рыба была на любой вкус: семга двинская и из других рек, белорыбица — нельма, пелядь, сиг, мезенская и соловецкая сельдь. В белом фартуке и куртке перед своей чистой лавкой прохаживался, зазывая покупателей, крупный рыботорговец Авраам Тимофеев.

Острословы говорили, что Архангельск стоит на сваях и на костях трески. Его жителей повсеместно звали «трескоедами». Действительно, еще на почтительном расстоянии от рыбного ряда ощущался специфический запах соленой трески. Брала ее помногу, бочками, на всю зиму. В XIX столетии треску и коптили чуть ли не в каждом доме, а в начале XX века уже предпочитали покупать готовую в магазинах или на рынке.

Ежегодно в сентябре рынок становился Маргаритинской ярмаркой, которую приурочивали к концу рыболовного сезона и завершению навигации на Белом море и Северной Двине. Ассортимент товаров резко увеличивался: появлялись эмалированная посуда, фарфор, фаянс, меха и меховые изделия, ткани Ярославской и Морозовской мануфактур, готовая одежда, обувь, всевозможные кондитерские изделия, варенья, но основу оборотов ярмарки составляли сделки, касавшиеся рыбы и хлеба. Ее участники делились соответственно на две категории. В первую входили торговцы и промышленники из поморских селений, снаряжавшие суда на рыбный промысел и занимавшиеся меновой торговлей с Норве-

<sup>1</sup> Шергин Б. Двинская земля//Поморская сага.— М.: Советская Россия, 1984.—С. 30—31

гий, во вторую — купцы и мещане Архангельска, а также «верховцы», представители земледельческих уездов Архангельской губернии. Поморы продавали рыбу, «верховцы» и архангелогородцы — продукты земледелия и животноводства.

Многим из тех, кого заносило в город случайно и ненадолго или кто вовсе судил о нем издалека, он казался краем света, «где люди жили прозябая, где свиньи весной и осенью валялись в лужах на всех улицах, кроме главной, где наглые козлы срывали и пожирали красочные плакаты, расклеенные на вращающихся тумбах возле почты и полицейского участка, где коровы, бредущие без присмотра в летние вечера с общинных пастбищ, сами сворачивали во дворы своих хозяев»<sup>1</sup>. «Воскресные чинные гулянья по главной Соборной улице и на бульваре у реки, сонная одурь по будням, сплетни сытых мещанок и, наконец, тяжелый «российский дух» у каждого забора» запомнились полярному исследователю Николаю Пинегину<sup>2</sup>. А вот что сообщает в социально-экономической справке об Архангельске словарь Брокгауза и Ефрона (1890): «Заводская промышленность незначительная, фабрик нет. Поэтому жизнь и движение в Архангельске замирают на 6-7 месяцев, когда замерзнет река. Город чиновничий и торговый. Иностранцы издавна играют большую роль. Теперь они постепенно оставляют Архангельск, в котором торговля не развивается». Известно пренебрежительное высказывание Ленина о

регионе в целом: «К северу от Вологды дикость и полудикость»<sup>3</sup>. Однако не менее известно и то, что русских северян, напротив, всегда отличали охота к учению, широта взглядов, предприимчивость, умение крепко стоять на ногах. Вот отрывок из воспоминаний бывшей архангельской гимназистки, которые с равным успехом могли бы принадлежать петербуржке, москвичке или киевлянке.

Частная школа Сергеевой была собственным домом с множеством комнат, садом и балконом; занятия вела красивая учительница, имевшая хорошие манеры. Эта школа подготовила меня к поступлению в гимназию. Отец не особенно настаивал на моем образовании, но матери очень хотелось, чтобы дети были грамотные. Сама она грамоты не знала и сожалела об этом всю свою жизнь.

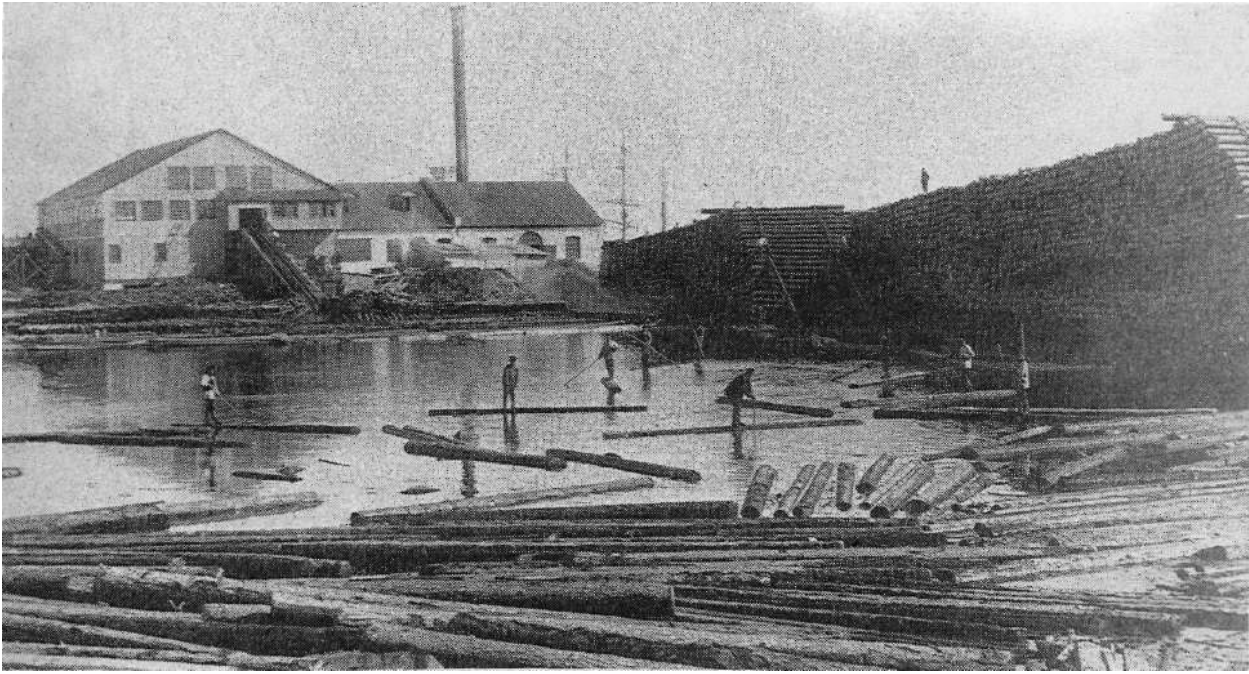
В гимназии был большой конкурс, но учительница не сомневалась, что я сдам экзамены хорошо и только чуть беспокоилась за мою арифметику. Получилось же совсем не так, как она могла предполагать. Задачку и устный экзамен я сдала на «5», а за диктовку получила «3», так как во фразе «смело вденешь ногу в стремя и возьмешь ружье» я написала вместо ружья - топор. Из-за этого я не была принята, чем огорчила и родителей и учительницу. Но за три недели до начала ученья к нам пришла учительница подготовительного класса Раиса Александровна и предложила сдать экзамен осенью, так как имелись свободные места. Меня снова засадили за ученье — ежедневно и подолгу. В результате я сдала хорошо и поступила в первый класс Мариинской гимназии.

В гимназии мне нравилось все: и форма с белой пелеринкой, и учительницы в синих форменных платьях, и начальница княжна Зинаида Аркадьевна

<sup>1</sup> Ротштейн Э. Эндрю. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... — М.: Прогресс, 1982.—С. 26.

<sup>2</sup> Пинегин Н. В. Записки полярника.—Архангельск, 1936.—С. 14.

<sup>3</sup> Ленин В. И. О продовольственном налоге //Поли. собр. соч. - Т. 43.—С. 288.



Лесозавод в Маймаксе. Фото Я. Лейцингера, 1898.

Мышицкая, у которой при ходьбе платье со шлейфом на шелковой нижней юбке сильно шуршало. Чистописание у нас преподавала Стелла Леопольдовна. Она была строга необычайно, сидела чинно, а если кто держал перо неправильно, привязывала палец к ручке, а иногда, чтобы ученица сидела прямо, привязывала ей косу к спинке парты.

Воспитательные методы преподавательницы чистописания мы сегодня назвали бы спорными, а во всем остальном — где же «дикость»? В гимназии — подчеркнем, женской — огромный конкурс, его выдерживает, хотя и не без трудностей, девочка из весьма скромной семьи (кстати, родители в состоянии платить за подготовку дочери, не единственного их ребенка, в частной школе), одежда гимназических дам и учениц, что называется, на уровне европейских стандартов.

Еще одно маленькое свидетельство о «проябаниии» и «сонной одури».

Отец не был богачом, но мы жили безбедно, имели двухэтажный дом. На Соборной у нас была мастерская и кузница, в которой весь день горел огонь и где нагревали железо. Отец был трудолюбив, слыл мастером по выработке кроватей, экипа-

жей, решеток оград и прочего; имел большую настольную серебряную медаль с нижегородской ярмарки и очень гордился ею.

Но, конечно, жизнь горожан была теснее всего связана с лесом, о чем говорит хотя бы сам факт существования деревянного города. Десятки судов развозили северный лес по далеким странам. Архангельские лесозаводы выстроились вдоль берегов Северной Двины, так как бревна сплавлялись большей частью с верховьев реки и прямо из воды попадали в конвейерную систему. Циркулярные пилы и лесопильные рамы стояли на втором этаже завода, к ним поднимался желоб, по середине которого двигалась бесконечная цепь с шипами из прочной стали, посаженными через каждые несколько футов. Внизу, в так называемой сплавной бирже, работник направлял бревна багром к месту, где цепь подхватывала их, тащила наверх, бросала на рамную тележку и протаскивала сквозь лесопильную раму. Архангельск завершал длительный производственный процесс, начинавшийся в глухих лесах, где самым высокооплачиваемым был тот, кто хорошо точил и разводил двуручные



Псковский проспект зимой. Фото Я. Лейцингера. 1899.

поперечные пилы.

Из дерева делали мебель, домашнюю утварь, сани, телеги, бочки. Оно служило основным источником энергии. Парусные суда и их снасти надо было смолить, поэтому в Архангельске существовал Смольный Буян, не имевший себе подобных в мире рынок смолы и дегтя — смола на него «стекалась» со всей губернии и из Вологды.

Деревья в самом городе не вырубали и не подрезали. Разросшиеся повсюду тополя забирали много света, зато Архангельск был удивительно зеленым. Кроме тополей сажали березу, лиственницу, дикую яблоню. О высоком социальном статусе семьи нередко можно было судить по редкостным деревьям возле дома. В своей книге «Дом над Двиной» Евгения Фрезер поведала нам об уникальном саде, располагавшемся на месте теперешней больницы имени Семашко. Родственники автора

создали частный парк, более походивший на городской, с запутанными пересекающимися дорожками, зелеными холмами, мостиками над водой и даже замком.

Традиционно уважительное отношение к дереву во многом определяло нравственность и бытовую культуру. Например, рождественскую елку почитали не только как неременный праздничный атрибут, но и как древо жизни, древо мира. В сознании северян она объединяла небеса, землю и подземное царство, символизируя космическую ось мироздания. Яркая зелень на мертвенном фоне зимы обещала им бесконечное возрождение жизни, а мерцающие свечи на ветвях были для них небесными огоньками в зимнем царстве смерти, провозглашали победу света над тьмой.

Существовал такой обычай. Люди приносили домой огромное тяжелое полено, зажигали его в канун Рождества и тщательно

следили, чтобы оно не угасало все двенадцать праздничных дней. Каждый вечер пепел разбрасывали по двору, а недогоревшие в конце концов головешки клали под кровать до следующего Рождества, дабы уберечь дом от пожара и молнии. Новое рождественское полено зажигали вместе с остатками прошлогоднего.

Дерево, посаженное в день рождения ребенка, становилось как бы его близнецом. Полагали, что у них общая судьба. За деревом тщательно ухаживали, веря, что, если оно погибнет, в опасности окажется человек. При острых заболеваниях к телу прикладывали деревянные плашки из пород, «отсасывающих» энергию, а при хронических недугах заряжали ею от «подпитывающего» дерева. В. И. Даль писал в своем «Толковом словаре живого великорусского языка», что «на осину заговаривают лихорадку и зубы; вырезав треугольник из коры (во имя О. и С. и Св.Д.) трут им десны до крови... Коли ноги сводит, то кладут полено в ноги, а от головных болей — в головы».

Нравится это кому или нет, но реальность такова, что в Архангельске наиболее ярко выраженный сезон — зима. Весна — лишь обещание, лето — иллюзия, хоть и выдается неделя-другая жары, осень — уже погружение в воспоминания о весне и лете. Зима — это наше сущее. Она приходит к нам уверенно, никогда не обманывает. Чистый снег, холод — часть характера северян,

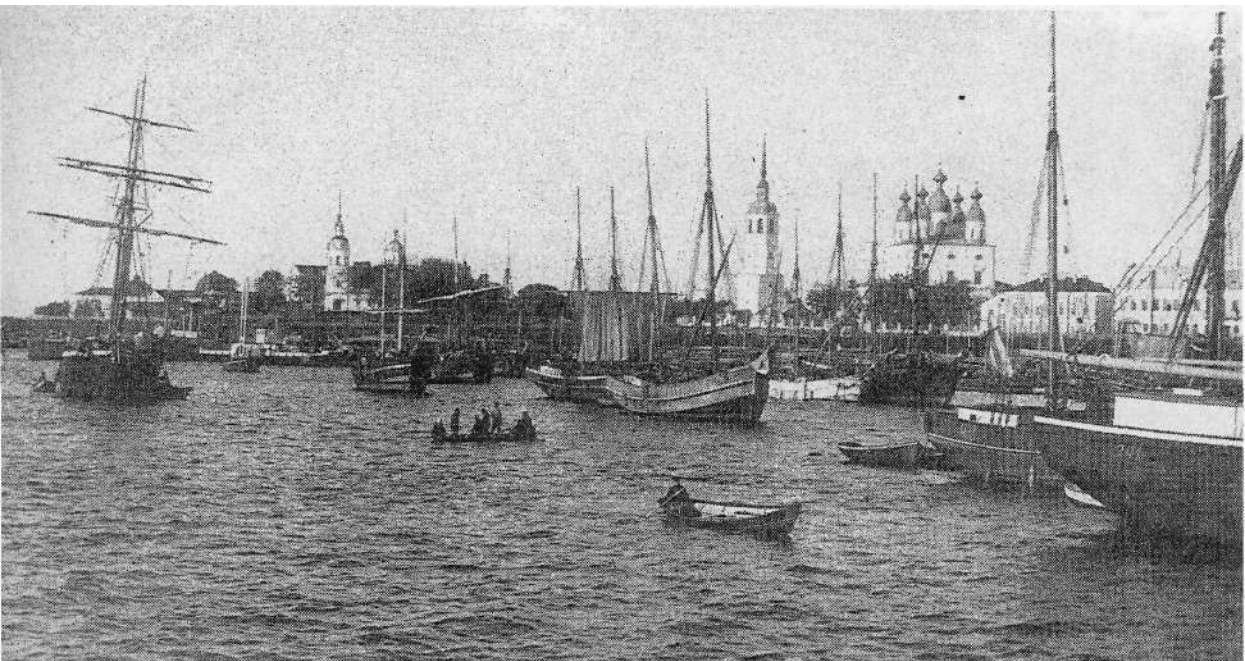
В далеком прошлом разница между летом и зимой ощущалась острее, чем теперь. Снегопады выбеливали город и окрестности, сливавшиеся в единый холодный простор.

Пейзаж наводил на мысли о летаргическом сне природы, об очередном оледенении. Все живое пропадало с глаз долой. Дома замыкались в себе. Утром город словно и не просыпался. В ясные морозные дни над ним зависал дым из множества труб, окна домов покрывались ледяными узорами, а стены «стреляли» как из пистолета. По ночам звезды опускались ниже.

Контакты архангелогородцев с внешним миром почти что прерывались, холод ограничивал и общение на улицах. Люди много спали, много ели и за зиму сильно прибавляли в весе.

Мы любили стоять у окна, наблюдая за прохожими, и с нетерпением ждали фонарщика, зажигавшего уличные фонари. Он появлялся с длинной легкой лестницей на плече, и вслед ему от столба к столбу медленно загоралась вереница слабеньких огоньков. Современному городу едва ли ведомы непроглядная темень, мертвая тишина, впечатляюще воздействие одиночных огоньков.

Но зиму, как она ни долга, сменяет весна. Снег потихоньку подтаивает, лед на Северной Двине утрачивает белизну, приобретает скучный сиреневый оттенок. Ледяной панцирь набухает и лопаются. Раньше, когда не было ледоколов и реку не вскрывали заранее, на середине ее естественным образом появлялась и мало-помалу расширялась темная полоса. В один прекрасный день гигантская масса льда приходила в движение. Громоздясь друг на друга и обрушиваясь, разбрасывая осколки, сокрушая все преграды, льдины неслись быстрее и быстрее. На них виднелись следы саней, обломки ограждений, окружавших полыньи,



Вид на центр Архангельска с реки. Фото Я. Лейцингера. 1902.

где еще совсем недавно полоскали белье.

Постепенно скорость ледохода начинала спадать, и все большее пространство открытой воды сияло в лучах ослепительного весеннего солнца. Запоздалые льдины растапливались за Соломбалой — в это время по острову ездили на лодках. Вода оставляла после себя илистые топи, поврежденные склады, магазины, дома.

Но, несмотря на связанные с паводком тревоги и убытки, это был для города праздник. Людью овладевало радостное возбуждение, все шли на набережную, чтобы насладиться зрелищем ледохода.

Когда вода отступала, рейд заполнялся всевозможными судами — большими и маленькими, узкими, как игла, и пузатыми. Паруса вперемешку с куполами церквей придавали летнему Архангельску особую привлекательность. Воздух дрожал от перебивавших друг друга пароходных гудков. Между кораблями-великанами сновали юркие «макарки». От берега к берегу курсировала «Москва» — один из наиболее памятных символов города. Езда на небольшом пароходке занима-

ла всего-то минут двадцать, но к услугам пассажиров был комфорт океанских лайнеров: каюты разного класса, обшитые тиком и красным деревом, мягкие сиденья с кожаной обивкой, богатый буфет.

Иногда на реке разыгрывался шторм, да такой, что, случись это в Петербурге, о нем кричали бы все газеты. Со стороны Соломбалы налетал сильный ветер, небо темнело, становилось свинцово-серым. Горожане спешили привязать лодки и закрыть окна. На город, подобно морскому шквалу, обрушивался ливень. Но после бури все оказывалось на месте, крыши были целы и невредимы, и только провода еще некоторое время подрагивали на высоких столбах.

Летом солнце в Архангельске почти не заходит. Это пора ирреальных белых ночей, когда в ритме приливов и отливов в дельте реки слышится небесная музыка, исполняемая планетами. Жара накаляет стены, слизывает с них краску. Повсюду стоит запах дегтя и свежих бревен. Из распахнутых окон доносятся разговоры домочадцев, звон посуды. В дома проникает скрип колес и цоканье копыт по бу-

лыжной мостовой.

Откуда удивительная гармония города и природы? Можно много рассуждать на эту тему, но лучше констатировать, что она, гармония, раньше существовала.

Сто лет назад архангелогородская семья казалась — и чаще всего была на самом деле — сплоченной, экономически независимой ячейкой, где ремесло и нравственные ценности передавались по наследству. Взаимовыручка брала верх над мелочностью и эгоизмом. Предрассудков — ни национальных, ни религиозных, ни социальных — не было. Считалось, что ко всем людям надо относиться приветливо, доброжелательно, помогать им в случае необходимости. Конечно, для кого-то семья оборачивалась бременем, но в целом эта клеточка общества обеспечивала своим членам благополучие.

В брак вступали с теми, кто жил поблизости и принадлежал, как правило, к той же социальной группе. Судя по старым открыткам, женихи предпочитали пышных девиц. Худенькие девушки вызывали сочувствие: кто возьмет такую замуж? Некоторые мамы, не мудрствуя лукаво, подправляли фигуры дочерей на выданьи с помощью ваты.

В состав семьи обычно входили представители трех и более поколений, не считая прислуги. Иной невестке надо было долго учиться отличать родных сестер и братьев мужа от двоюродных и от теток с дядьками. Супруги с четырьмя-пятью детьми отнюдь не считались многодетными. Городской голова имел четырнадцать детей, а семья Пецев была так велика, что в одном доме не помещалась. По сути, она представляла собой клан родствен-

ников, рассеянных по всему городу. Промышленник Ричард Пец, владелец лесозавода на Хабарке, жил на Троицком проспекте, его сестра Клара — на Садовой, вторая сестра, Екатерина — там же, но в другом доме, третья обреталась в доме Фонтейнисов и т. д. На улице Вологодской жили внебрачные сыновья Ричарда — Герман и Александр, а их мать служила у Печа экономкой. Конечно, такой клан мог существовать только при условии, что все его члены вели себя с отменной деликатностью.

Предприимчивость не вызывала подозрений, в чужие дела лезть не полагалось. Люди воспитывались на простых принципах: честно работать и по возможности хорошо зарабатывать, жить по средствам, делать сбережения на черный день, вовремя платить по счетам, поддерживать полицию. Жили с чувством меры, стремясь к «золотой середине» — не искать наслаждений и не страдать.

Литературные источники определяют тогдашнего архангелогородца как человека открытого и доброго, инертного в повседневной жизни и довольствующегося тем, что у него есть, терпеливого к неудобствам. Еще одна черта упоминается реже, но она-то в дальнейшем и поможет нам лучше понять многие особенности деревянного города: это склонность все делать своими руками.

Из всех искусств более всего любили фотографию. Позировать перед объективом было событием, и уж, конечно, никто не хотел отстать от других. Представители всех слоев местного общества шли в студии Лейцингера, Соберга, Сорокина и Подрухина, и те снимали их такими, какими они были на самом де-

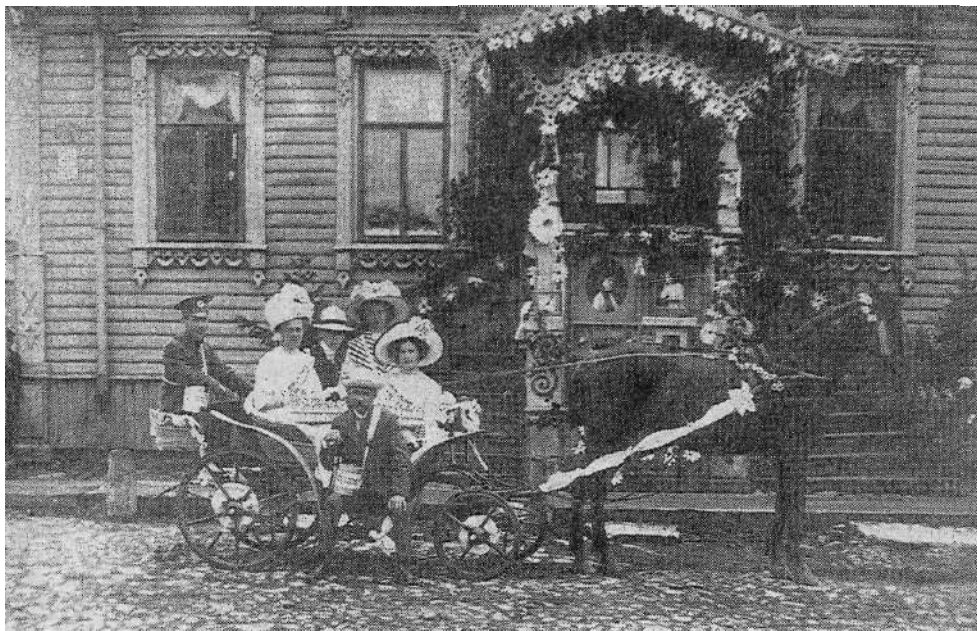
ле: неуклюжими, счастливыми, гордыми, сентиментальными. Групповые портреты, сделанные на увеселительных сборищах, карточки для семейных альбомов — молодые парочки, бабушки и дедушки, «ангелочки», умершие еще в младенчестве, — все эти старые фото в чем-то сродни народному искусству. Их персонажи, проглотившие аршин,

напоминают канонические изображения святых. Тарифы в студиях были по тем временам огромные — до трех рублей за портрет, и еще беднягам-клиентам приходилось за свои деньги выносить настоящую пытку: дав покрыть себе лицо толстым слоем белой пудры, неподвижно сидеть перед камерой минимум 20 минут.

Семья Лейцингеров. 1898.







Фотостудия Якова Лейцингера на Псковском проспекте.

Пытаясь романтизировать провинциальную жизнь, некоторые создавали себе известность причудами. Городской голова лично участвовал в тушении каждого пожара, а «хобби» купеческой вдовы Плотниковой состояло в том, что старушка обожала мыться в Москве, в Сандуновских банях.

Но провинциальные же правила хорошего тона действовали неукоснительно. Женщинам и девушкам они предписывали вести себя в обществе так, чтобы не вызвать двусмысленных толкований: не закидывать ногу на ногу, не разговаривать с незнакомыми. Велосипед считался чисто мужским аксессуаром, чреватый для дам непредсказуемыми последствиями (чеховский «Человек в футляре» уже был написан!). Женские прелести были затянуты в корсеты, прикрыты от нескромных взглядов длинными, до земли, юбками. Ни руки, заточенные в рукава с буфами, ни шея, замаскированная кружевными воротничками, ни ноги не знали солнца. Благодаря таинственности, невидимая нагота приобретала выразительность, о которой мы не имеем никакого представления, ибо современные женщины не-

редко разгуливают по улице почти нагишом.

Мужчины носили благообразные, окладистые, распущенные по жилету бороды, имели округлые «буржуйские» животики, твердые, как кандалы, манжеты и манишки, заковывавшие человека в броню респектабельности. Мужское изящество, стройность, молодость играли тогда меньшую, чем теперь, роль.

Надо сказать, что «окно» из Архангельска в остальной мир было всегда широко открыто, а отсутствие почти до самого конца XIX века железной дороги способствовало тому, что многие нити связывали город скорее с Западом, нежели с историческими центрами России. Кроме обычных для губернских городов учреждений в Архангельске имелись английское, бельгийское, германское, датское, норвежское и шведское консульства.

Множество иностранцев западного происхождения, попадавших к нам через «черный ход» арктических морей, местные жители от века звали немцами. Все эти экзотические зву-



Немецкая слобода. С почтовой открытки. До 1914.

чащие для русского уха Пецы, Бранты, Рени образовали динамичный островок в застойных водах российского Севера. Немцы были талантливы и верили в свою звезду. Многие семьи укоренились у нас еще в XVI веке. Идеально выверенная родословная Шольцев восходила к голландцу Рутгеру ван Бринеру, приглашенному Петром I для строительства кораблей на Соломбальскую верфь. При смене поколений иностранцы могли ассимилироваться, но фамилии устойчиво сохранялись, составляя гордость их владельцев.

Немцы держались тесным кругом, ценили друг друга за умение уверенно занимать подобающее место в обществе. Мужчины из их среды были немногословны, женщины — ироничны. Вместе с тем у этих архангелогородцев начисто отсутствовал шовинизм. Все они уважительно относились к новой родине и, подобно своим предкам, активно участвовали в формировании облика и функционировании города.

В справочниках и путеводителях по Архангельску кроме немецких фамилий значились еще татарские, польские, еврейские и даже

одна китайская. Этнические и культурные следы бывлой многонациональности Архангельска прослеживаются по сей день.

Люди начала века постоянно чувствовали на себе глаз божий, но это не смущало их, напротив — наполняло чувством самоуважения. Инстинкт защиты своей культуры сплывал этно-социальные группы. Каждая община тяготела к своему храму. Немцы обосновались вокруг лютеранской кирхи и очень следили за тем, чтобы Немецкая слобода была красивой и в ней селились только «приличные» люди. Татары жили возле мечети, евреи — поближе к синагоге.

Отдых и развлечения определялись сословной принадлежностью и материальными возможностями. Местом собраний «интеллигентного класса» и деловых людей был Коммерческий клуб. Там за обедами и ужинами, за разговорами и игрой в карты или в бильярд проводил время городской истеблишмент. Вот вольный пересказ описания одного из балов, отгремевших в этом клубе.

Бал начался в девять вечера. Громадный зал,

море света. В танцах приняли участие губернатор и гости из Москвы, местная молодежь. Пар было более шестидесяти. Танцевали полонез, три вальса, три кадрили и мазурку. Архангельские дамы, чьи туалеты отличались «полным изяществом и свежестью», привлекли к себе восторженное внимание гостей. К услугам тех и других были фрукты, десерт, прохладительные напитки.

Около двух часов состоялся ужин. Были поданы семга, соус голландский, сель-де-рен олений, соус пуавре, глухари, белые куропатки, рябчики, салат разный, мороженое «паровоз». Тушу оленя с головой и глухарей с распростертыми крыльями разделявали прямо на столе. В заключение — кофе, чай, ликеры. На сказочных тортах красовались кристаллические розы, шоколадные кружева, карамельные плетки, шпалеры цвета слоновой кости, марципановые пчелы, слетавшиеся к лужицам меда.

Увидев и отведав все это, присутствовавший на балу Савва Морозов произнес спич. Раньше, не зная Архангельска, как и многие другие лица, не бывавшие в этом городе, он верил, что тут бродят белые медведи, а слово «цивилизация» звучало бы иронией. Но сегодня, воочию убедившись, какое избранное общество его окружает, какие здесь царят мягкость нравов, благородная свобода и непринужденность, должен по всей справедливости признать, что приезжим из центральных губерний надо не столько вносить сюда культуру и цивилизацию, сколько самим учиться в Архангельске многому хорошему, заимствовать здесь основные начала цивилизации<sup>1</sup>.

Ознакомленные с меню Коммерческого клуба в тот вечер, мы можем легко догадаться, почему Савва так расслабился.

Более демократичными были Клуб обще-

ства приказчиков и конторщиков на Псковском проспекте и Торгово-промышленный клуб на углу Поморской и набережной. Летний театр общества трезвости, судя по старым афишам, ставил оперы и оперетты. В ту пору в городе один за другим открывались электротeatры, миниатюр-театры, просто балаганы, в которых под звуки рояля демонстрировались короткие мелодрамы, развлекательные ленты с погонями и трюками. Назывались эти синемаграфы не иначе как «Мулен Руж», «Ренессанс» и т. п.

С наступлением теплой погоды, получив полный расчет, возвращались домой архангелогородцы, вербовавшиеся на зиму на лесоповал. Пять-шесть месяцев они тяжело трудились, жили в убогих помещениях, а теперь, имея деньги в кармане, хотели погулять. Мне рассказывали об их чудовишных кутежах, нарушавших мирную жизнь города. Эти воспоминания похожи на правду, хотя, наверное, не обошлось без преувеличений.

Летом горожане старались чаще бывать на свежем воздухе. Как и теперь, любимым местом отдыха была набережная, обсаженная березами и тополями. Чудесный вид на Северную Двину действовал благотворно и успокаивающе. Около Финляндской улицы всегда стоял терпкий запах солода с пивоваренного завода Суркова. Толпа неспешно совершала общепринятый церемониал: один ее поток двигался в сторону «угора», к церкви Михаила Архангела, другой — к церкви Успения на бору. Достигнув цели, оба потока поворачивали обратно. Девушки в розовых, желтых, сиреневых кринолинах плыли парами, семьи шли в полном составе, молодежь

<sup>1</sup> См. Открытие Архангельско-Вологодской железной дороги. — Архангельск, 1897.—С. 26—27.

разговаривала на ходу. Пожилые люди сидели на скамейках, наблюдая за толпой. Из уст в уста передавались самые свежие слухи и сплетни.

В это же время «избранное общество» собиралось в Александровском саду. На старых открытках можно видеть купцов с женами и детьми, чиновников в форменных кителях и фуражках. Дамы демонстрируют последние модели шляп. Мамаши выставляют напоказ созревших дочерей. В саду стояла беседка-эстрада, выполненная в псевдорусском «петушином» стиле. По вечерам в ней играл оркестр пожарных или военный духовой оркестр. Еще в городе имелся ипподром, в глубине Финляндской улицы, и яхт-клуб, на его теперешнем месте, но в массе своей архангелогородцы спортом не занимались, дач не строили, лишь выезжали на рыбалку и охоту на острова дельты.

Едва ли не культовым мероприятием становились походы в баню: ванн тогда еще не завели даже в самых богатых домах. Бани были Успенские, Центральные и Соломбальские. Наибольшей популярностью пользовались Успенские, размещавшиеся в двухэтажном каменном здании на одноименной улице. Широкая лестница вела на второй этаж, где по сторонам коридора располагались «номера», иные в несколько комнат. Каждому посетителю выдавали сухой березовый веник. В парной особенно ценилась верхняя полка. Считалось, что жар под потолком изгоняет множество болезней — от ревматизма до алкоголизма.

Теплыми воскресеньями любили посещать кладбища, ухаживать за могилами, беседовать, устроившись возле плит и крестов.

Наконец, существовал простейший способ убить время и заодно удовлетворить свое любопытство: сидя на скамье возле собственной калитки, глазеть на прохожих. Архангелогородцы находили такое занятие нормальным, хорошим отдыхом.

Праздникам числа не было. Большинство из них приходилось на зиму и весну. Отражая сезонные изменения в природе, они помогали реально ощутить течение времени. Вплоть до Октябрьской революции эти праздники, в основном церковные, сохраняли свой блеск и благолепие, составляли часть повседневной жизни и быта горожан. Но, заметим, истовой религиозности на Севере никогда не было. Ходили в церковь, потому что таков обычай, потому что полагалось туда ходить. Осеняли себя крестным знаменем, потому что полагалось креститься, потому что все крестятся, потому что с малолетства видели, как крестятся. Поклонение Богу не мешало верить в разные фантастические существа, среди которых виднейшее место занимали домовые.

В последние дни декабря (здесь и на ближайших страницах — по старому стилю), когда в Архангельске уже совсем холодно, наступало святое Рождество, связанное с елкой, множеством увеселений, гостеприимными застольями, подарками. Подарки — не только детям, но и взрослым — клали под елку.

Рождественский сочельник — предвкушение праздника: вечерняя служба в церкви, сдержанное застолье, зажигание свечей на елке с чтением Евангелия, ранний отход ко сну — встать надо было рано, к заутрене. После нее торжественный завтрак и сон часов до двух

дня (в эту пору у нас и днем довольно сумеречно). А затем во всех домах распахивали двери и садились за кофе. Всякий, кто хотел, мог зайти в дом и пожелать его обитателям счастливого Рождества. Кульминацией праздника был ужин с вручением подарков и непременною обилием сладостей на столе. Среди различных видов печенья и пирожных настоящим шедевром кондитерского искусства была козуля — рождественская коврижка северян. «Радость детей и художников, сласть сластью, но что за сказочные, примитивно-причудливые формы, что за богатая роспись, то сплошными пятнами, то тонкими струйками сусального золота и розово-белого сахара по коричневому фону», — восхищенно пишет упоминавшийся выше Е. Тагер. Для приготовления козуль требовалась масса дрожжей, сметаны и миндальных орехов.

По прошествии полутора святочных недель 5 и 6 января праздновали Крещение. В эти дни в Архангельске обычно стоят сильные морозы, которые раньше так и назывались — крещенские. Северная Двина уже успевает покрыться толстым льдом. По народным поверьям, в ночь на 5 января Дух Божий сходит с неба, освящает воды, и они всплескиваются подо льдом. Наутро крестный ход с пением «Глас Господень на водах» направлялся от кафедрального собора к реке, где во льду заранее делали крестообразную прорубь — «иордань». Троекратным погружением креста Северная Двина освящалась. Все участники ритуала наполняли водой взятые с собою емкости, умывались ею, а самые отчаянные ныряли в прорубь.

На Крещение девушки устраивали языче-

ские, по сути, игры-гадания. В холодную воду лили расплавленный воск и по образующимся из него фигуркам пытались предсказать будущее. На блюде высыпали золу, ставили на нее стакан с водой, опускали туда обручальное кольцо и, не отрываясь, смотрели в центр кольца, где должен был появиться образ суженого.

Самым захватывающим было гадание с зеркалами. В пустой комнате, вдали от всех, на два стола ставили друг напротив друга зеркала, а между ними, по сторонам, зажигали свечи. Распустив волосы, с белой простыней на плечах, девушка садилась перед одним из зеркал. В полутьме, при мерцании свечей, ее отражения, умноженные вторым зеркалом, образовывали длинный бесконечный «коридор». Девушка сидела неподвижно, иногда по несколько часов, пока перед ней не начинали вырисовываться какие-то лица, фигуры, предметы. Про это гадание рассказывали и страшные вещи, и более обнадеживающие. Говорили, что некоторые девушки, увидев гроб, в том же году умирали. Другие видели свадебную процессию и вскоре выходили замуж.

В начале февраля праздновали любимейшую в народе масленицу. Семидневное ликование включало в себя песни, пляски, хороводы, гулянья, катание с гор и другие забавы. У каждого дня праздничной недели было свое прозвище.

Понедельник — «встреча». Пока хозяйки возились с тестом для блинов, ребята и взрослые мужики строили снежные горы и крепости. Потом «заклинали масленицу»: «Душа наша, масленица, перепелиные косточки, бу-

мажное твое тельце, сахарные уста, красная краса, русая коса, ты ж моя перепелочка!» — и вступали в шуточные баталии. Под вечер катались с гор, пели, отовсюду неслась музыка.

Вторник — «заигрыши». В этот день устраивались мужские игрища, девичьи хоро-воды, звучали величальные песни. Парням разрешалось поухаживать за девушками-невестами. «Заигрыши» завершались плясками и песнями.

Среда — «лакомка». Главным лакомством были блины — символ здоровья, долголетия и богатства.

А в жаркой кухне мы нашли бабушку, в фартуке, с раскрасневшимся от жара лицом. Она пекла блины. Рядом с плитой на табуретке стояла большая емкость с тестом, в другой было растопленное масло. Длинный ряд маленьких чугунных сковородок с толстым дном выстроился на плите. Бабушка работала сосредоточенно, ее руки так и мелькали с одного конца к другому. На каждую сковородку наливалось немного масла, затем тесто. К тому времени, когда оно налито в последнюю сковородку, приходило время переворачивать блин на первой, а когда все были перевернуты, с первой сковородки можно было снимать готовый блин и класть его на шесток. Бабушка снова и снова повторяла все операции, пока не появлялась горка золотистых тонких блинов, не тяжелых и жирных, а полупрозрачных и очень вкусных. Их уносили на стол и немедленно начинали есть, несколько слоев сразу. На столе — миски со сметаной, икрой, большой выбор варений из диких ягод.

В каждом доме съедали сотни таких блинов, для разнообразия изредка готовили и другие блюда. Стол на масленицу был на-

крыт всегда — ели, пили, словно собирались насытиться впрок. По старинному обычаю первый блин выставляли за окно, выносили блины нищим на помин усопших и уж только потом принимались угощать родных, друзей, знакомых. Тещи приглашали зятьев, сопровождая угощение обильной выпивкой. Молодые являлись на два-три дня, с подарками. Кроме домашних блинов были «уличные». С утра до вечера блинчики выкрикивали: «Кому блины горячи, блины масляны?».

Четверг — «широкая масленица», апогей праздника: штурм снежных городков, качели, катки, где собиралось «довольно прекрасного пола — горничных и мешанок, катавших с кавалерами при свете горящих смоляных бочек». По всему Архангельскому и окрестностям разъезжали сотни саней, влекомых быстрыми лошадьми. Это была излюбленная забава парней и девушек, которые в общей кутерьме могли знакомиться без помех. Молодожены щеголяли нарядами. Всяк старался «перечудить» другого. В гривы лошадей влетали ленты и бумажные цветы, сани устилали коврами, к расписным дугам подвешивали бубенцы, а женщины раскидывали сзади свои шубы так, чтобы все видели меховую подкладку. Одним словом, кто во что горазд.

Пятница — «тещины вечерки». После бурного четверга лишь ребятишки высыпали на улицу покататься на санках. Взрослые же только под вечер отправлялись в гости к родственникам хозяйки дома. Тещины блины были особенно вкусны.

Суббота — «золовкины посиделки». День делился на две части. Сперва строили снежные и ледяные крепости, а после окончания

«боя» с песнями шли пировать к родственникам мужа.

Воскресенье — «проводы масленицы». С утра горожане валом валили на кладбище — «просить прощения у родителей и дедов». В этот день, именуемый также «прошеным воскресеньем», полагалось простить друг другу все накопившиеся обиды, ни на кого не держать зла. Опять водили хороводы, дарили друг другу подарки, сжигали на костре масленицу — соломенное чучело, пели: «Прощай, прощай, прощай масленица, широкая вольная масленица!». После этого заключительного аккорда веселье прекращалось, наступал великий пост.

На протяжении шести недель не разрешалось есть скоромное, то есть любую пищу от теплокровных животных — мясо, молоко, масло, яйца и т. д., пить спиртное. В последнюю неделю поста — страстную седмицу — город походил на большой монастырь: все строги, тихи на слова, братолюбивы и уступчивы. Даже озорники и совсем отпетые держали строгий пост. Каждый вновь просил у ближних прощения за вольно или невольно нанесенные обиды, в знак примирения целовались. На кладбищах просили прощения у почивших.

Масленица и пост знаменовали пробуждение природы, приход весны после долгих холодов. Ее встрече, связанной с надеждами на лучшее, светлое будущее, посвящался праздник Благовещения (25 марта). Все проникались решимостью жить отныне как бы заново, по-иному, чем прежде, разумнее, правильнее. Из дома и души выбрасывали хлам.

Страстная седмица — это и последняя не-

деля перед Пасхой. В предвидении главного церковного праздника во многих домах еще с лета откармливали поросенка. Окрока запекали в тесте из ржаной муки. Готовили в изобилии всякие яства — пасхи, куличи, ромовые бабы, крашеные яйца, чтобы угостить всякого, кто войдет в дом.

«Пасхами» называли сладкие пасхальные сыры. Из творога отжимали сыворотку, протирали его через мелкое сито, вываливали в большую лохань, добавляли взбитые яйца, сливки, сахар, ваниль и всей семьей, по очереди, перемешивали массу при помощи длинного шеста с утолщением на конце — до тех пор, пока качество смеси не удовлетворяло главного семейного кулинара. Наконец массу раскладывали в пирамидальные деревянные формочки, выстеленные тонким муслином, и уносили в чулан.

Кулич представлял собой высокий круглый сдобный пирог (в тесто вбивали множество яиц) с изюмом, ванилью и кардамоном. Его покрывали глазурью и украшали начальными буквами слов «Христос Воскрес». Ромовая баба — тот же пирог высотой около 20 сантиметров, выпекавшийся в специальной форме. Залитый глазурью, он действительно напоминал фигуру женщины в сарафане.

В последнее воскресенье перед Пасхой — Вербное — в церквях святят вербу. Накануне горожане отправлялись на лыжах за реку, в заросли ивняка, чтобы нарезать пушистых прутиков. Освященные ветки обычно ставили перед иконами и сберегали до следующего года.

В четверг Страстной седмицы шли в церковь на «страсти Господни». Это очень дол-

гая служба. Чтение евангельского рассказа о предсмертных страданиях Христа, которое прихожане слушают с горящими свечами в руках, заканчивается молитвой, мучительно прекрасным пением хора. Свечи несли домой, зажигали от них лампы и сколько могли хранили этот огонь. На следующий день, в великую пятницу, в храмах совершается вечерня с выносом плащаницы — иконы, изображающей положение во гроб Иисуса Христа. Икона размером в человеческий рост лежит перед царскими вратами алтаря. К ней почтительно клали искусственные цветы — живые в это время года были в Архангельске большой редкостью. В субботу утром уже обозначается переход к пасхальному воскресенью. Священнослужители меняют черные ризы и покрывала на белые, все увереннее звучит тема жизни, преодолевающей смерть. Истекают последние часы великого поста, близится полуночная служба и торжественная заутреня, когда в церквях провозглашается воскресение Иисуса Христа.

Только маленькие дети, больные и совсем немощные старики оставались в эту ночь дома. Все спешили к церквям, возле которых горели костры из смоляных бочек. По воспоминаниям, пасхальные ночи в начале века были тихи и безветренны, как никакие другие в году. Около полуночи молящиеся зажигают свечи. Процессия, возглавляемая священниками в светлых ризах, с крестами, иконами и хоругвями, покидает церковь, чтобы пройти вокруг нее крестным ходом. Ровно в двенадцать процессия с пением возвращается в храм. Ярче вспыхивают огни. Христос воскрес!

В воскресенье с утра во всех домах раздвигали

столы, стелили белоснежные скатерти, делали праздничную сервировку. Домочадцы, без различия возраста и пола, целовались, говорили друг другу: «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!» Радовались приходу каждого человека, не разбирая, добрый он или не очень, и не отпускали, не угостив. Пополняемые гостями, росли горы пасхальных яиц — из шоколада, обсыпанного сахаром, из дерева, тонкого фарфора, просто вареных с многоцветными рисунками. Дети бежали в церковь, где им разрешалось подниматься на колокольню и звонить в колокола. Взрослые шли на исповедь, несли красные яички на могилы.

Тем временем на кухнях резали нежно-розовые окорока, сливочно-мягкую телятину раскладывали по блюдам и тарелкам семгу, черную и красную икру, маринованные грибы, сельдь, другие закуски, украшали их. Вечером все это ставили на стол, в середине которого лежали горкой крашеные яйца — голубые, красные, золотые, зеленые. Были тут и «пасхи», куличи, ромовые бабы, наконец, ледяная водка, наливки, ликеры. Что ж, и праздник велик, и пост был долог.

Из летних праздников больше всех почитали Ильин день. На Кегострове устраивалось гулянье, «макарки» едва успевали перевозить публику. Перед церковью, которую некогда посетил Петр I, и на огромном лугу девушки в северных нарядах водили хороводы, воскрешая память о новгородском заселении Севера.

В 1897 году открылось железнодорожное сообщение между Архангельском и Москвой.



Время пошло быстрее. Архангелогородцы первыми в России завели у себя автобусы. «Автомобиль на днях на Троицком, между Воскресенской и Соборной, напугал лошадь, которая бросилась в сторону, ушибла проходившую мимо гимназистку Л.», — писала в 1907 году газета «Архангельск». Рассыпая искры, побежал по улицам трамвай. На почтамте висело объявление, предлагавшее всем желающим установить телефон. Люди, однако, не спешили обзавестись дорогостоящей игрушкой. «Зачем? Кто хочет чего сказать, сам придет. Посидим, поболтаем». Старухи телефона просто боялись, так и говорили: «Жди от него дурных вестей». В июне 1903 года построили водопровод. Поперек улиц встали маленькие домики — «бассейны». Сунул в окошечко бумажный талон, и можешь подставлять ведра под кран. Проблема питьевой воды, становившаяся уже непосильной для одних лишь водовозов, была практически снята. На деревянных столбах появились чугунные коробки пожарной сигнализации «разбей стекло — нажми кнопку». В 1914 году улицы получили электрическое освещение, по Мхам протянулась высоковольтная линия питания трансформаторных будок.

Новообразованные общества — сельскохозяйственное, музыкальное, пожарное, общество трезвости и другие — занимались большой просветительской деятельностью, устраивали выставки, основывали библиотеки. Краеведческое общество по изучению Русского Севера участвовало в подготовке арктической экспедиции Георгия Седова.

В городе существовал комитет РСДРП. Архангельский адрес — по нему находился

деревянный дом Анны Гудиной — упоминает Ленин в письме из Шушенского к матери и старшей сестре: «Адрес Александра Леонтьевича: (Оперная улица, д. Гудиной, Архангельск)».<sup>1</sup> Здесь читали «Искру», свободно общались с политическими ссыльными.

Любопытны воспоминания дочери довольно крупных домовладельцев Кошкиных.

Первое для меня слово, имевшее отношение к революционному движению, было «красный петух». В разговоре между отцом и мамой я услышала, что богачу-купцу пустили красного петуха. Этот петух засел у меня в голове, так как в действительности я красных петухов не видела. Решила спросить у отца, который сверх ожидания объяснил истинное значение этого слова...

В то время министры менялись очень часто, не знали, как лучше приказать, как навести порядок в стране. Удивляюсь, почему я не попала ни в какой кружок. Наверное, потому, что искала развлечений, увлекалась артистами и часто бывала в театре, много читала, но без системы и без разбора. В нашем доме на Новгородском проспекте, 3 жил монтер-меньшевик. Он раза два приносил мне тоненькие книжечки, но меня они не заинтересовали, и он больше не обращался ко мне.

Наш доходный дом стоял в стороне от главных улиц, нам принадлежали четыре квартиры по четыре комнаты с кухней, и чтобы они не пустовали, папа сдавал их кому угодно. Кроме монтера у нас жили поднадзорные. Жили они, по-видимому, коммунной, о чем мы тогда не имели понятия и лишь удивлялись, как это девушки и молодые люди живут вместе. Папе эти жильцы были не по сердцу,

<sup>1</sup> Ленин В. И. М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой. 22 ноября 1898 г. // Поли. собр. соч. — Т.55.—С.110. Речь идет об участнике революционного движения А. Л. Марченко

хотя и были они тихие и скромные, во дворе не появлялись, а пользовались входом с улицы. К нам часто заходил жандарм и все хотел знать, чем жильцы занимаются, жгут ли лампы, ходят ли в церковь и т. п. Жандарм был большой, толстый и противный. Папа не мог ничего ему сказать, так как не был вхож к ним и в окна не подглядывал. Вообще отец был скромный человек, и потому жандарм спрашивал еще у дворника, но и тот не мог ничего сказать, и жандарм уходил ни с чем. Между тем, безусловно, эти молодые люди были революционерами.

Зимой 1905 года все мы были страшно напуганы; шла толпа рабочих с Маймаксы, с красным флагом и песнями. Толпа не так велика, но напуганы были все. Швейцару приказали плотнее закрыть двери, а нас, детей, отправили домой через заднее крыльцо. Почему-то считали, что рабочие будут бить стекла, а они шли спокойно и ничего не делали вызывающего (...).

Летом 1914 года, окончив шестой класс гимназии, я с подругой поехала на пароходе «Гоголь» по Двине до Котласа! Билеты можно было купить с полным пансионом. Мы так и сделали, ехали в первом классе, ели прелестно и пользовались услугами горничной с белыми наколками и красивым белым передником; обед и завтрак подавал лакей. Но эта поездка вместо радости принесла нам горе, мы узнали, что немцы объявили войну. Уже на второй-третий день после ее объявления происходил набор в солдаты...

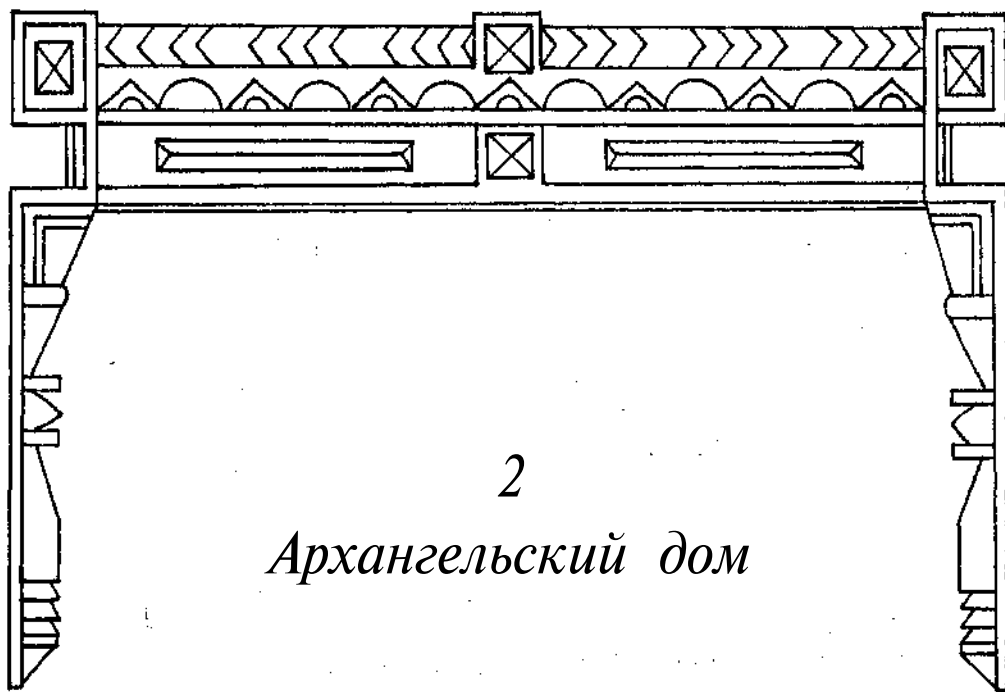
Тем не менее, все предреволюционное время Архангельск оставался спокойным, милым городом, где многие просыпались под крик петухов. На четвертый год войны жизнь с виду шла по-прежнему: на театральные премьеры не попасть, у кинематографов — очереди, в магазинах — изобилие (после февральской революции ходили слухи, что сахар будет да-

вать «по листам», но они не подтвердились). Газеты писали о многом, и большей частью правдиво. Эта информация дополнялась анекдотами о войне, скандалах, связанных с Распутиным, и бездарных министрах.

С начала века вплоть до 1917 года деревянный город переживал строительную горячку. Осваивалось левобережье, развивались Бакарица и Исакогорка. На каждой улице возводилось по два-три дома разом, а в городскую управу все шел поток прошений разрешить строительство там-то и там-то.

Это была вершина эволюции местного деревянного зодчества. Народная традиция, свободная и грубоватая по характеру, утончалась. Новая мода порождала особо выпуклые крыши, большие окна и веранды. Дома, некогда массивные, обретали воздушность, почти невесомость. В поисках выразительности застройщики все чаще обращались к услугам архитекторов, но их было мало и они не могли коренным образом изменить традиционный облик города, хотя облагораживали его по мере сил. В профессиональной архитектуре сосуществовали два течения — швейцарский стиль и модерн. Оба были ликами одной культуры, только первое оглядывалось назад, второе — смотрело в будущее. Первое как бы расщепляло утилитарность и красоту, второе — сливало конструктивное решение, планировку и декор в едином дизайне.

Гармоничное соперничество народного зодчества с этими двумя течениями, их историческая смена в советский период конструктивизмом в дереве составляют общее содержание картины, которую мы развернем далее.



2

## *Архангельский дом*

Традиционный архангельский дом лишь сравнительно недавно привлек к себе внимание исследователей. Может быть, это объясняется тем, что его легко принять за осточертевшую нам многонаселенную «коммуналку», да еще не самую удачную — с коридорной системой. Кажется, ему, суровому, почти аскетичному, не хватает легкости и удобств современных панельных строений. На самом же деле, благодаря рациональному устройству и заложенной в него эстетике, он являл собою редкий пример настоящей — и неплохой — «машины для житья» (выражение позднейших архитекторов-конструктивистов) в безмашинный век.

Этот дом работал как фильтр по отношению к внешнему миру — обогревал зимой, сохранял прохладу летом, не допуская ни сырости, ни духоты. В то же время материал и малая этажность обеспечивали плавный переход от внутреннего пространства к наружному, делали дом частью природы. Прочный и удобный, он был рассчитан на людей, которых больше заботили повседневные жизненные вопросы, нежели специфические архитектурные нюансы.

Форма архангельского дома, диктовавшаяся условиями среды, проста, естественна, а потому красива. На Севере у животных отношение поверхности тела к объему минималь-

но: тепло теряется через поверхность. Поколения плотников экспериментировали десятками способов, чтобы приблизиться к «природному» оптимуму. В конце концов дом предстал композицией из двух простых геометрических тел — параллелограмма (сруба) и покоящейся на нем усеченной призмы (вальмовой крыши). Возникло ограниченное число эталонных образцов, содержащих «генетический код» для воспроизведения традиционной формы. Если накопленная информация когда-либо варьировалась, то почти исключительно ради совершенствования строений в ответ на новые потребности.

Высота дома, не превосходившая ширины улицы, учитывала малый угол падения лучей северного солнца, длина составляла в среднем 25 метров, ширина — не более десяти. Узкой стороной дома были обращены к улице, силуэт которой выглядел таким простым, словно его нарисовал ребенок. На всех уличных фасадах постоянный набор архитектурных элементов: высокий цоколь, два ряда окон, выступающий карниз, вальмовая крыша.

Внутри имелся комплекс тесно связанных между собой помещений, где люди встречались, проводили досуг, готовили пищу, ели, спали. Не вдаваясь пока в подробности, отметим, что конструктивная система интерьера сочетала постоянство с гибкостью. Архангель-



Дом Гендриксена (из Вардё) 1911. Ул. Карла Маркса, 43. Фото 20-х годов.

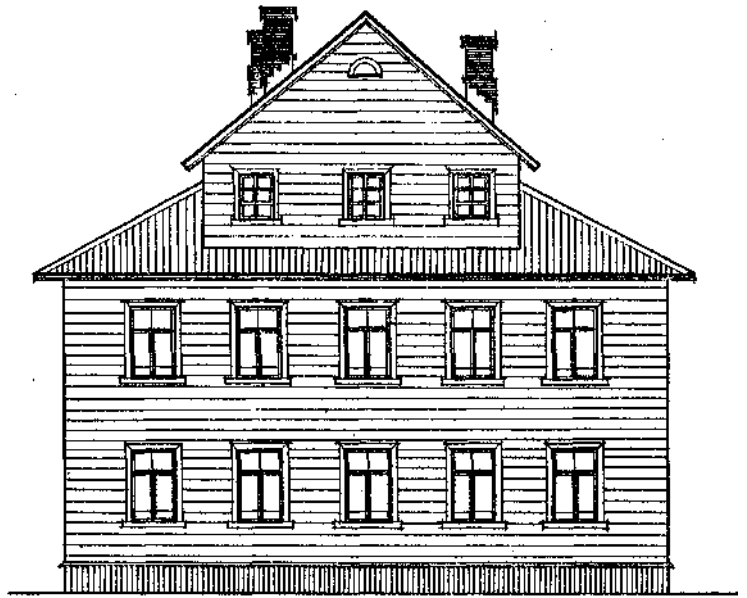
ский дом — это своеобразная постройка, которая некогда начиналась с одной неприятельной «клеточки» и, говоря фигурально, росла из года в год, точнее, из века в век. Развитой дом стал в известном смысле подобен биологической группе клеток, перед которой все время открыта возможность превращения в нечто еще более масштабное и совершенное.

Несмотря на общие исходные характеристики, каждый дом чем-то отличался от другого. У одно-двухэтажных построек на самом виду крыши, поэтому именно их разнообразили в первую очередь — мансардами, мезонинами, слуховыми окнами, кружевным оформлением дымовых труб и изящных водозаборных воронок, профилем карнизов.

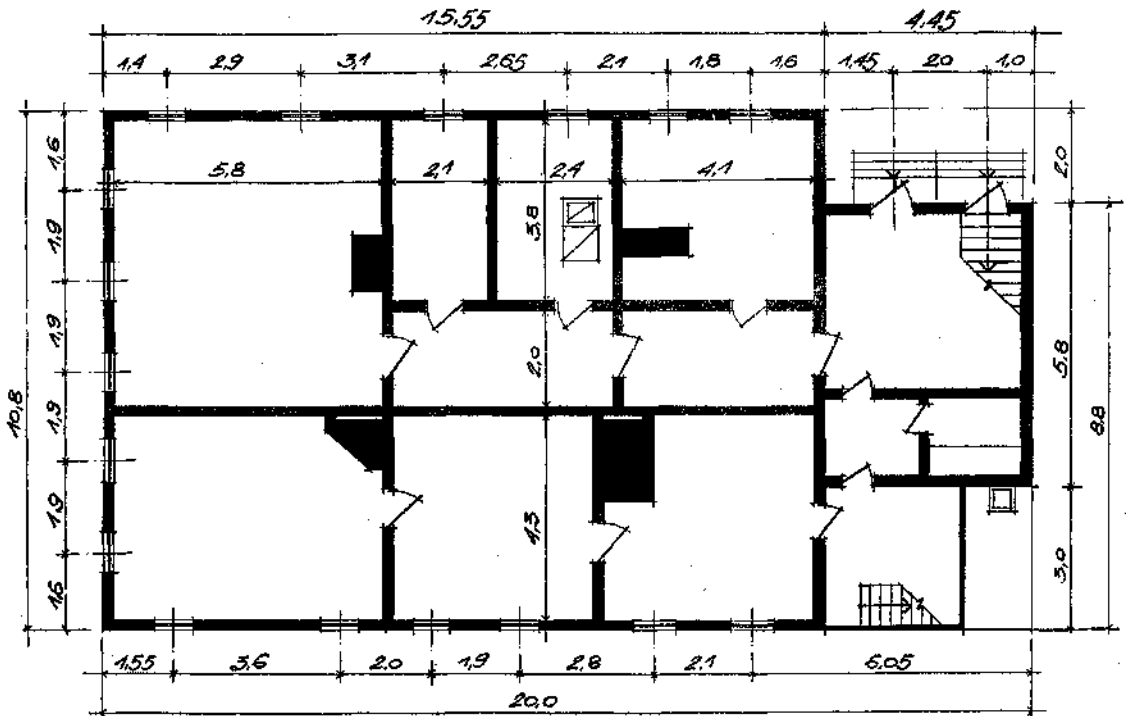
Любой из нас по собственному опыту знает, что в мороз мерзнут прежде всего нос и уши. Не случайно стены традиционного архангельского дома искони были гладкими, без выступов. Но архитектура — всегда еще и мода. В начале XX века в Архангельск пришла мода на эркер, который размещали по середине уличного фасада. Позже на фасад стали «навешивать» сразу два или даже три эркера

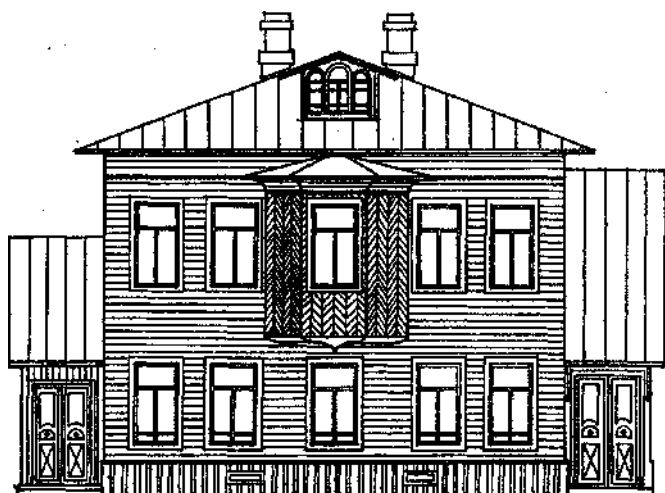
— не столько для того, чтобы обозревать окрестности, сколько из тщеславия. При возведении дома на углу квартала эркер делали угловым и завершали его пирамидальной башенкой с чешуйчатой кровлей. Мотив акцентирования угла квартала эркером был очень популярен. Выступающий объем нависал над красной линией застройки, обретая значение символа, ориентира. Прямоугольные, граненые, полукруглые, опирающиеся на могучие резные столбы либо консольные эркеры (фантазировал кто как умел) больше, чем какой-либо другой архитектурный элемент, способствовали разнообразию городской застройки.

Жилая, теплая часть дома поднималась высоко над землей, чтобы из-под пола сыростью не тянуло, сверху ее защищал от холода чердак, сзади — некапитальная пристройка из полубревен или в виде обшитой каркасной конструкции. Крыши были не слишком пологие и не слишком крутые, а такие, чтобы удерживать минимум снега для дополнительной теплоизоляции. И в этом тоже связь архангельского дома с природой, союз с нею ради борьбы за жизнь.



Дом на Адмиралтейской набережной. 1849. Уличный фасад, план первого этажа.





Дом в Соломбале. Стоял на ул. Левачова. Слева — уличный фасад; справа — дворовый фасад, план второго этажа.

Осенью в окна вставляли внутренние рамы, все шели тщательно конопатили и проклеивали. В доме делалось еще уютнее, теплее. Мягкий свет на столах, мерцание лампад перед иконами, тихое пение самовара, запах сосновых и березовых дров, потрескивание горящих поленьев... «Хотя на дворе мороз — дома все красное лето. Всю зиму по комнатам в легкой рубашке и в одних чулках ходим»<sup>1</sup>.

Самая суть архангельского дома — в его планировке. С виду компактный, предназначенный для одной семьи или двух, связанных родственными узами, он скрывал за крепкими рублеными стенами расточительный простор помещений. Четко обособливались функциональные зоны — парадная, жилая и хозяйственная, нанизанные на ось широкого длинного коридора, образовавшего сквозной проход вдоль дома.

На улице смотрели окна гостевых комнат — залы и располагавшихся по ее сторонам спальни и гостиной. Далее в глубину шли комнаты хозяев. Все эти апартаменты были смежно-изолированными. Двери между ними открывались редко, для сообщения использовался преимущественно коридор. Но при необходимости ничего не стоило связать

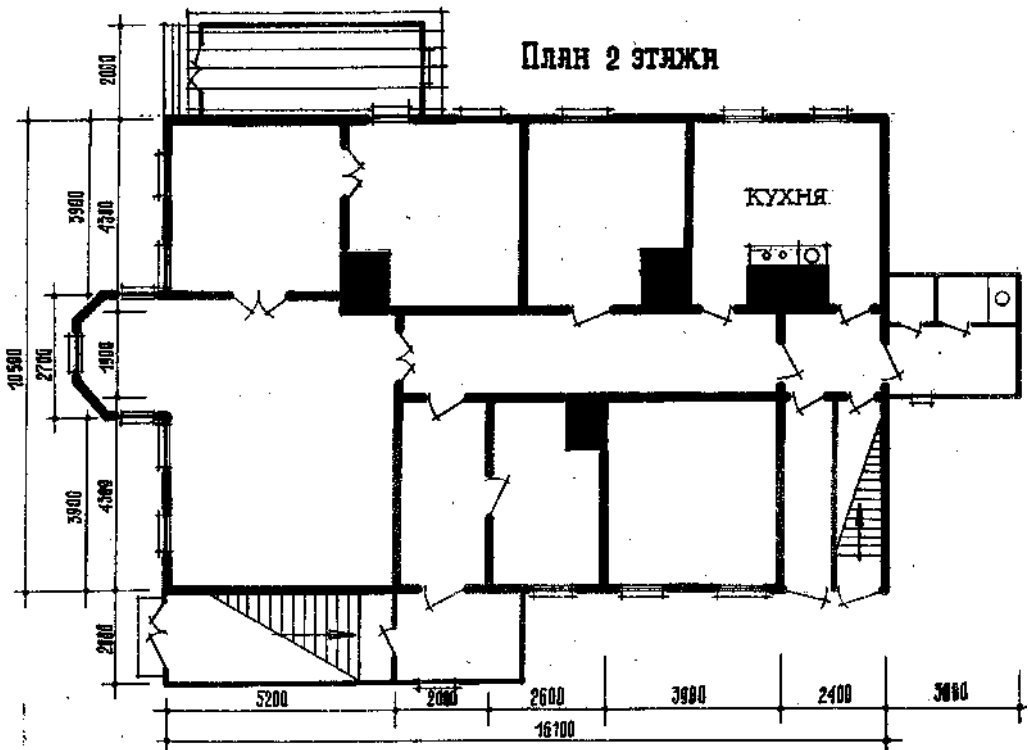
комнаты напрямую. Еще дальше, за двустворчатыми дверьми, встроенными поперек коридора, находились кухня, кладовые и т. п.

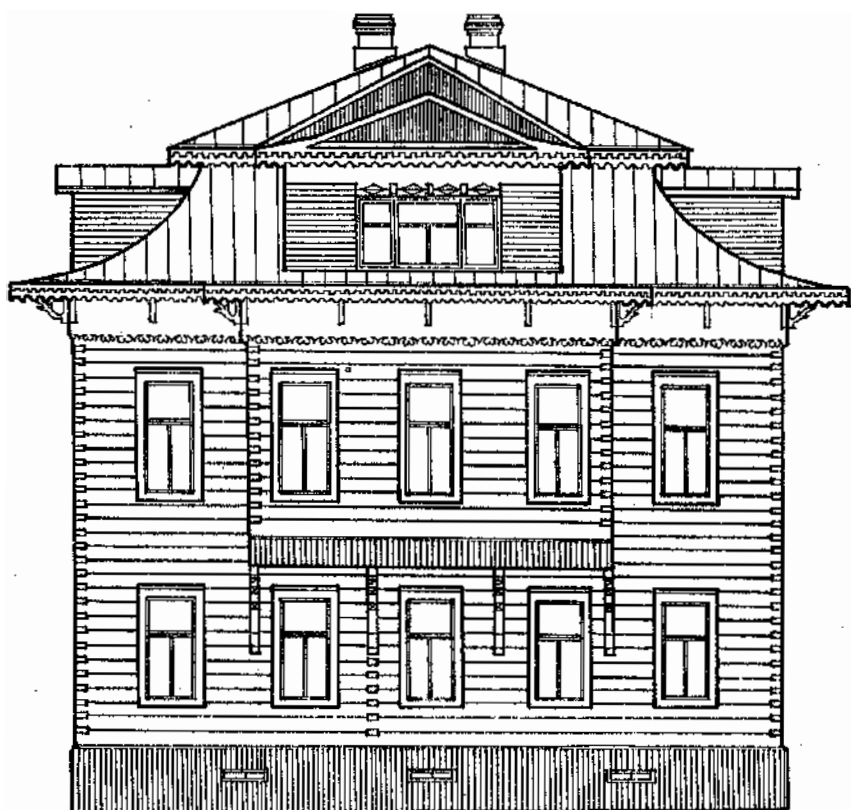
Несмотря на большую площадь, помещения хорошо освещались естественным светом. Настроение интерьера деревянного дома передает картина Валентина Серова «Девочка с персиками». Окон было много, в угловых комнатах — до пяти, по двум стенам. С высоты первого-второго этажа люди постоянно видели вблизи улицу, прохожих, все, что делалось во дворе.

Сердце, эмоциональный фокус архангельского дома — кухня. Домочадцы пребывали здесь в тепле, источаемом русской печью или плитой, выполненными как одно целое. Огонь горел почти постоянно. Вырывавшийся из кастрюль пар создавал атмосферу, прямо сказать, тяжеловатую, но по-своему приятную. Площадь кухонь, достигавшая 30 квадратных метров, сегодня кажется непомерной. Но учтем, что там стояли хозяйственные столы и табуретки, кадушки с водой, лежали дрова. К тому же кухни были проходными, так что свободного места оставалось немного.

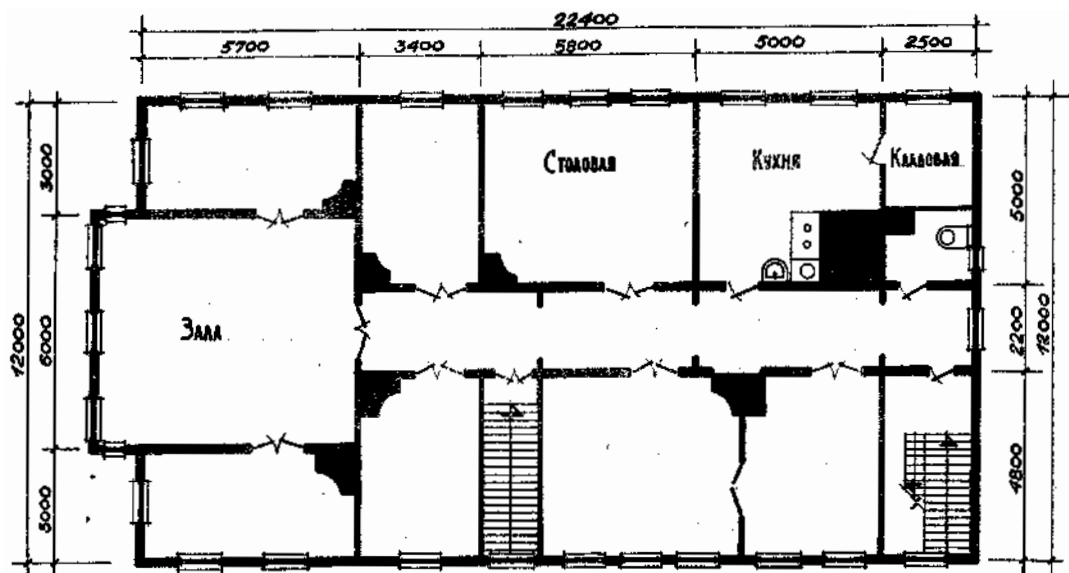
Парадный ход в дом располагался на уличном фасаде либо на боковом, но близко к калитке, черный — в конце бокового фасада либо на противоположном главном. «Зажав нос, скорее прохожу мимо», — частенько чи-

<sup>1</sup> Шергин Б. Двинская земля. — с. 30-31.

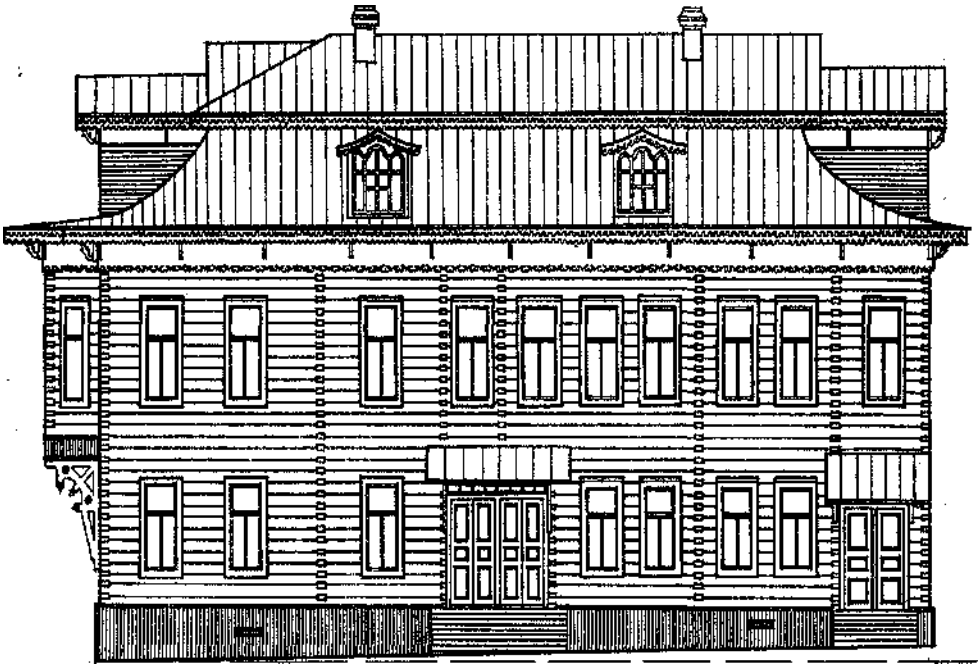




Дом Черепанова. 1885. Стоял на нечетной стороне пр. Ломоносова, между ул. Поморской и Карла Либкнехта. Стены брусчатые, необшитые. Уличный фасад, план второго этажа; справа—дворовый фасад.







таем мы про черный ход в старых книгах: с ним всегда соседствовал нужник. Когда появились теплые уборные с канализацией, от холодных не отказались, продолжали их строить по привычке, да и просто на всякий случай.

На втором этаже потолки были выше, чем на первом, подобно тому как в северных храмах зимняя церковь, внизу, давит сводами, а летняя, верхняя, имеет высокий купол. Междуетажные лестницы делали всегда поперек дома, как правило, одномаршевыми и столь крутыми, что перенести по ним даже обыкновенный стол было трудно. Дряхлому старику — ни вскарабкаться, ни спуститься. Такая крутизна по современным нормам проектирования считается неприемлемой.

Я снимала комнату у старой девы по имени Евдокия, последней обитательницы родового дома с высоким и узким фасадом, которому (дому) перевалило за 150 лет. Евдокия плела кружева на продажу. С тех пор как она осталась в доме одна и старым ногам ее уже не под силу было что ни день одолевать лестницу, она перебралась в нижний этаж, где готовила еду и спала. Там же помещалась ее кружевная лавка. Верхний этаж, обставленный старинными шкафами, источенными жучком, и стульями с поплекшей обивкой, пустовал.

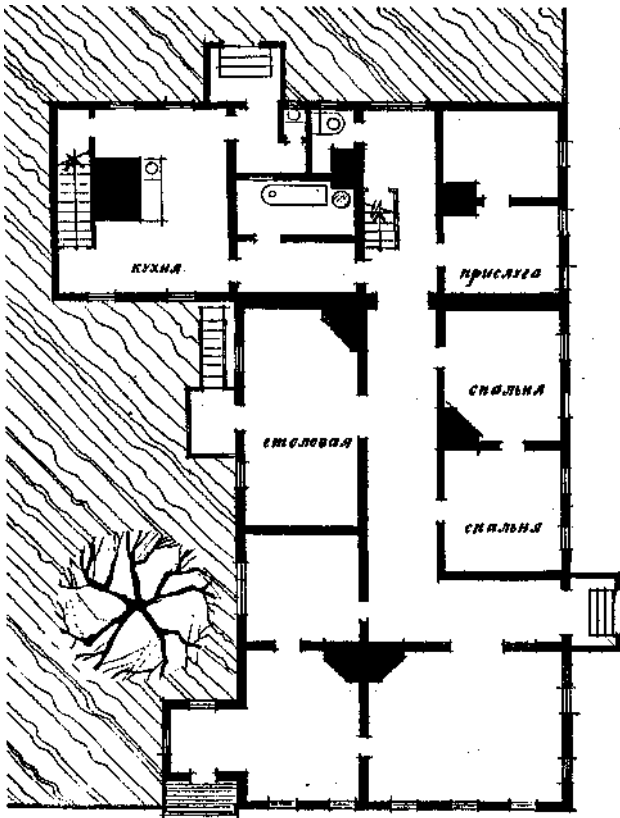
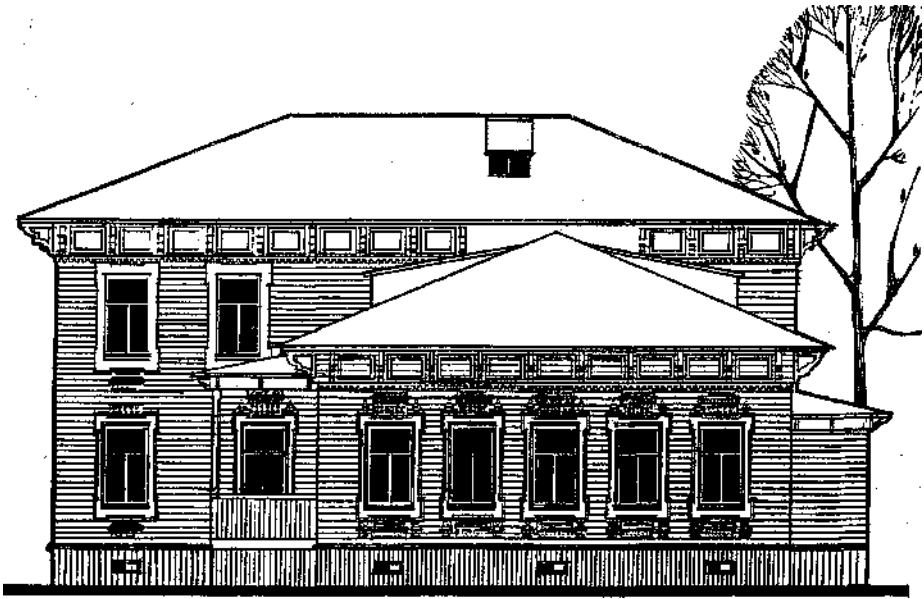
Лестницы, ведущие на чердаки и мансарды, устраивали не где-нибудь в закутке, а открыто и даже, пожалуй, торжественно вдоль коридора второго этажа.

При каждом доме имелся двор, а в нем амбар, хлев, каретник, ледник и еще, довольно часто, домик для детей — настоящая избушка, с комнатами, только маленькая.

Двор у нас был образцовый, проезд выстелен камнем, а по обочинам зеленел дерн. Росли смородина, черемуха, рябина. В глубине этого садика стоял детский домик с двумя открывавшимися окнами. Внутри он был оклеен красивыми обоями.

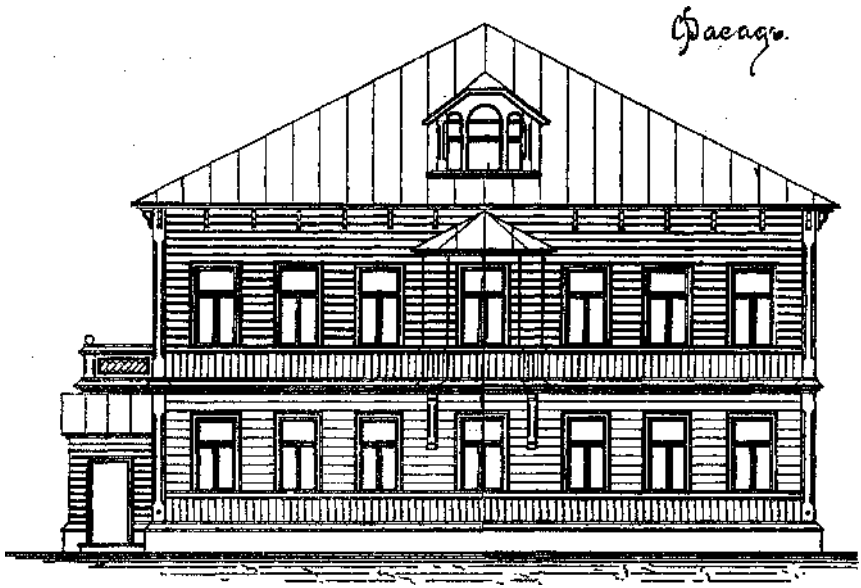
В начале XX века Архангельск представлял собою подлинный музей под открытым небом, где можно было проследить все этапы долгой эволюции городского деревянного зодчества — от простых однокомнатных бревенчатых строений, нередко с древней крышей конем, еще встречавшейся, однако, в строительной практике, до многоквартирных доходных домов в стиле модерн.

«Праmaterь» архангельского дома — широко распространенная на Русском Севере изба, которую привезли в Архангельск первые горожане, коими были, как уже говорилось, крестьяне с Подвинья. Начался процесс ее

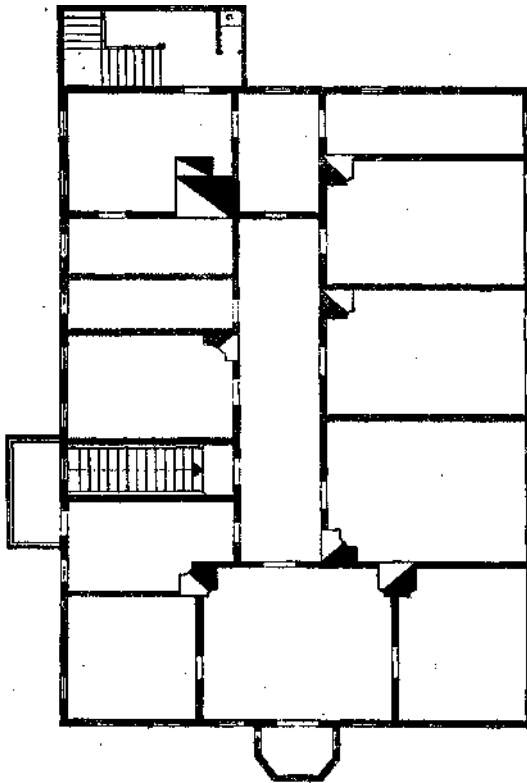


Дом Антонова. 1899.  
Пр. Чумбарова-Лу-  
чинского, 30. Улич-  
ный фасад, план.

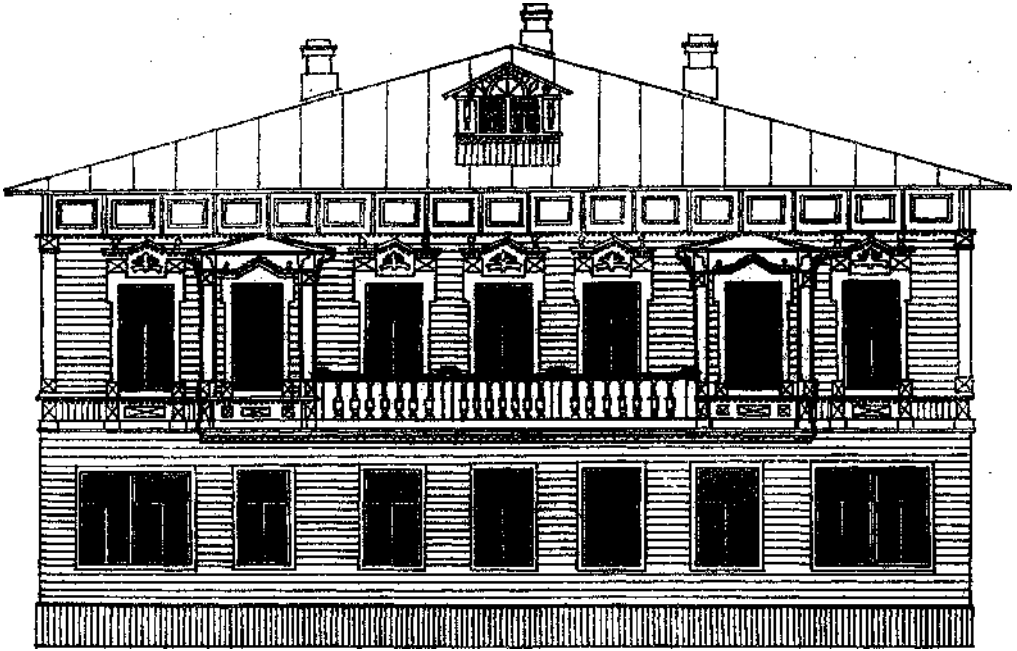




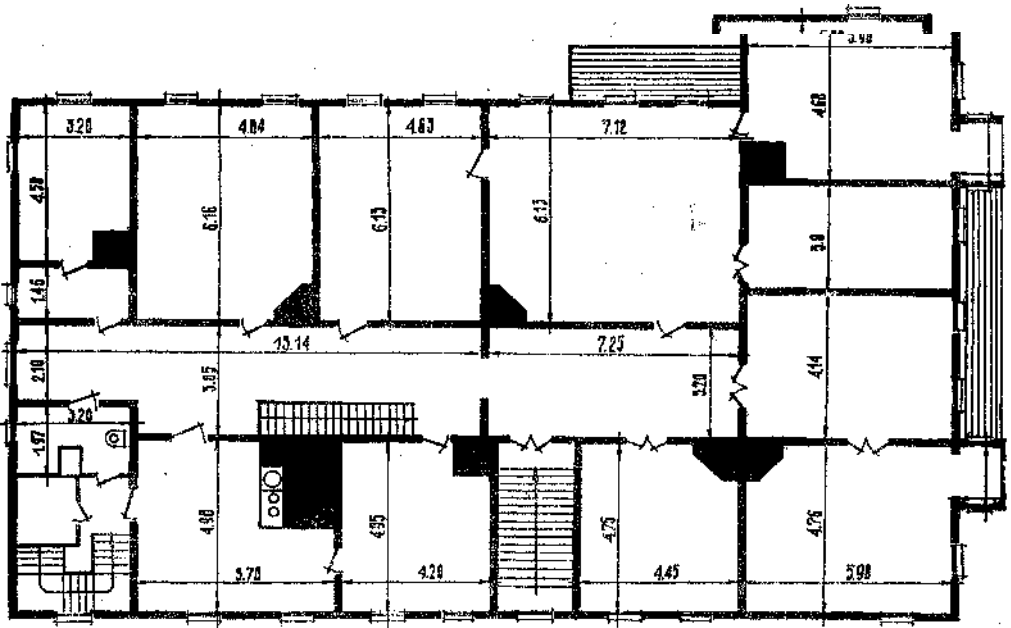
План 2<sup>го</sup> эт.



Дом Кыркаловых. 1910.  
Стоял на углу Северодвинской ул. и набережной.  
Уличный фасад, план второго этажа. Оригинальный чертеж неизвестного архитектора.

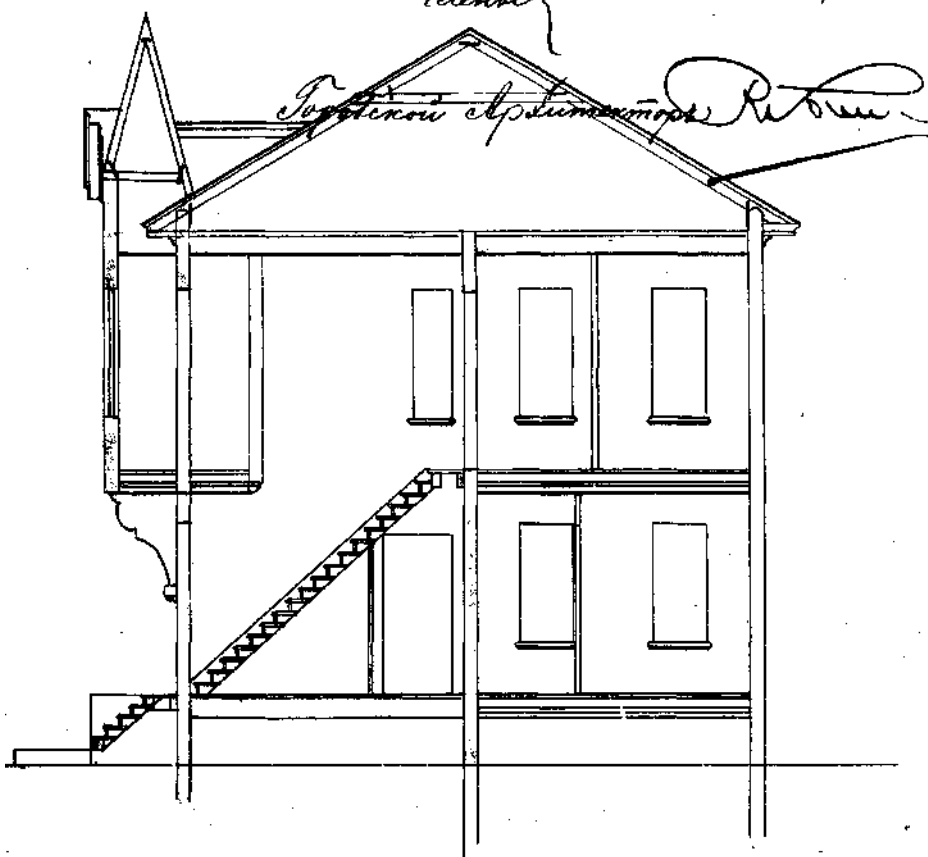


«Дом с двумя эркерами». Стоял на углу пр. Павлина Виноградова, между ул. Володарского и Се-  
рафимовича. Уличный фасад, план второго этажа.



Великодушье просвещ. Наследников купца В. П. Макарова (В. Ф. Макаровых), Архангельская Городская Управа, постановлением своим этого плана разработала иль: чтобы встретить каменный Дверь стальной дверь, каменный медный и железный Дверь - стальной дверь во всевозможности село плана. Перед началом постройки заложить Управу для отвода во натуре красной линии. 11 февраля 1914г

В. П. Макаров  
 Городской Попова И. С. Шувалов  
 Члены { И. П. Волков



Междуэтажная лестница архангельского дома. С оригинального чертежа поперечного разреза дома Макарова в Соломбале. 1914.

приспособления к новым условиям. Далеко не сразу люди ушли от единой для города и деревни, неспециализированной модели: жилая комната и хозяйственная пристройка под одной крышей, между ними так называемая сенная связь — своего рода санитарный барьер, защищавший жилую часть от запахов двора. «Резьба и расцветка... применялись очень скупно и редко. Здесь поражала красота архитектурных пропорций, богатырские косяки дверей и окон, пороги, лавки, пропорции углов, розоватость лиственничных стен»<sup>1</sup>.

Чем больше домов, тем быстрее они меняются. Для накопления изб и перехода количества в качество понадобилось время. Эволюция протекала в городе, оторванном от центров цивилизации, испытывавшем смешанные чувства свободы и ущемленности. В основу монотонных повторений закладывалось деление сенной связи на теплые и холодные помещения с различными функциями. Но рудиментарные признаки крестьянского дома сохранялись долго и упорно: пристроенный сзади большой «хозяйственный двор», печь посреди единого пространства избы, которое еще очень робко рассекалось на «комнаты» перегородками, не доходившими до потолка.

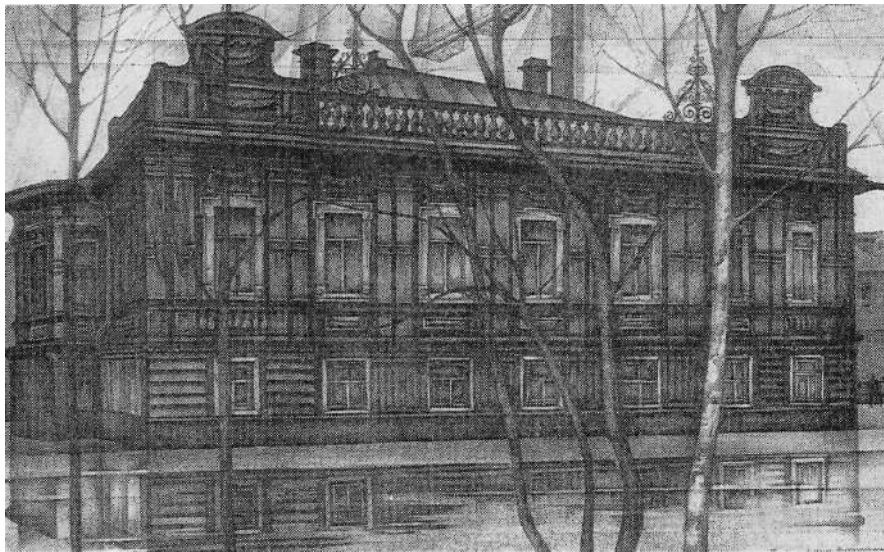
Мало-помалу группа помещений, находившихся в сенной связи, обусловила появление пятой, внутренней стены. Затем пятистенник стал развиваться в длину, возникли анфиладные связи между комнатами. Такая планировка особенно устраивала ремесленников, которые одну продольную половину дома использовали под жилье, другую — кто под

красильню, кто под столярную мастерскую, а иные даже под каретный цех.

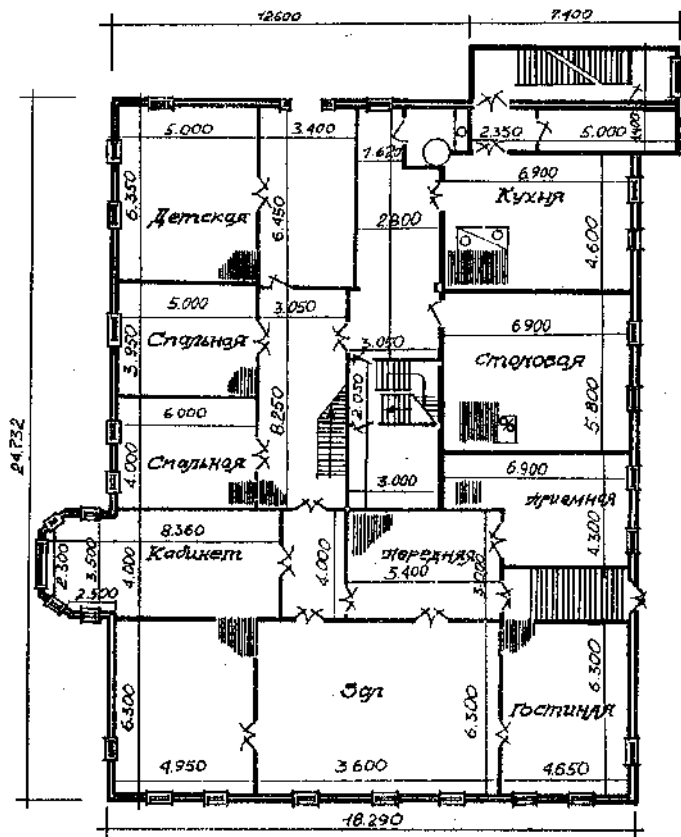
Структура городского строения все приближалась к той, что характерна для архангельского дома начала XX века. В эпоху классицизма, когда господствовала симметрия, этот дом стал многостенным, с коридором посередине в качестве оси симметрии. Другое новшество того периода — деление жилой части на гостевую (парадную) и спальную зоны. «Хозяйственный двор» превратился в обособленное бревенчатое помещение — склад, каретник, амбар и т. п. с глухими торцами и криволинейным фронтоном на фасаде, обращенном к дому. Утвердившийся тогда план дома стал типовым, допускавшим колебания лишь в числе комнат и расположении лестниц. Богатые люди обычно строили двухэтажный дом с повторяющейся планировкой этажей, рядовые горожане — одноэтажный, у тех, кто победнее, на улицу выходили не три, а две комнаты, да и помещений в глубине было меньше. Размеры дома регулировались без принципиальных изменений планировки.

Время смывало крайности, как смыкает оно все необязательное, и в конце концов выработалась уравновешенная базовая модель, отвечавшая природным условиям Севера и местному укладу жизни, способная удовлетворять вкусы и потребности всех социальных слоев, отражавшая коренное убеждение северян в том, что любое творение рук человеческих должно быть простым, чуждым излишеств, которые ничего не добавляют к качеству и прочности. Встречающиеся изредка дисгармонии свидетельствуют, что эволюционный процесс не всегда быстро осваивался с

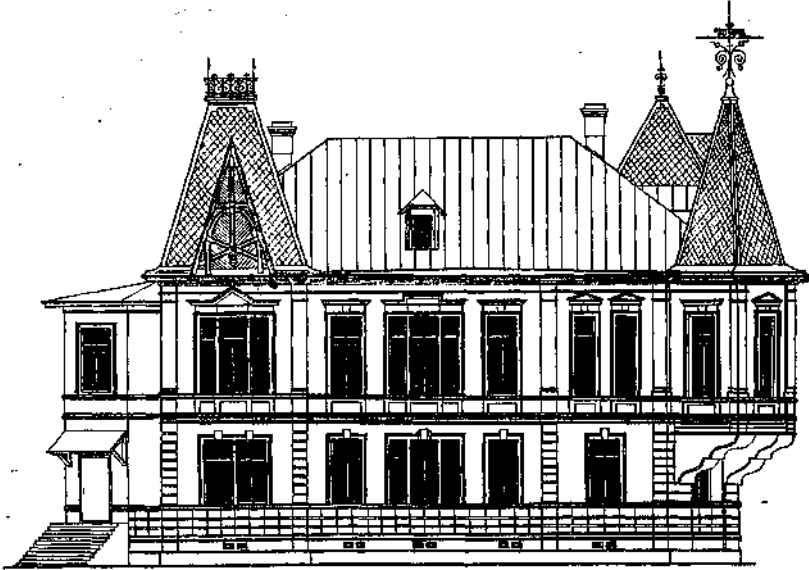
<sup>1</sup> Ш е р г и н Б. Я ли не богат? — С.8.



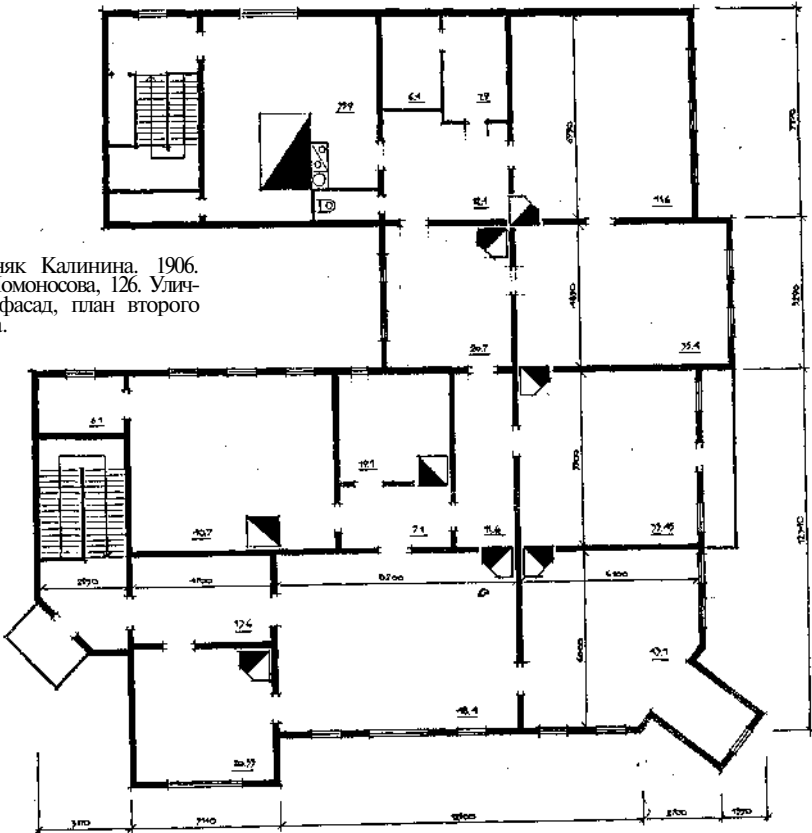
Особняк Пецы. Архитектор А. Шахнарев. Вторая половина XIX в. Стоял на пр. Павлина Виноградова, на месте теперешней пристройки к школе № 6. Общий вид, план этажа. Рисунок Н. и В. Таргонских.

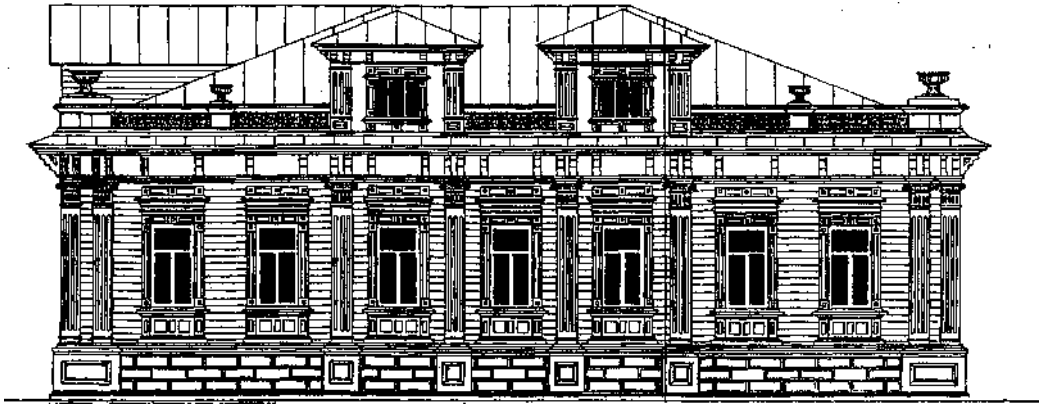






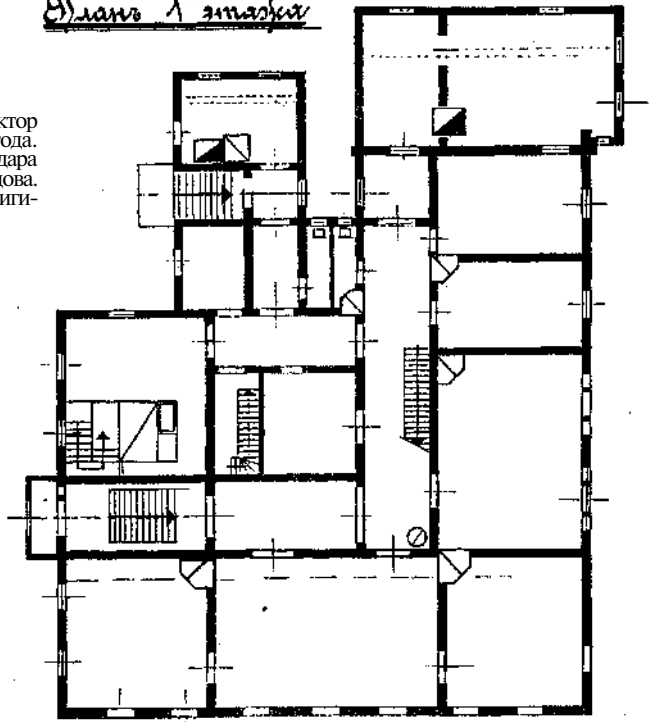
Особняк Калинина. 1906.  
Пр. Ломоносова, 126. Уличный  
фасад, план второго  
этажа.





*План 1<sup>го</sup> этажа*

Особняк Ульсена. Архитектор  
А. Шахнарев. До 1911 года.  
Стоял на углу ул. Гайдара  
и пр. Павлина Виноградова.  
Уличный фасад, план. Ориги-  
нальный чертеж.



неожиданностями, приходившими из других регионов. Эксперименты чреватые потерей достигнутого с таким трудом равновесия, поэтому к ним прибегали лишь тогда, когда из новых требований рождались проблемы, не разрешимые методами постепенной эволюции.

Соответствуя жизненным стандартам, сложившимся на рубеже столетий, архангельский дом все еще хранил ностальгию по своему древнему прототипу, что выражалось хотя бы в однозначно торцовом расположении дома относительно улицы.

В начале XX века активными застройщиками стали промышленники и коммерсанты, возводившие большей частью особняки. Это вариант жилого дома с преобладанием парадных комнат, полностью подчиненный соображениям респектабельности, призванный наглядно показать всем, что здесь живут довольные собой люди, у которых есть будущее. Планы особняков близки к квадрату, многочисленные парадные помещения велики по площади, повседневные функции вынесены за их пределы, иногда в цокольный этаж.

Материальные возможности владельцев особняков обеспечивали разнообразие не повторявшихся архитектурных решений. Однако организация внутреннего пространства, при всей его комфортности, была не столь логична, как в традиционном архангельском доме: вместо упорядоченности — путаница, множество комнат без определенного назначения (это сродни недавно отошедшему на Западе стилю постмодерн).

Представители архангельской верхушки первыми восприняли моду на камины, по сей

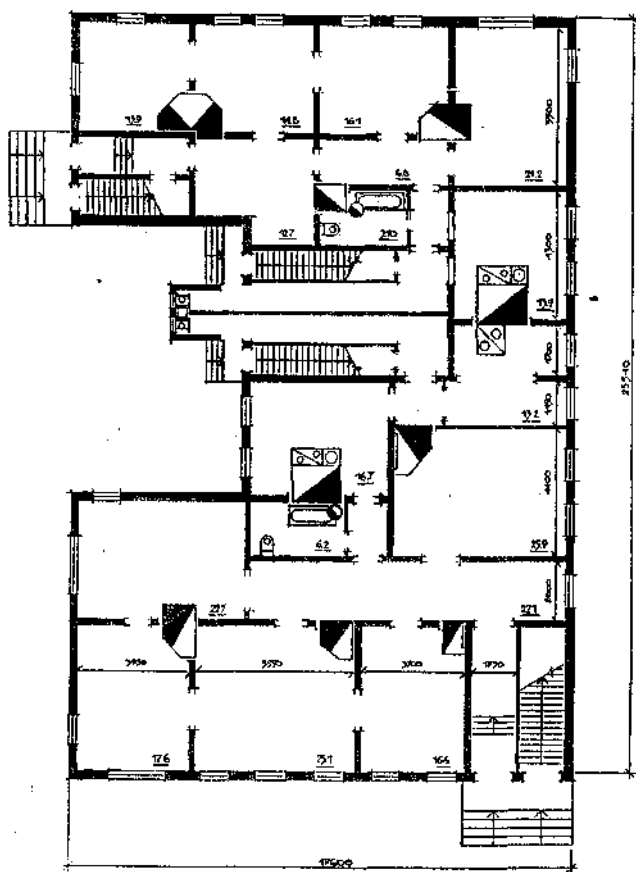
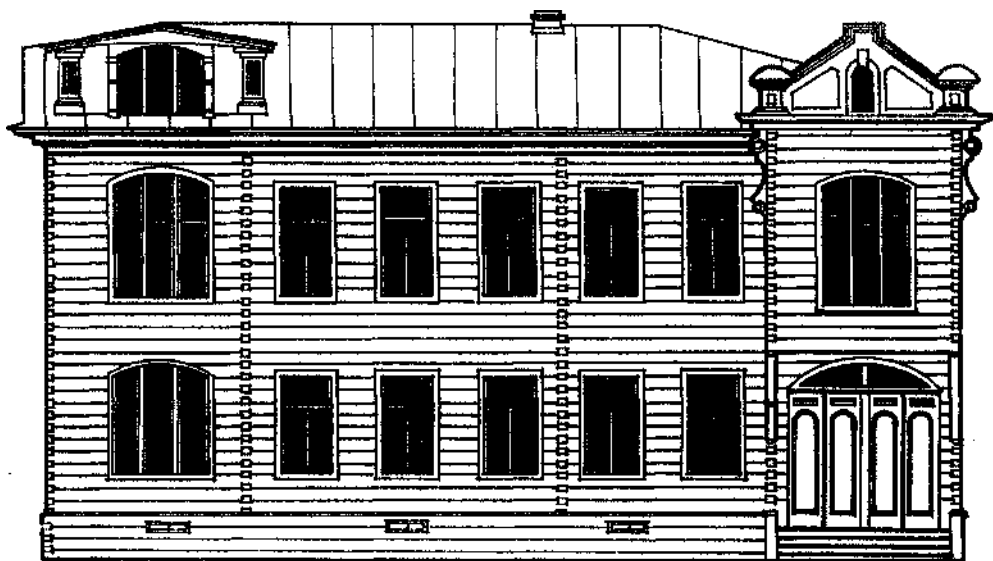
день символизирующие изысканный уют, первыми применили паровое отопление и электричество, создававшие в особняках особый комфорт, который еще резче (пусть незримо) выделял их среди других строений. И все-таки немногие особняки были спроектированы вполне грамотно с архитектурной точки зрения. В них искусством становилась роскошь. Впрочем, и роскошь, и искусство суть проявления живых сил в обществе и экономике.

Архангельские доходные дома, будучи продолжением того развития, которое с изменением экономических отношений претерпевал дом традиционный, не утратили положительных качеств индивидуальной архитектуры, не вошли в противоречие с размеренным, спокойным образом жизни провинциального города, никого не шокировали своим вторжением в его ткань. Они могли быть шире и длиннее обычных, но суть оставалась прежней: помещения нанизаны на ось коридора и зонированы, только на каждом этаже не одна, а две квартиры.

Если хозяин хотел иметь более четырех квартир для сдачи в наем, он строил еще один доходный дом, потом еще. В отличие от столиц, где их возведением занимались страховые общества, в Архангельске они принадлежали частным лицам. Так что до гигантских «отелей» дело не дошло.

При выборе строительного материала всегда принимают во внимание три основных фактора — его доступность, цену и физические свойства.

На Севере запасы леса в начале XX века.





Доходный дом Патрушева. 1900. Пр. Ломоносова, 167. Справа — уличный фасад; слева — дворовый фасад, план первого этажа.

еще казались неистощимыми, что обуславливало дешевизну древесины и всего строительства, затраты на которое определялись главным образом стоимостью материала, а не труда, хоть и тяжелого, но очень скромно оплачиваемого.

Дома складывали из 70—100-летних сосен и лиственниц с диаметром в верхнем отрубе 18—26 сантиметров и сбегом (утоплением от комля к верхушке) не более одного сантиметра на каждый метр длины. Рубили деревья поздней осенью и зимой, когда они спят и их стволы суше, менее подвержены гниению и короблению.

Известно, что древесина обладает очень низкой теплопроводностью, не «ржавеет», прочна и в то же время пластична. Комбинация двух последних свойств предотвращает появление трещин в стенах при усадке дома. Смолистая древесина и сосны, и лиственницы соткана из относительно прямых волокон, заполненных жидкостью. Чисто эстетически она, изобилующая всякими отметинами вроде сучков, текстуры, годовых колец, всегда вдохновляла создателей. Древесина и сегодня остается отличным, во многих случаях незаменимым материалом, а деревянный дом — непревзойденным по санитарно-гигиеническим качествам.

Рубленный архангельский дом напоминает крепко сколоченный корабль. Приемы дере-

вянного строительства, унификация узлов и деталей отработались веками. Конструкция выверена настолько, что ничего в ней не прибавить и ничего от нее не отнять.

Массивные стены возводились из отборного, выдержанного калиброванного кругляка диаметром не менее 22 сантиметров. Доставленные в город бревна ошкуривали и целый год сушили в хорошо проветриваемом сарае. Не удивительно, что при вырубании в их торцах пазов и выступов — с точностью до волоска — ни одно не трескалось.

Замкнутый горизонтальный ряд бревен называется венцом. Два-три нижних — «окладных» — венца делали из бревен потолще. Между собой венцы сплавляли с помощью полукруглых пазов шириной до 15 сантиметров, выбравшихся с нижней стороны каждого бревна, и скрепляли их вертикальными вставными шпонками прямоугольного сечения, которые располагались в шахматном порядке через полтора-два метра. Чтобы выдержать горизонтальность рядов, бревна укладывали комлем попеременно в разные стороны. Швы между венцами конопатили дважды — сразу при строительстве и год-полтора спустя, после осадки дома. Изнутри стеновую поверхность выравнивали, подтесывая округлые бока бревен.

На углах бревна соединяли двумя способами: при рубке с остатком, «в обло», торцы

выпускали за плоскость перпендикулярной стены на 20—30 сантиметров, при рубке без остатка, «в лапу», обрезали до плоскости стены. Внутренние поперечные стены врубали в наружные «прорезной лапой».

С конца XIX века в практику вошло возведение стен из бруса. Брусчатый дом, имеющий сугубо функциональную «обтекаемость», по долговечности не уступает бревенчатому, а по вертикальной устойчивости и равномерности осадки даже превосходит его.

Для защиты от продувания и увлажнения атмосферными осадками, а также ради звукоизоляции рубленые дома обшивали тесом. Шпунтованные доски по традиции пускали горизонтально, прибывая их к вертикальным брускам — «прибоинам», чьи внутренние грани, прилежавшие к стене, вырезали точно по ее наружному профилю. Зазор между обшивкой и стеной обеспечивал циркуляцию воздуха. Выступавшие на углах дома торцы бревен обшивали вертикально, тем самым превращая их в пилястры. При вязке бревен «в лапу» торцы досок на углах срезались «на ус».

При кажущейся простоте стеновой конструкции деревянного дома есть в ней свои хитрости. К примеру, древесина вдоль бревна гораздо прочнее, чем поперек, и в результате рубленые стены со временем дают значительную осадку. Вот почему оконные и дверные проемы надо делать на несколько сантиметров больше высоты оконных и дверных коробок. Кроме того, в зависимости от погодных условий деревянные стены то усыхают, то разбухают. Значит, все соединения должны быть податливыми.

Иногда рубленые дома облицовывали кир-

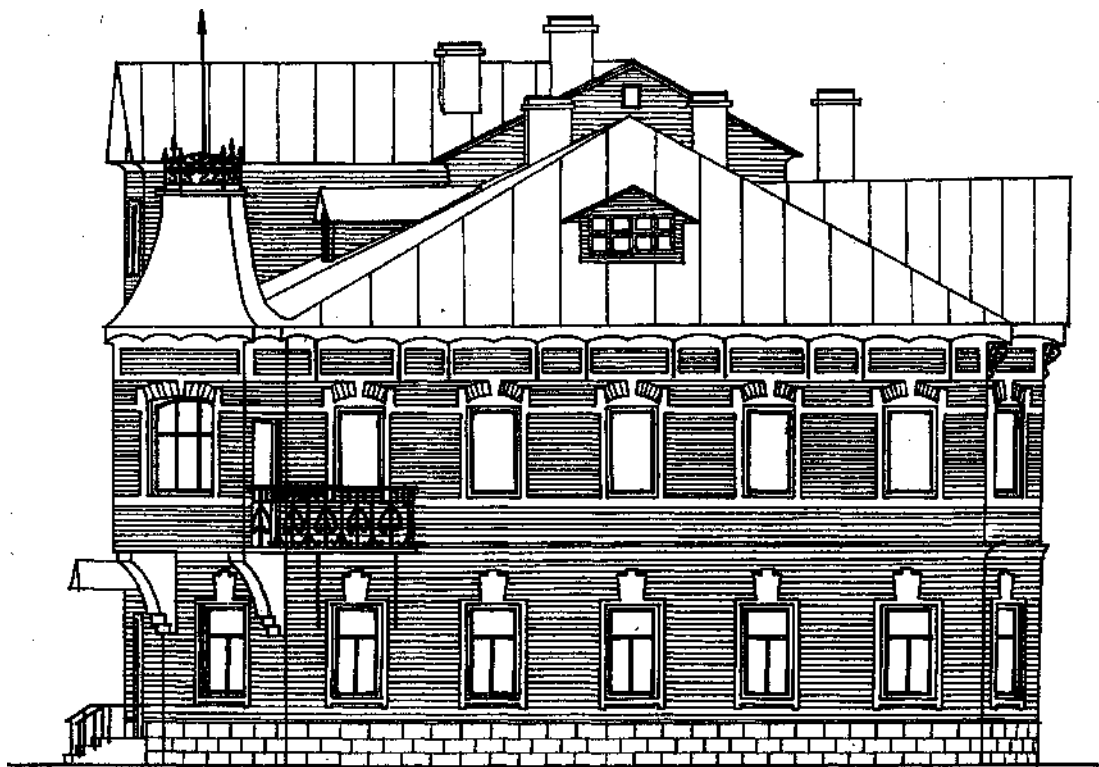
пичом или штукатурили. В первом случае складывали стены толщиной в полкирпича, то есть 12 сантиметров, отстоявшие от рубленых на три-пять сантиметров и крепившиеся к ним железными полосами через каждые 4—6 рядов кладки. Один конец полосы прибывали к бревну, другой вмуровывали в кладку.

Срубы ставили на деревянных сваях или на ленточном фундаменте из белокаменных блоков, в зависимости от материальных возможностей застройщика.

Много дерева шло на огромные стропила, но это в дальнейшем с лихвой компенсировалось использованием просторного чердака в хозяйственных целях. Такой чердак легко осматривать и ремонтировать, он дешевле в эксплуатации. Архангельск долго слыл городом деревянных крыш, но к началу нашего столетия у большинства домов они были заменены железными.

Полы делали, как правило, из толстых сосновых досок шириной до 30 сантиметров. В гостевых помещениях богатых домов часто стелили паркет. Стены оклеивали обоями. Даже в самых старых домах потолки оштукатурены, карнизы оформлены лепными тягами и плафонами. Иногда встречаются стенные и потолочные росписи по штукатурке, изредка — подшивные деревянные потолки. Двери комнат всегда филенчатые, белые. Своеобразной изюминкой интерьеров были медные либо латунные дверные и оконные ручки, шпингалеты, в основном тульского производства.

В архангельском доме ставили несколько отопительных печей, из расчета одна печь на два помещения, так что всего их могло быть.



Дом Беляевского. 1907. Набережная, 39. Набережный фасад. Стены первого этажа кирпичные, второго — бревенчатые, облицованные кирпичом.

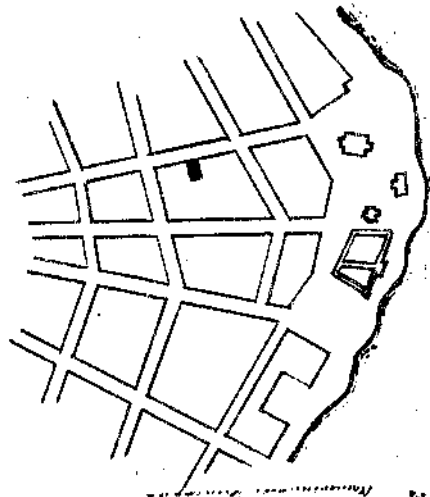
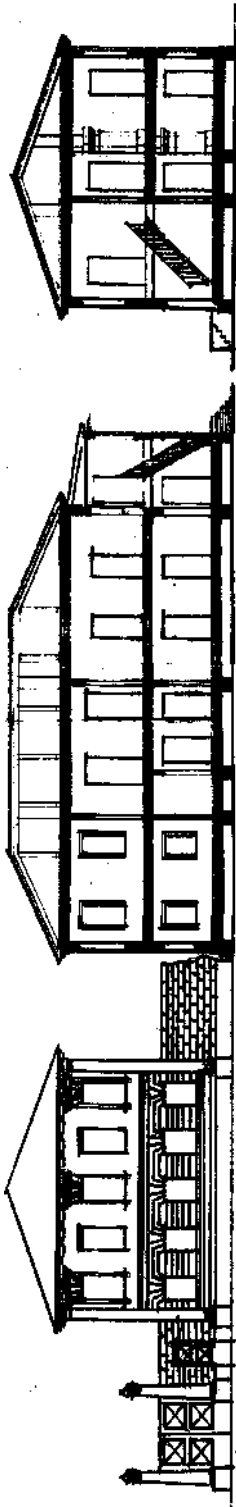
более десятка. Идея использовать печные трубы в качестве декоративного элемента возникла в XIX веке, раньше их располагали как попало, не придавая этому большого значения.

Печи имели большей частью гладкие оштукатуренные меловые поверхности. Художественное оформление заключалось в устройстве венчающего карниза, «каминной полки» и украшении чугунных дверок рельефами на классический сюжет — римской квадригой или головным убором легионера. Состоятельные хозяева делали в гостевых помещениях изразцовые печи, которые целиком можно считать художественным произведением. Для облицовки использовались плитки размером 16 x 27 или 23 x 46 сантиметров. Ассортимент плиток, предлагавшихся на рынке строительных материалов, удовлетворял любому, самому взыскательному вкусу. Несколько дивных образцов таких печей — белых

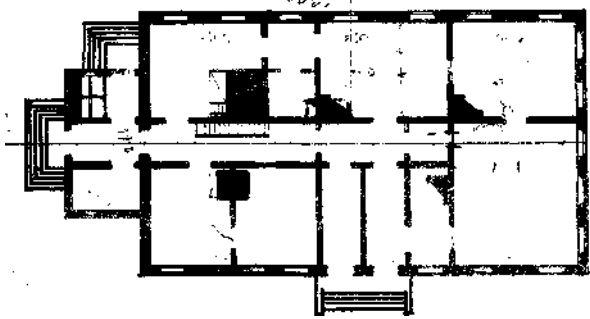
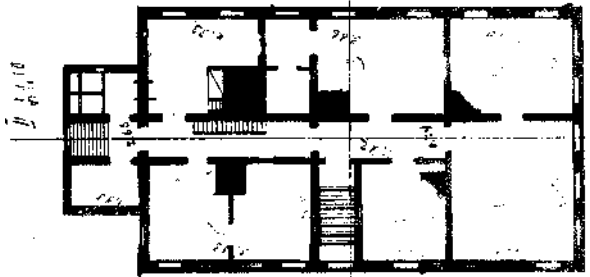
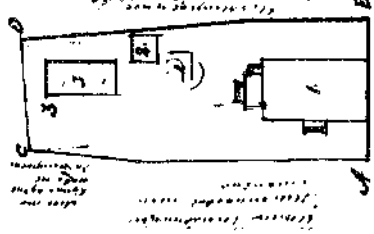
глазурованных, терракотовых и майоликовых — сохранилось в каменном доме Плотниковой на углу Поморской улицы и набережной.

В начале XX века применялась разработанная еще в 1840—1860-х годах эффективная конструкция отопительных печей с герметически закрывающейся дверкой. Тем не менее всякий, кто жил в доме с дровяным отоплением, знает стоящий там специфический запах. Печи радуют ярким огнем, бликами, сухим ровным теплом, но и загрязняют воздух, иногда сильно. В холодное время года отравления архангелогородцев угарным газом случались ежедневно. Поскольку жертвами оказывались преимущественно пожилые люди, страдавшие болезнями сердца и легких, на это не обращали особого внимания. Члены семьи и врачи считали естественным, что с наступлением холодов бабушки и дедушки чувствуют себя хуже.

Кухонные печи представляли собой ком-



Проект здания, разработанный по плану  
проектирования, при котором в нем не было  
никаких альбомов рабочих чертежей в помине.  
Составил архитектор Александр С. Никольский



Проект дома, 1849. Это вся необходимая документация—  
никаких альбомов рабочих чертежей не было в помине.



плекс из русской печи, плиты и котла для нагревания воды в количестве, достаточном для стирки. Когда печью не пользовались, ее чрево, походившее на пещеру, прикрывали заслонкой.

Печники были в особом почете, знали себе цену, за работу брали дорого. Ведь от их умения правильно расположить каналы дымоходов зависело, не превратится ли печь из друга в мучителя-врага — задувающего в комнату, воющего, чадающего и, главное, плохо греющего.

Для освещения применялись керосиновые лампы и свечи. Лампы были из различных материалов и самой разной формы. Свечи изготавливались самими домохозяйками: фитиль погружали в расплавленный воск либо подвешивали внутри металлической формы, куда заливали воск.

Идеалом большинства архангелогородцев было иметь собственный дом. Построить его — значило обжить и упорядочить целый мир, преобразовать хаос в космос, обзавестись второй после телесной оболочки границей с внешней средой. Свой дом отражал представление о хорошей, обеспеченной жизни. Он был огромным достоянием, вехой, памятником — тем, чему не жалко посвятить годы, что перейдет к детям и внукам.

Начинали с подачи прошения в городскую управу. Предварительно оформленное по заказу застройщика архитектором, оно содержало изображение главного фасада, планы этажей и приусадебного участка, привязку к конкретному месту в городе, иногда еще продольный и поперечный разрезы дома, но схематические,

обобщенные. На бумаге оставляли свободное место для согласований с губернским архитектором и инженером. Никаких альбомов рабочих чертежей в помине не было. При строительстве все размеры брались с помощью масштабной линейки прямо из прошения. В дальнейшем этот документ служил паспортом дома, хранившимся у хозяев. Не претендовавший «радовать глаз», чуждый всякого полета творческой фантазии, требовавший лишь точной горизонтальной и вертикальной проекций строения, он не случайно носил в свое время и другое название — «полицейский чертеж».

Получив разрешение на строительство, горожанин нанимал артели — для заготовки леса, потом для возведения дома, затем артель печников и, наконец, столяров, которые завершали постройку: делали косяки, рамы, дверные полотна, наличники, красили полы. Часто они же изготавливали мебель. Найти нужную артель не составляло труда. Газеты пестрели предложениями:

**Семен Викторович  
ОВЧИННИКОВ**

**Архангельск, Воскресен. ул., соб. д. Тел. № 209**

**Принимает подряды на:**

**плотничные, печные, штукатурные, кровельные, малярные и проч. строительные работы**

Или:

**Эстляндская живописная и малярная  
мастерская**

**А. Э. Ю. ГЛАЗБЕРГ**

**Архангельск, Псковский пр., д. Котлова № 70**

**Принимаю всякого рода живописные и малярные работы.**

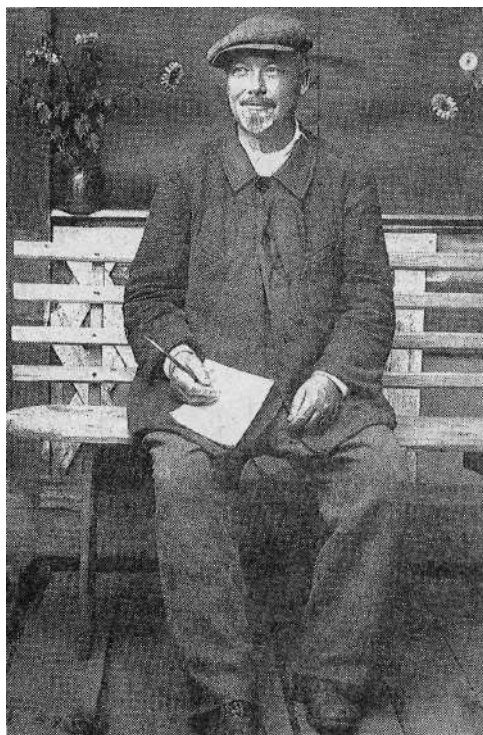
**Окраска потолков, стен, полов, окон, дверей. Наружная окраска крыш и стен, оклейка обоями и проч.**

**ЦЕНЫ УМЕРЕННЫЕ**

Деловая этика определялась тем, что в огромном большинстве случаев артельщики обслуживали себе подобных — людей, имевших те же вкусы и привычки, носивших ту же одежду и обувь, евших ту же треску, ходивших в те же церкви, разделявших те же суеверия и предрассудки, восхищавшихся теми же героями. Строили на совесть, главным было качество. Особенно тщательно выполнялись работы, требовавшие нестандартных решений. Мастера любили импровизировать, некоторые были готовы отбросить все соображения материальной выгоды, затратить массу времени и сил, лишь бы с честью выполнить какой-нибудь самый сложный заказ, вроде круглого эркера. Энтузиазм заразителен. Часто в строительство включались и заказчик, и его жена, и дети.

Стремление самому участвовать в возведении дома уходит корнями в далекое прошлое, когда один и тот же человек выращивал хлеб, изготавливал для себя орудия труда, ткал, шил одежду — и строил себе жилье. Северяне последующих поколений легко меняли род занятий исходя из потребностей момента. Участие же всей семьи в общем деле составляло раньше традицию, без соблюдения которой нельзя было прожить.

По какой бы причине будущий хозяин дома ни брал в руки топор и пилу, ради удовольствия или — что ж тут зазорного? — из желания сэкономить на оплате артельщиков, он совмещал функции проектировщика и строителя, становился в полной мере творцом, наподобие художника, который в процессе работы проверяет себя, улучшает свое произведение, всячески выражает свою индивидуаль-



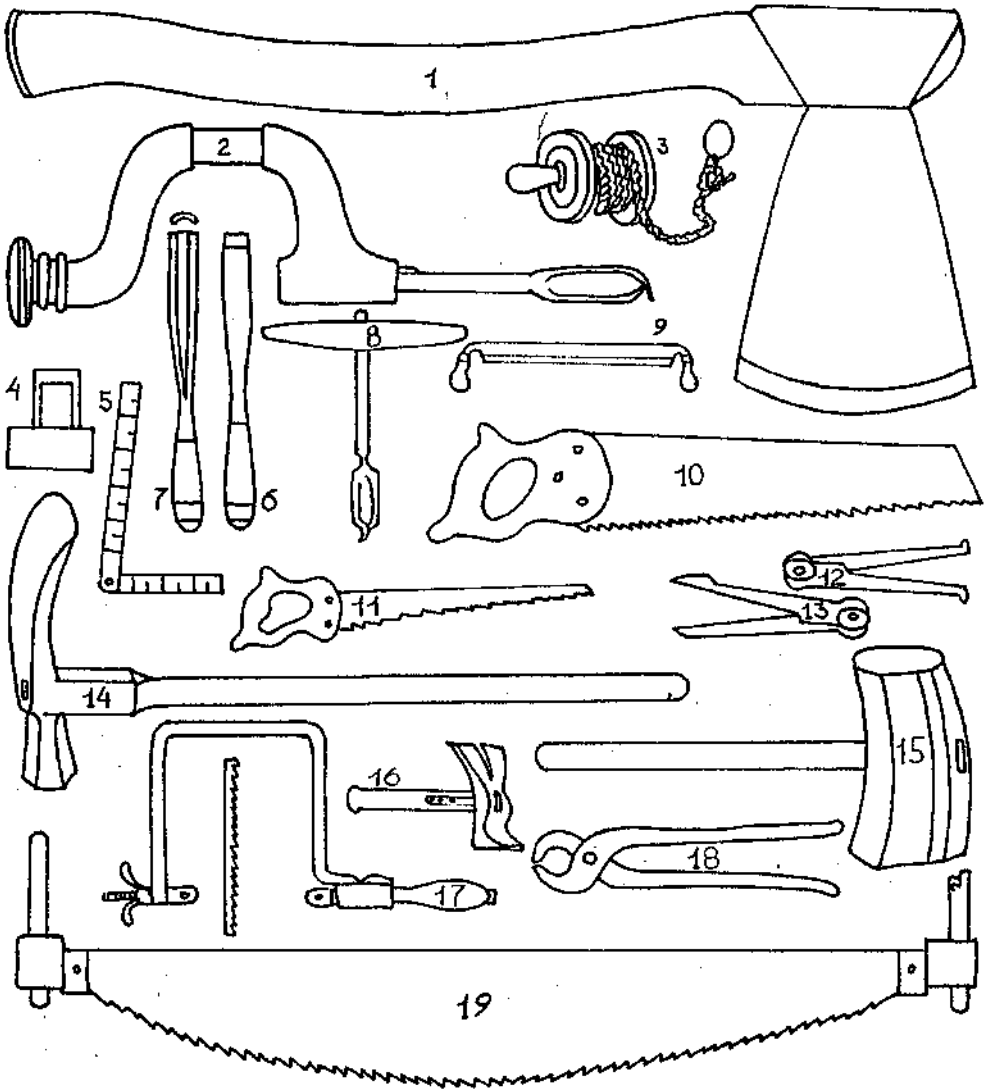
Подрядчик С. Овчинников (1874—1936) — архитектор и строитель в одном лице.

ность. Ограниченное по масштабам, контролируемое заказчиками-потребителями, неспешное строительство обеспечивало замечательное соответствие архитектурных форм архангельского дома не только его предназначению, но и личным вкусам каждого хозяина.

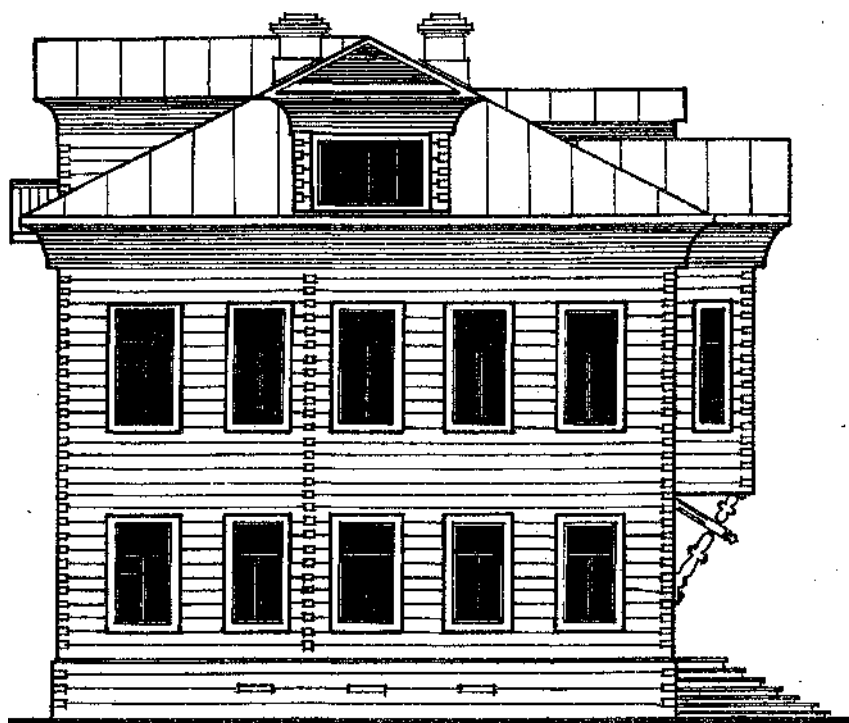
Строительству сопутствовали разные ритуалы. Между венцами, например, помещали серебряный рубль или монету большего достоинства, а некоторые — крест с распятием, чтобы дом не знал напастей.

При закладке дома сначала утверждали окладное бревно. В этот день пиво варили и пироги пекли, пировали вместе с плотниками. Этот обычай называли «окладно».

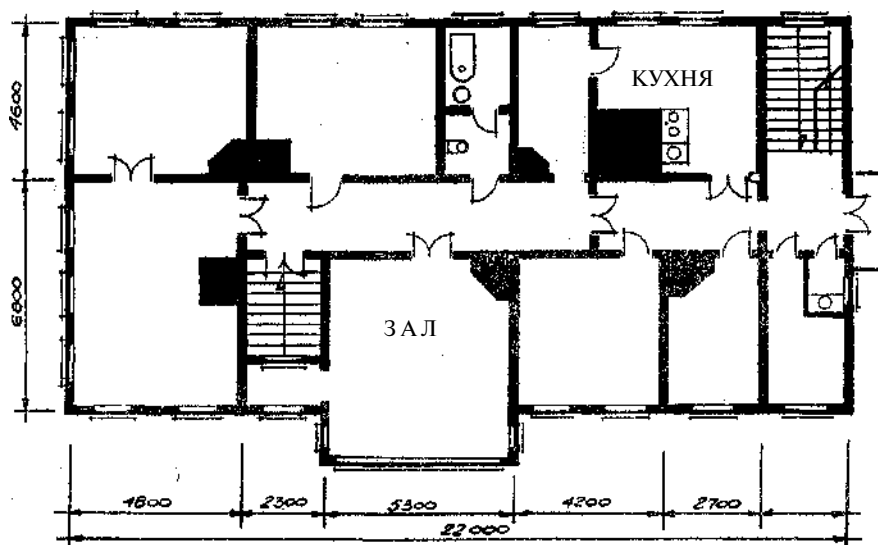
Когда стены срубят до крыши и проложат потолочные балки, «матицы», опять плотникам угощение: «матешно». И третье празднуют — «мурлаты», когда стропила под крышу подводят. А крышу тесом закроют, да сверху князево бревно утвердят, опять пирогами с домашним пивом плотников чествуют, то есть «князево» празднуют<sup>1</sup>.



Инструменты, применявшиеся в строительстве и декорировании деревянных домов: 1 — топор, 2 — коловорот, 3 — вьюшка с отвесом; шнур служил также для отбивания на обтесываемых бревнах прямых линий, 4 — рубанок, 5 — аршин складной, 6 — стамеска прямая, 7 — стамеска полукруглая, 8 — спиральное сверло, 9 — струт, нож для строгания с двумя поперечными ручками на концах, 10 — ножовка, 11 — узкая ножовка, 12 — нутромер, 13 — циркуль, 14 — тесло; напоминает топор с лезвием, расположенным перпендикулярно к рукоятке; рабочий орган тесла обычно расширенный и закругленный, иногда в форме желобка, 15 — киянка, 16 — молоток, 17 — лучковая пила, 18 — кошка, 19 — пила прямая.

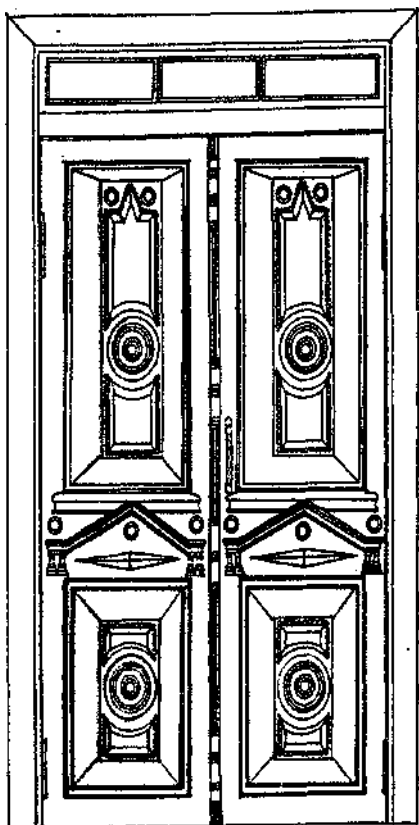


2 ЭТАЖ





Дом Карамышева. 1912. Стоял на углу пр. Ломоносова и ул. Карла Либкнехта. Уличные фасады, план второго этажа, входная дверь.



Возводили дом за сезон или быстрее, стоял же он при своевременных ремонтах минимум сто лет. Не всякому, правда, удавалось дожить до столь почтенного возраста в первоизданном виде, без переделок. К примеру, если дети покидали отчий кров, один из этажей двухэтажного дома становился лишним и от него избавлялись. При увеличении семьи, наоборот, достраивали второй этаж.

Жилище служило «визитной карточкой» своих хозяев. Вот, скажем, одноэтажный дом купца Антонова на углу Шенкурской улицы и Псковского проспекта. Планировка вроде бы традиционная, однако интерьер не совсем обычен. Гостиная, что сразу при входе, представляла собой маленькую картинную галерею, где попадались прекрасные оригинальные полотна, литографии и коллажи. Балкон — не просто площадка под окнами, а своеобразная поляна. Кабинет — некая обсерватория с окнами на три стороны, создающая особый настрой. Отделка антоновского дома тоже отличалась продуманностью и вкусом. Парадные двери с улицы обиты кожей, по сторонам — держатели в виде львиных голов с кольцом в зубах, наверху — фрамуга с красочным витражом. Весь тамбур, включая короткую лестницу, белого цвета. Стены и потолок широкого коридора светло-бежевые, расписные. Внутренние двери покрыты морилкой под красное дерево, снабжены медными ручками и замками. Между двумя смежными спальнями раздвижные двери на

роликах. Пол в комнатах застелен линолеумом, стены оклеены обоями с золотистым рисунком. По всей высоте углов, по стыкам стен с потолком цвета слоновой кости — золоченые рейки. В позолоте и розетки, пояски на потолках. Люстры из бронзы с хрусталем. Голландские печи в комнатах имели топку со стороны коридора, герметичные дверки и двойные вьюшки. Тепло держалось сутками. Даже русская печь на кухне, и та облицована кафелем. В столовой господствовал огромный, человек на двадцать, стол красного дерева. Семейные обеды в большинстве архангельских домов были непреложным правилом.

Особняк Шольца, тоже угловой, П-образный в плане, своей одноэтажной средней частью глядел на реку, а его двухэтажные крылья уходили во двор. Посреди главного фасада — длинный балкон с коваными перилами, на котором, наверное, приятно было беседовать летними вечерами, прислушиваться к звукам, доносившимся с реки, любоваться закатом. Три парадные комнаты, шедшие вдоль фасада, были объединены широкими арочными проемами, создававшими ощущение простора.

В одной из комнат, той, что в юго-западном углу, принимали гостей. Удобные кресла, обитые тканью цвета зеленой резеды, такого же тона занавеси на окнах, цветы, фотографии, безделушки на столиках. В другом углу находился вытянутый зал, мебелировка которого состояла из легких золоченых стульев и громадного рояля. С хрустально-бронзовой люстрой перекликались однотильные бра. Размещенные между окнами и белоснежными

балконными дверьми высокие зеркала в золоченых рамах достигали потолка, а внизу стояли отражавшиеся в них бронзовые вазоны с декоративными растениями и цветами.

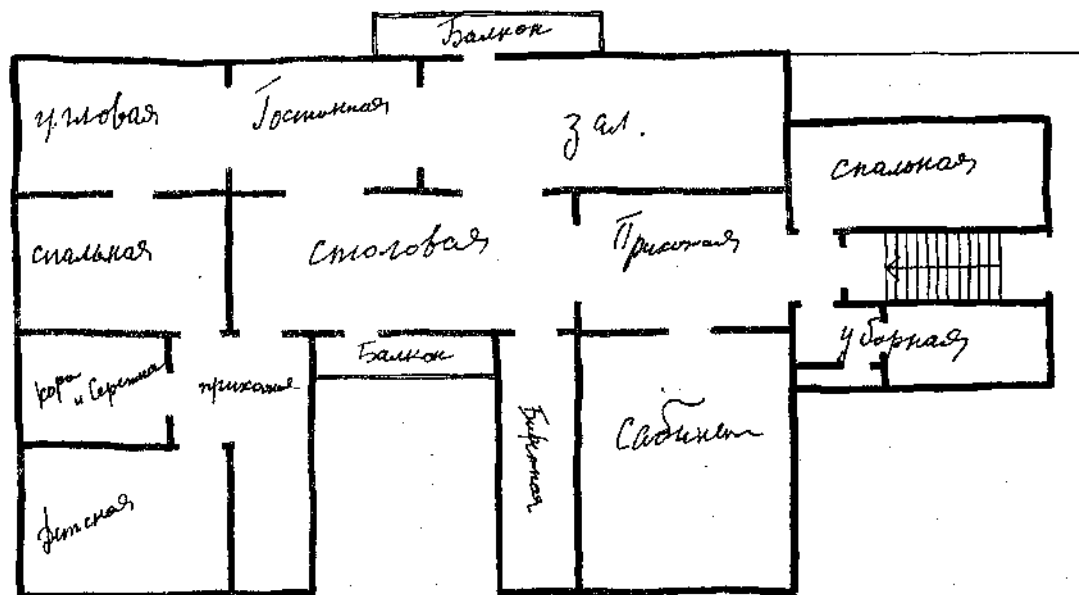
Средняя комната была гостиной. Обтянутые малиновым бархатом кресла, полированные, красного дерева столики с семейными альбомами, бронзовые часы под стеклянными колпаками, фарфор, безделушки — все в ней напоминало стиль ампира. На стенах висели картины: вот шотландская королева Мария Стюарт поднимается по ступенькам эшафота... На подоконниках масса цветов, экзотических растений. Зацветавшие, несмотря на суровые зимы, в положенное им время, они создавали тайнопись солнечных лучей на медово-золотом паркете. Паркетные полы были во всех комнатах, но в трех парадных работа выделялась особым мастерством. Клепки разных оттенков образовывали чудный узор. И этот паркет, и со вкусом расставленная мебель, и безукоризненно чистые высокие окна вызвали душевный подъем, непреходящее праздничное чувство.

Столовая располагалась по другую сторону коридора, окнами во двор. Туда же выходил большой балкон. По всей длине комнаты тянулся обеденный стол, за который каждый вечер садились 10—12 человек. В одном из углов стояла большая, в рост человека черная икона с почти неразличимым ликом Святого Николая, перед нею — столик со старинной библией. Икона эта хранилась в семье Шольцев на протяжении двух столетий. Когда-то, во времена преследований староверов, ее увидели плывущей по реке и спасли.

Вообще основная черта убранства предре-



Особняк Шольцев. Середина XIX в. Фрагмент набережного фасада, эскиз плана.  
Рисунок Е. Фрезер по ее воспоминаниям. 1990.





В гостиной дома Рыбниковых. Фото 1914 года.

волюционного интерьера — обилие вещей, мебели, драпировок, безделушек. Каждый дом формировал собственный предметно-пространственный мир в соответствии со стилем жизни его хозяев. В «простых» домах — герань и кружевные занавески, пестрые лоскутные одеяла, разноцветные половики и дорожки, поддерживавшие какое-то летнее настроение. Солидный комод и пирамиды из подушек символизировали верх благополучия. Кружевные и камчатные скатерти уставлены фарфоровыми и стеклянными вазами с бумажными цветами. Всегда на виду шкатулки, облицованные ракушками и соломкой. На лощеном черном туловище зингеровской швейной машинки — жуткой красоты золотой грифон. Там и тут гнутые венские стулья, да еще пальмы, фикусы.

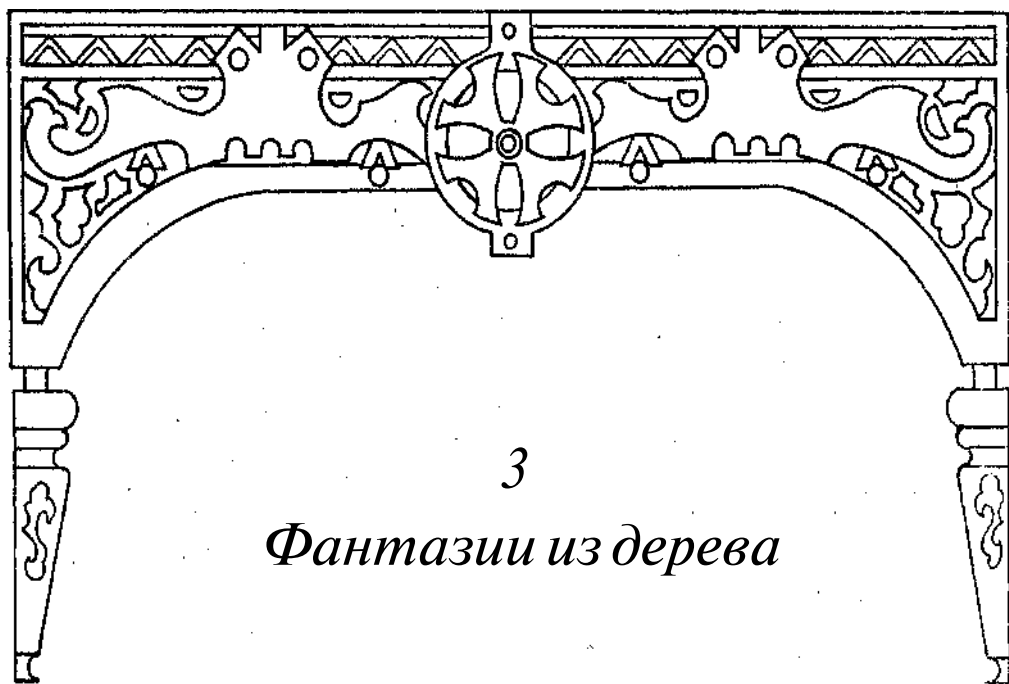
Письменные столы — целый мир ящичков, тайников, медных бляшек, замков. Книжные закладки, ручки ножей для разрезания страниц изображали орлов, кабанов, других птиц и животных. А каких только не было подсвеч-

ников! И для одной свечи, и для нескольких — канделябры, и фонари со стеклянными, иногда слюдяными оконцами, и напольные, на высокой ножке, и консольные, крепившиеся к стене или к мебели.

Непременным атрибутом интерьера были оригиналы и репродукции картин, фотографические портреты. Их объединяли в группы или ряды на стенах, размещали на письменных столах, бюро, туалетных столиках. Зрительно дробя интерьер, они как бы подчеркивали некоторую весьма уютную тесноту.

Ну и, естественно, несметное количество мелочей на кухне, где царил «медный век»: кастрюли, кувшины, ступки, тазы, кофейники, подсвечники, даже ушаты из красной меди. Полка с начищенной медной посудой была гордостью каждой хозяйки. Может, в этом сказалось влияние Голландии, с которой Архангельск торговал в XVIII веке? А может, провинциальная бережливость. Вещи жили дольше, чем теперь, и передавались по наследству.





3

## *Фантазии из дерева*

Примерно со второй половины XIX века, отработав конструкцию и технологию возведения жилища, архангелогородцы стали заботиться о его внешнем убранстве не меньше, чем об удобстве и долговечности. Каждый дом носил имя хозяина — дом Иванова, Манакова, Мерзлютина, а значит, просто обязан был иметь собственное «выражение лица». Не всякий застройщик обладал художественной фантазией, не у всякого хватало средств, чтобы прибегнуть к помощи архитектора, но решительно все хотели как-то выделить свой дом среди других. Технология соприкоснулась с эмоциями. Чисто конструктивные элементы, прежде всего тесовая обшивка, предохранявшая стены от продувания, начинают служить еще и целям декорирования.

Практика обшивки рубленых стен возникла вместе с деревянным кораблестроением, когда на рынке строительных материалов в изобилии появились доски. Обшитые ими стены выглядели как большие гладкие поверхности, расчерченные (рустованные) горизонтальными линиями теней, образованных продольными щелями между досками. В поисках разнообразия внешнего вида домов строители стали прибегать к искусственной рустовке, делая на досках продольные проточки различного профиля — «тяги».

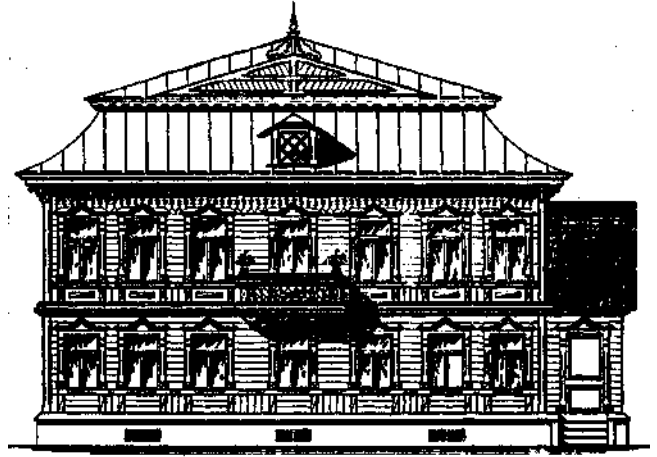
Со временем поняли, что прочерченная тя-

гами стена — идеальный фон для размещения накладных архитектурных деталей, которые подчеркивают индивидуальность сооружения, художественно завершают его. Декор, будучи феноменом не столь глубоким, как сама структура дома, эволюционировал гораздо быстрее ее. На первых порах стихийный, импровизационный, он, приноравливаясь к архитектурным стилям, превращался из народного искусства в сферу профессиональной деятельности.

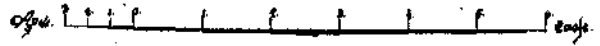
Главное внимание уделялось уличным фасадам. Их оформляли в одних случаях лишь полоской архитрава, в других — словно ковром завешивали, не оставляя свободного места. Расширение диапазона выразительных средств иногда вело к тому, что декорирование принимало самодовлеющий характер. Например, главный фасад бывшего Коммерческого собрания напоминает торг. Как бы то ни было, северяне очень полюбили декор за его праздничность, да и за создаваемую им иллюзию богатства даже бедноватого на самом деле дома.

Важнейшим элементом украшения фасада считался наличник. По своей точной этимологии это слово означает нечто расположенное на лице, вроде макияжа. В старину люди подолгу сживали у окна, наблюдая за улицей. Занятие отнюдь не пустое — в отсутствие га-

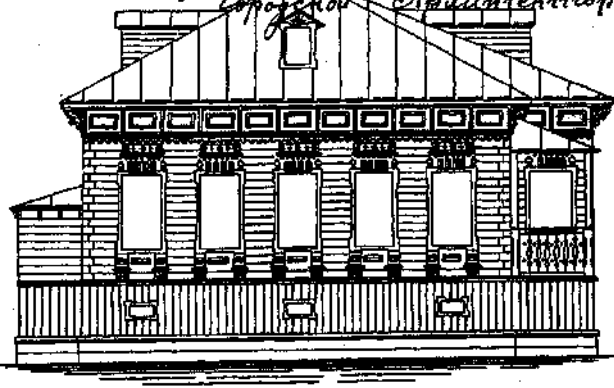
Фасады по Бременной ул.



Дом Макарова. 1907.  
Оригинальный чертеж.



деревянный одноэтажный дом, в 3-х этажах  
перед накатными постройками дадим  
фасадной линии. 22 июня 1909 г.  
Съездом в 1909 г.  
Городской Архитектор



Дом Кунишной. 1909.  
Оригинальный чертеж.

Масштаб для



зет рядовые обыватели черпали из таких наблюдений и бесед с прохожими почти всю городскую информацию. Не правда ли, человек в окошке чем-то напоминает собственный портрет, которому наличник служит рамкой? И как не бывает двух совершенно одинаковых людей, так и не могло быть двух домов с совершенно одинаковыми наличниками. Разнившиеся формой, размерами, рисунком, они, конечно же, придавали каждому дому неповторимую индивидуальность.

Самый незатейливый наличник — рама из досок, как, например, на окнах Исакогорской церкви. Доски продлены за габариты наличника, а их концы силуэтно обработаны. На доме Карпова и «рама» посложнее, и есть венчающее завершение в виде сквозного орнамента, просверленного коловоротом и окончательно выделанного стамеской. Там же обращает на себя внимание обычно едва приметный архитектурный элемент крыши — слуховое окно, оформленное под рождественскую козулю. Видно, найдя удачное решение стеновых наличников, мастер на радостях немножко почудил.

Особняк Суркова броско декорирован наличниками с выпуклой рельефной резьбой на фоне нейтральной обшивки. Они объединены поясом, туго стягивающим особняк по периметру.

Неизвестный нам столяр более чем размашисто сработал наличники на доме № 21 по Никольской улице в Соломбале, которые даже не пытались скрыть свое «родство» с сурковскими, но в отличие от них не были ничем связаны между собой и с домом, «висели» по отдельности, словно ряд картин. Мотивы на-

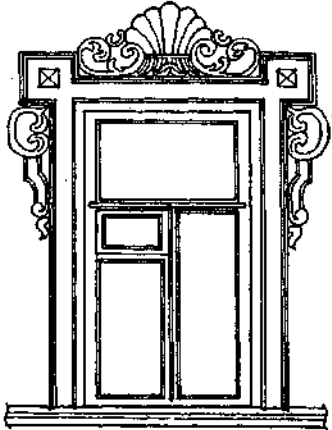
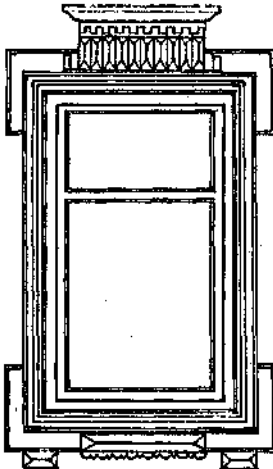
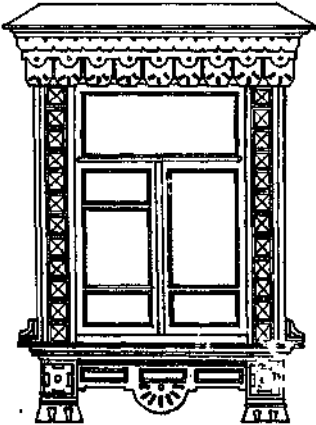
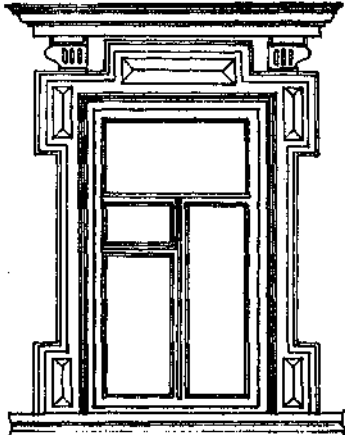
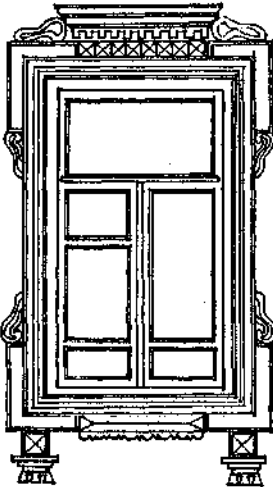
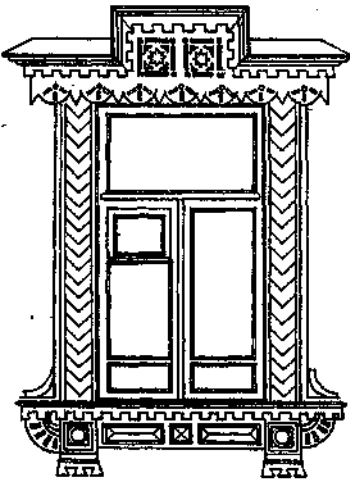
личников Суркова использованы и в оформлении мезонина дома Ананьева, только измельчены почти до неузнаваемости. Как видим, решения не повторялись без вариаций.

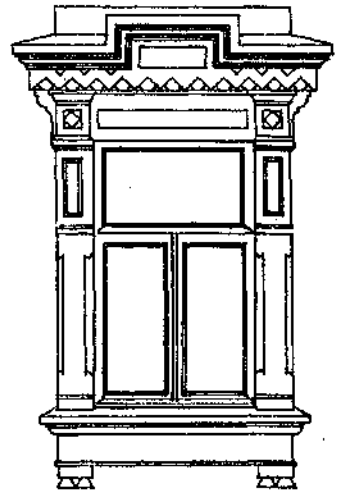
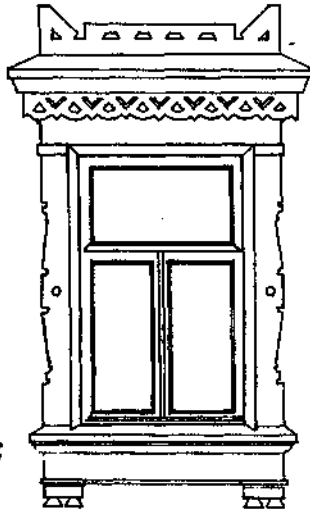
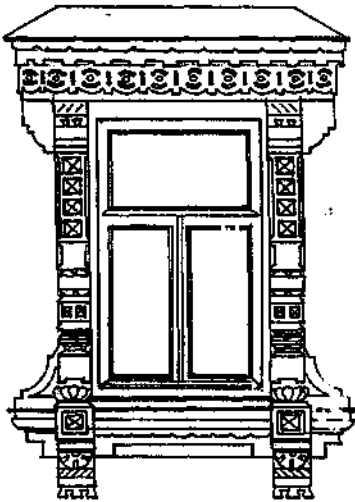
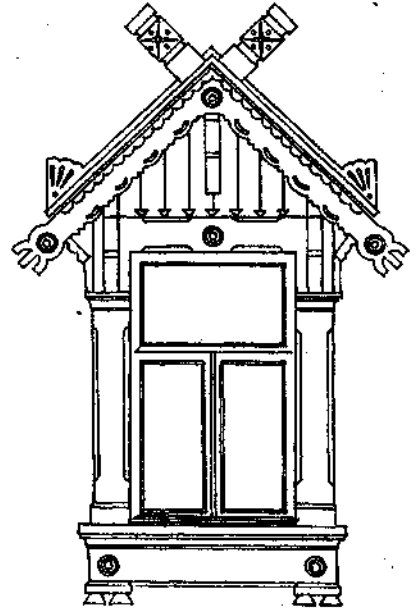
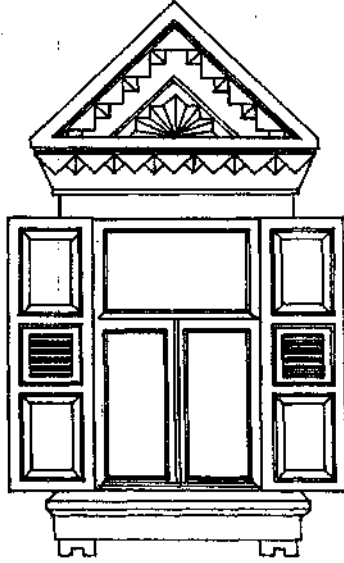
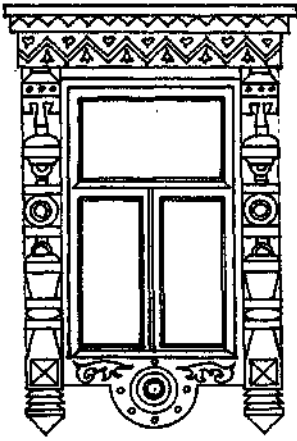
Следующим по значимости элементом украшения главного фасада был фриз — горизонтальная полоса на верху стены, под самой крышей. Его делали везде примерно одинаково — раскладные рамки чередовались с декоративными кронштейнами. Но детали, выточенные или выпиленные вручную, несколько разнились. Иногда фриз заменяли силуэтным карнизом, создававшим плавный переход от крыши к стене. Встречались три разновидности карнизов — египетский (в виде выкружки), прямоугольный и ступенчатый.

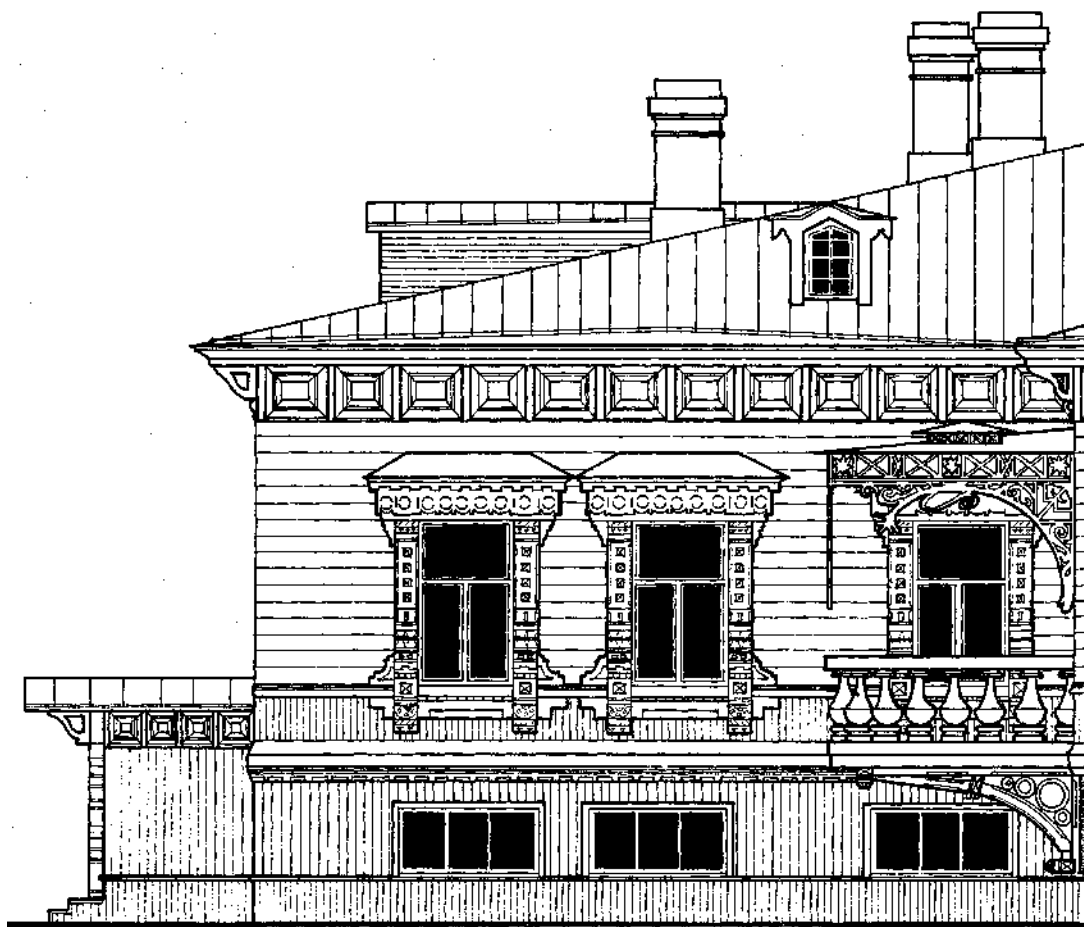
Резьба, для каких бы оформительских целей ее ни применяли, подразделялась по технике исполнения на глухую, пропиленную и накладную.

Древнее всех — глухая, то есть не сквозная. Испокон веков мастера украшали ею деревянную утварь и архитектурные детали путем углубления фона вокруг выпуклого или плоского узора. В отличие от других городов с развитым деревянным зодчеством, в Архангельске такая резьба почти никогда не была сюжетной, преобладали геометрические орнаменты из кружочков, «городков», «зубчиков», несложных овалов и т. п. Когда-то эти фигуры и линии служили символами неких элементарных ощущений и представлений. Подобно тому как окна считались глазами крестьянского дома, а конь на гребне крыши — его хранителем, прямая горизонтальная линия означала землю, волнистая — воду, круг ассоциировался с солнцем, крест — с огнем, ромб

Наличники архангельских домов.









Особняк Суркова. 1851. Архитектор А. Шахнарев. Декор 1908 года. Ул. Попова, 1. Набережный фасад; на обороте — фрагмент набережного фасада.





— с плодородием. Декоративный дизайн нес в себе историко-мифологический смысл, выражал суть природы, но вряд ли резчики начала XX века помнили эти сокровенные послания предков. Спонтанный символизм повседневного опыта утратил блеск не только потому, что отделился от языческих или христианских идей, но еще и потому, что живой контакт людей с природой все более вытеснялся суетными меркантильными заботами...

Первым делом мастер с помощью карандаша наносил узор на прочную сосновую доску толщиной сантиметров восемь — по шаблону, если пользовался каким-то образом, просто от руки, если придумывал орнамент сам. Затем он, подбирая стамески, выгиб которых соответствовал бы кривизне узора в каждом данном месте, сильно нажимая на них рукой или ударяя по ним деревянным молотком — киянкой, проходил по контурам. После этого дерево с фона аккуратно снималось — не сразу до нужной глубины на отдельных участках, а со всей поверхности послыно, в несколько приемов. Наконец, резчик возвращался к рельефу. Держа стамеску в правой руке и надавливая на поверхность инструмента, недалеко от лезвия, пальцами левой, он с усилием, все время чувствуя сопротивление материала, поступательными, боковыми и круговыми движениями, сливавшимися в одно, заглаживал отвесные срезы, изгибал их. Игра светотени, на выступающих и более глубоких частях рельефа придавала узору особую выразительность.

Глухая резьба, очень трудоемкая, требовавшая много времени и физического напряжения, постепенно уходила в прошлое. Гораздо

проще нанести орнамент на тонкую доску и пропилить ее насквозь. Это стало возможным благодаря изобретению всем нам известного лобзика. Завершали, подправляли работу стамесками. Узоры брали из каталогов целиком, как есть, или комбинировали их. Многие резные элементы архангельских домов скопированы с иллюстраций в общедоступных тогда руководствах «Архитекторы и строители». Мотивы орнаментов — не только геометрические, но и растительные, зоологические, исторические.

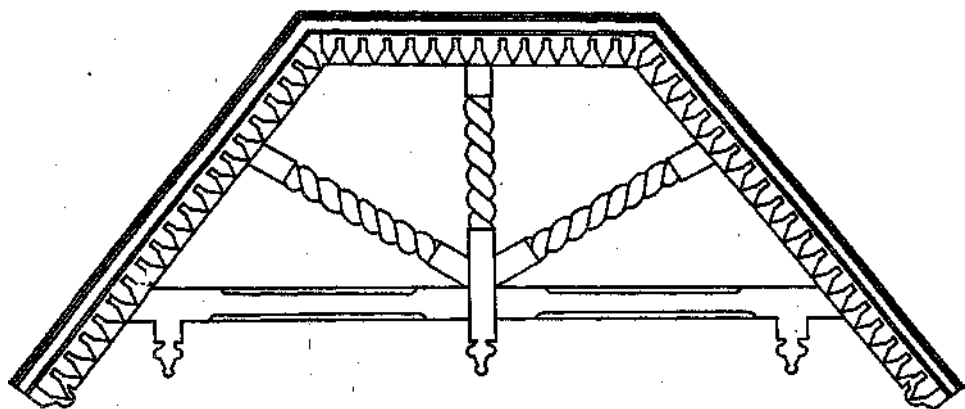
Сравнительное изучение пропиленной резьбы показывает, что ее развитие шло в сторону увеличения площади узора и сокращения фона. Примером служит уцелевший резной архитектурный пояс под крышей дома № 40 по проспекту Чумбарова-Лучинского. Во всех случаях орнамент довольно мелок и рассмотреть его в деталях можно лишь с близкого расстояния.

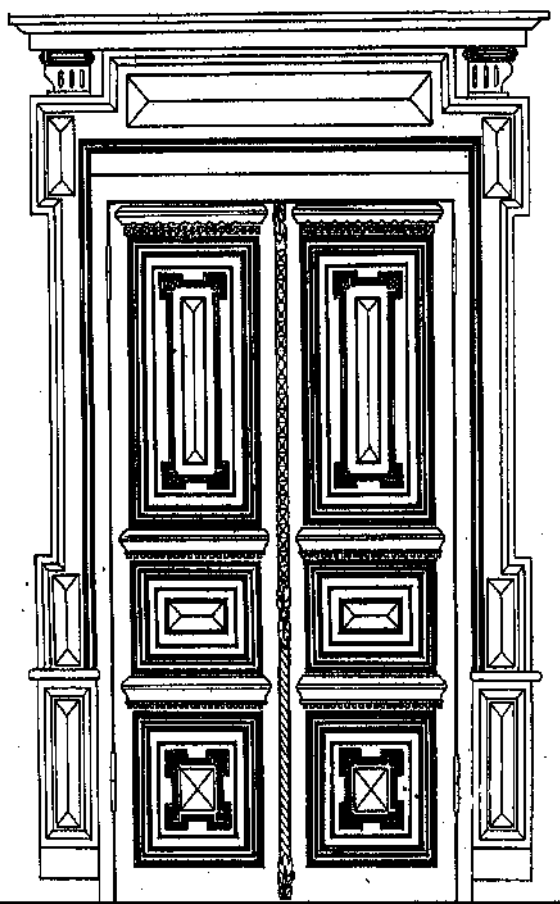
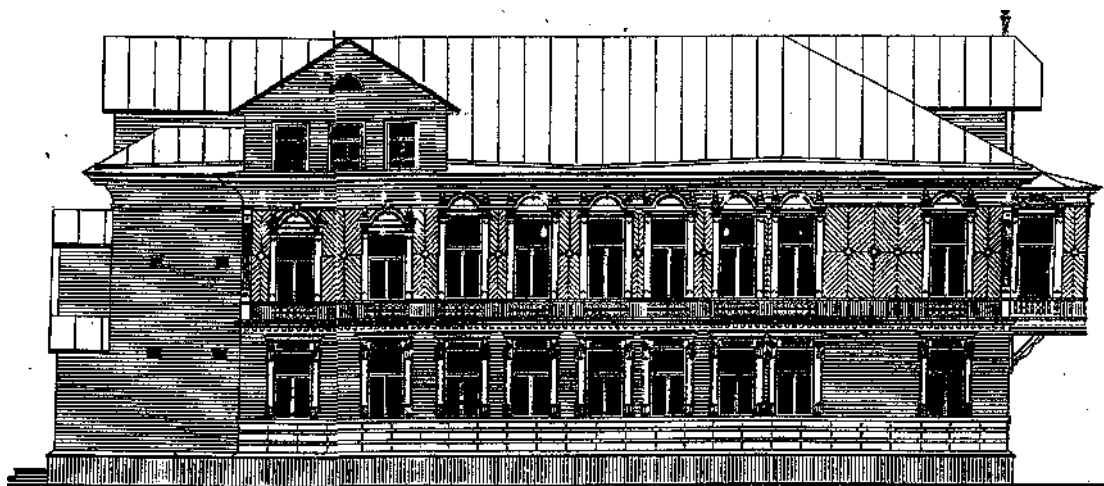
Пропиленная насквозь доска сохраняется дольше, если она наложена на глухую доску. Такой прием декорирования называется накладной резьбой. Это своего рода вариант глухой резьбы, но там заглублен фон, а здесь — узор, роль же светотени в принципе одинакова.

На пересечении Среднего проспекта и Соборной улицы стояли, глядя друг на друга фасадами, два очень привлекательных дома — Дарьи Петровны Ананьиной и чиновницы Надежды Двойниковой. Родило эти дома обилие пропиленной и накладной резьбы. Декор был продуман до мелочей. Накладные детали подчеркивали двухэтажность строений, образуя два горизонта восприятия. Профильный



Дом Чудинова. 1906. Слева — уличный фасад, навесной фронтон; справа — дворовый фасад, входная дверь.

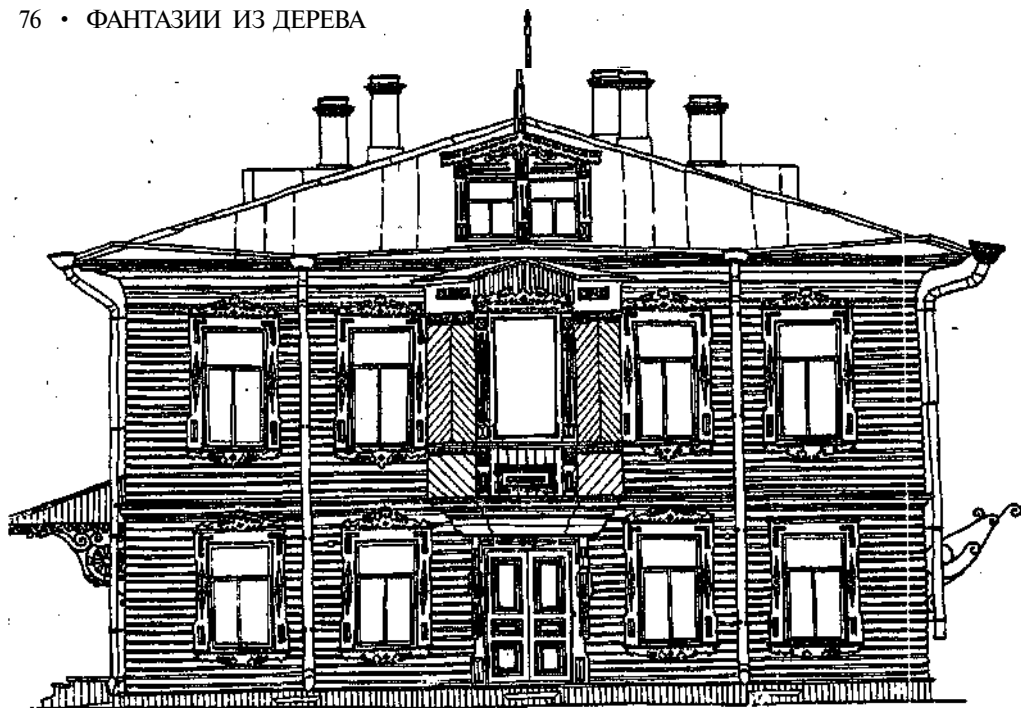




ряд балясин имитировал балконы. Верхние части наличников напоминали праздничный головной узор крестьянки. У Ананиной мезонин был оформлен солярным знаком — символом солнца, указывавшим на деревенское происхождение городского дома.

Изготовлением и установкой резных декоративных элементов занимались обыкновенные домостроительные артели. Полуремесленники-полухудожники хранили традиции тех времен, когда солоубальцы вырезали на носках кораблей стремительные, порывистые фигуры в одеждах с развевающимися складками, а на воротах усадеб — оскаленные львиные морды. Работы артельщиков могли достигать уровня произведений искусства или вызывать улыбку наивностью замысла и неуклюжестью исполнения. Но отсутствие композиционных ошибок и погрешностей даже у самых посредственных оформителей, не говоря уж о мастерах, наводит на мысль, что нет раз и навсегда установленных правил, законов построения фасадов, а чувство ритма и соразмерности изначально присуще всякому человеку.

Кстати, для столяра-резчика делом чести было иметь по возможности лучшие инструменты и держать их постоянно готовыми к работе. Обычно в комплект входили стамески различной ширины и кривизны — прямые,



Дом Анциферовой. Стоял на набережной, около пл. Профсоюзов. Вверху — набережный фасад; внизу — эркер, фронтальный вид; эркер, боковой вид.

скошенные, угловые для прорезывания канавок — и киянка. Некоторые обладали сокровищем тех лет — набором стамесок и резцов английской фирмы «Шеффилд»: 101 инструмент! Были и настоящие коллекционеры, располагавшие несколькими сотнями всяческих стамесок.

Застройщик и при отделке дома редко оставался сторонним наблюдателем. Как лишиться себя удовольствия погулять рубанком по доске, снять тонкую, завивающуюся золотистую стружку, почувствовать запах древесины, увидеть ее прекрасный естественный рисунок, ощутить под ладонью живое тепло материала, оценить только что родившееся изделие! Поистине сторицей вознаграждал себя неленивый хозяин.

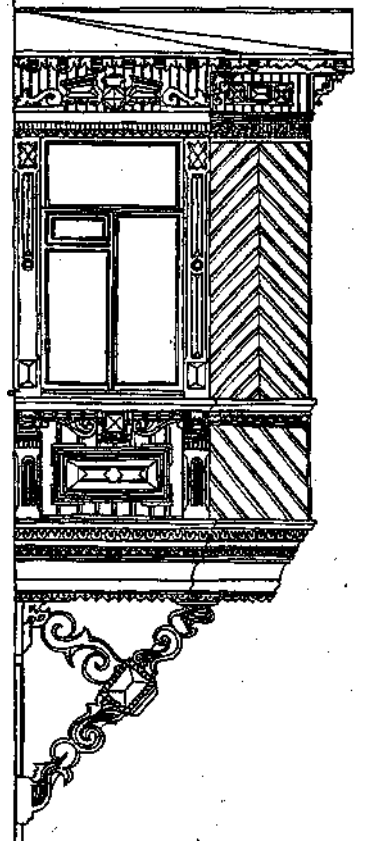
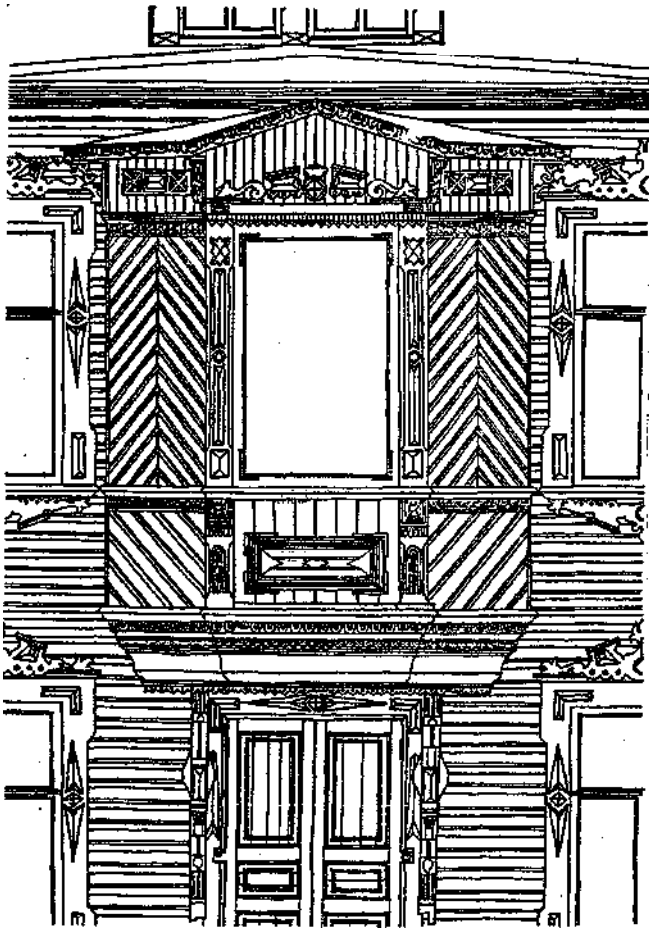
Если дом не был обшит и декорирован, это не обязательно означало, что у застройщика туго с деньгами. На Севере понимали природную красоту открытых рубленых стен, имеющих свою выразительность, Трещины и текстура бревен напоминают морщинки на ко-

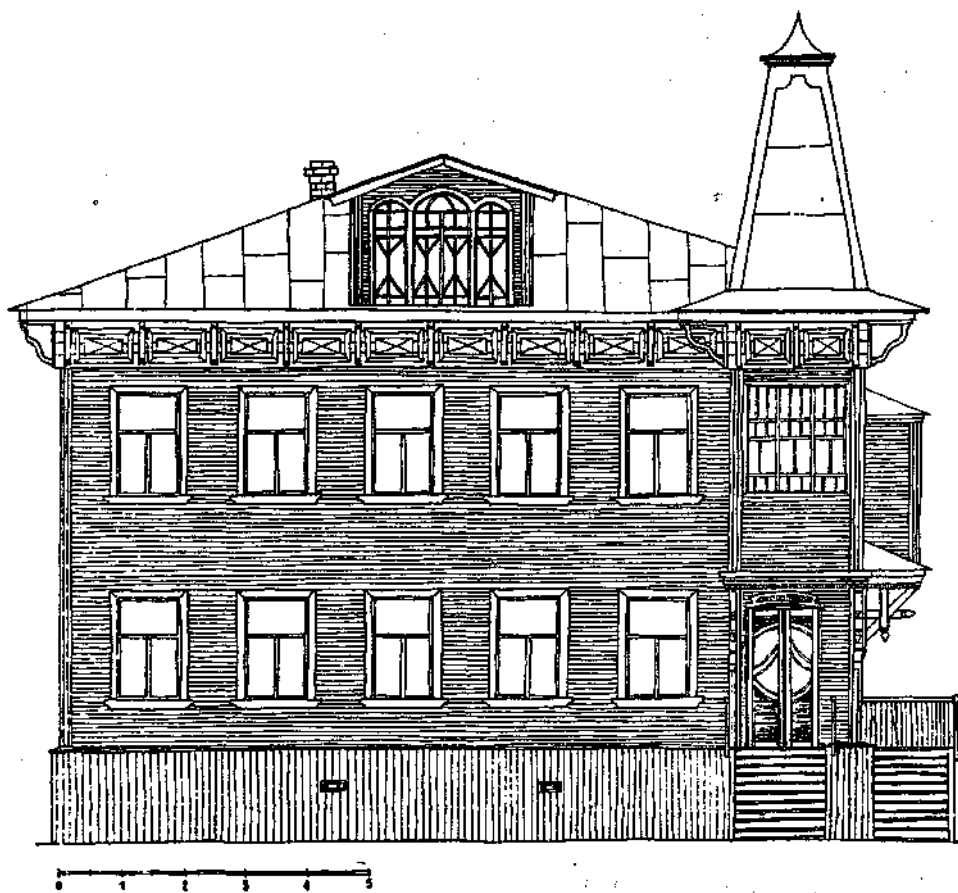
же человека, сучки — родимые пятна. В поверхности сруба меньше произвола, привнесенного нашим сознанием, больше доверия к самому материалу. Это классика северного деревянного зодчества, его первая любовь. «Не найдешь по красоте своей более логичной естественности, чем тяжелая кондовая древесина», — писал знаменитый финский архитектор Алвар Аалто<sup>1</sup>.

Простые рубленые дома — тоже архитектура. Ярким образчиком не отмеченного ни в одном учебнике типа дома, который мы назвали архангельским, был дом Черепанова на Петербургском проспекте: высокий цоколь, вздымающиеся над ним ровные брусчатые стены. В его облике ясно различимо крестьянское происхождение деревянного строительства.

В некотором роде новым материалом с присущими ему оригинальными качествами, но-

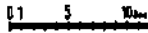
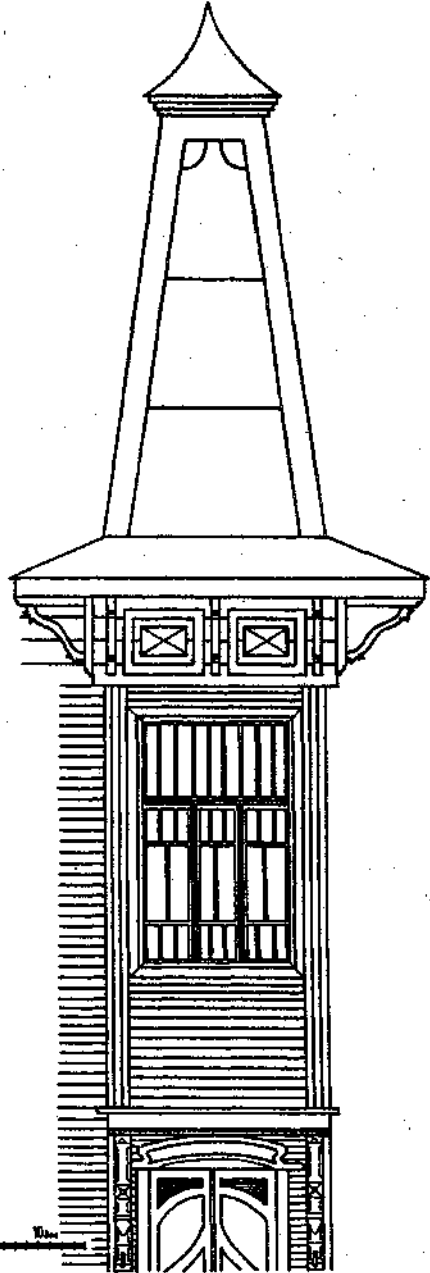
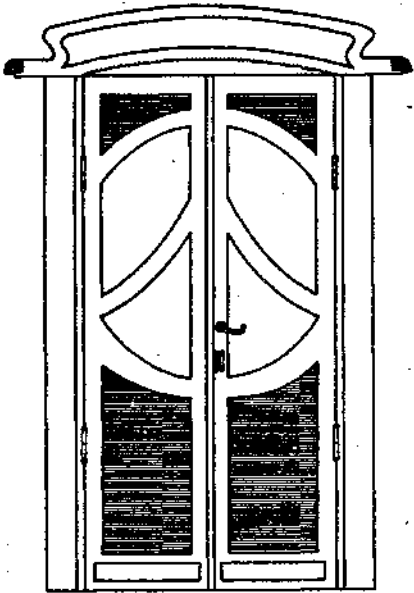
<sup>1</sup> Аалто А. Архитектура Карелии // Архитектура и гуманизм. — М.: Прогресс, 1978. — С. 37.

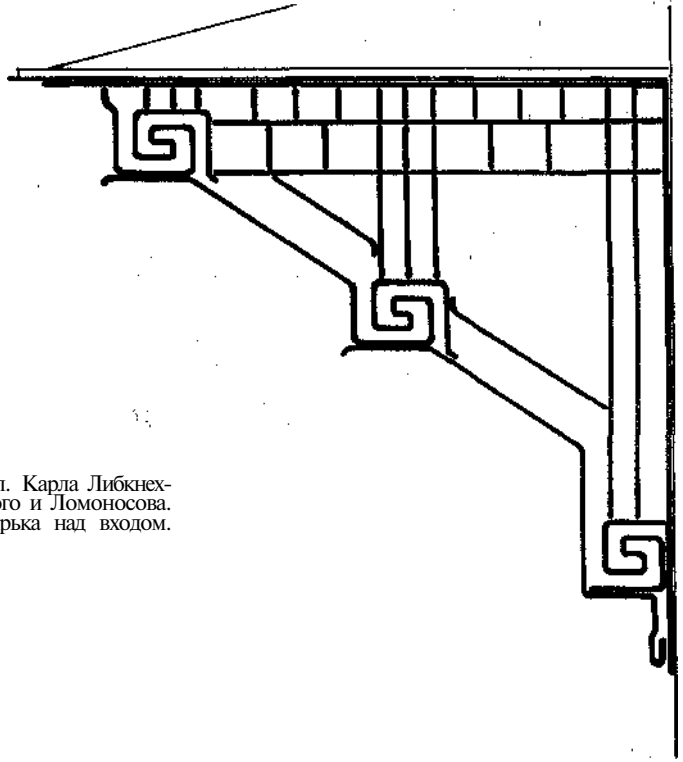




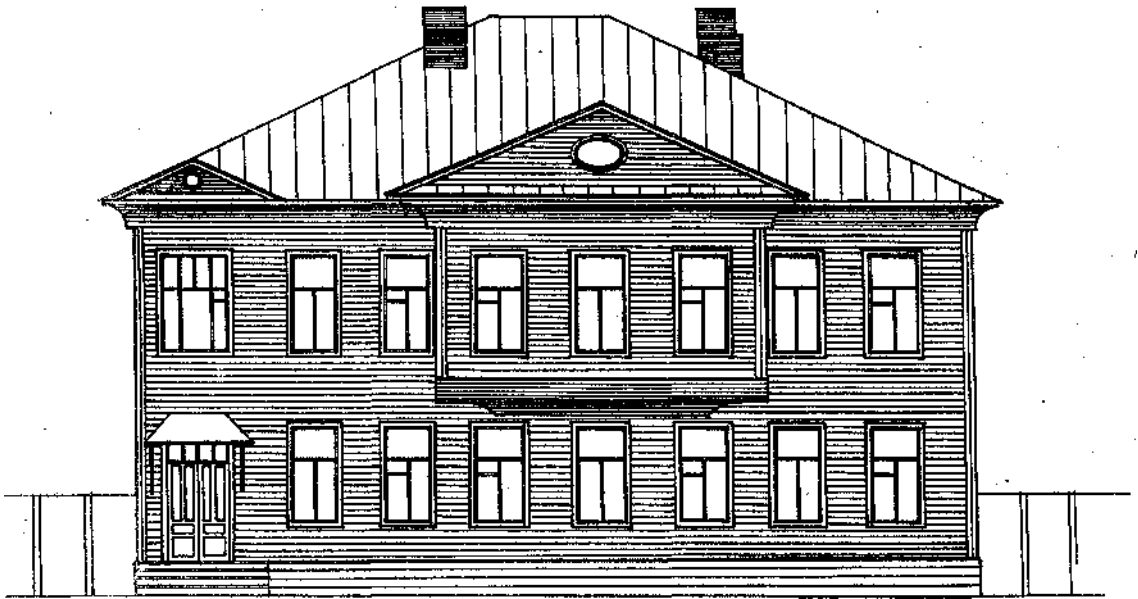
ДОМ АДВОКАТА НИКОЛЬСКОГО

Дом Никольского. Слева — уличный фасад; справа — оформление входа, рисунок на входной двери, металлическое навершие.

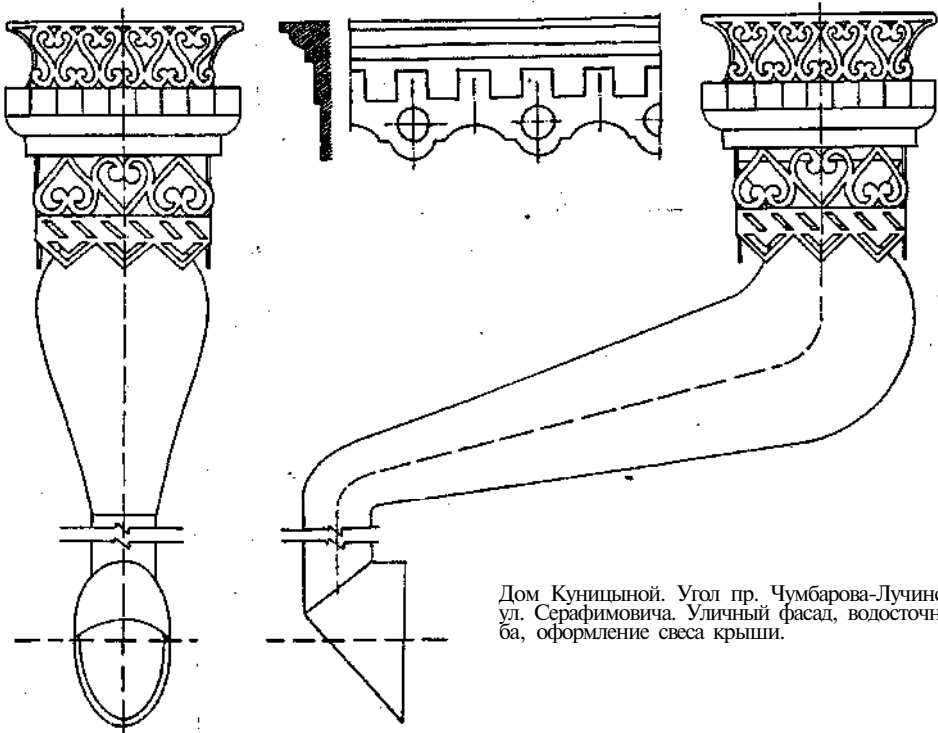
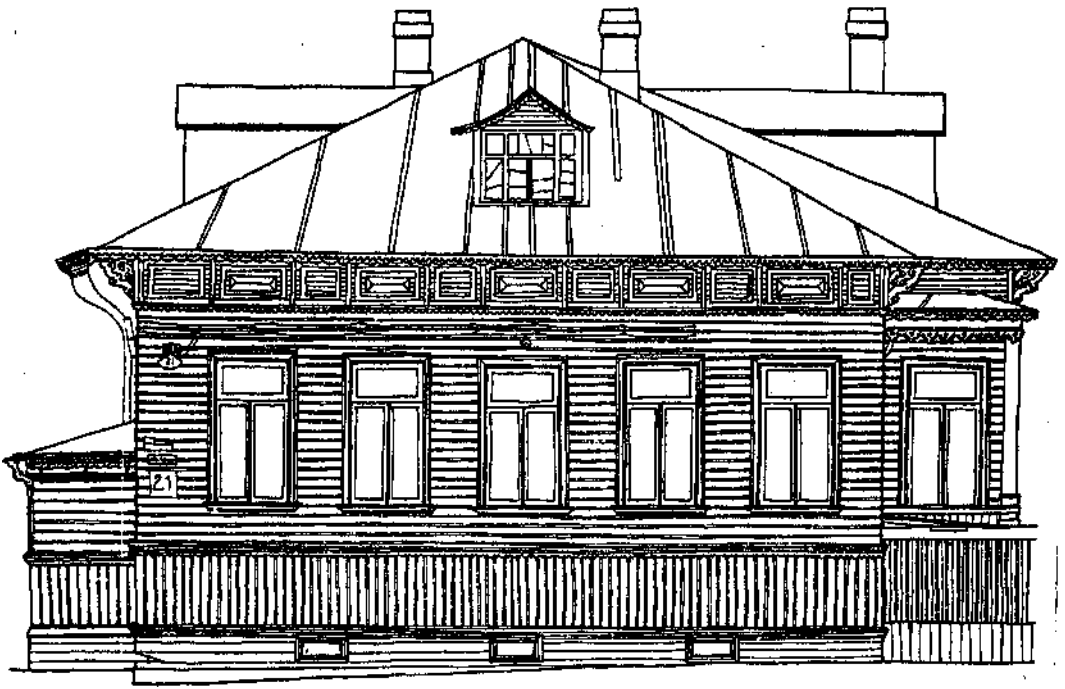




Дом Норицына. 1912. Стоял на ул. Карла Либкнехта, между пр. Чумбарова-Лучинского и Ломоносова. Уличный фасад, кронштейн козырька над входом.

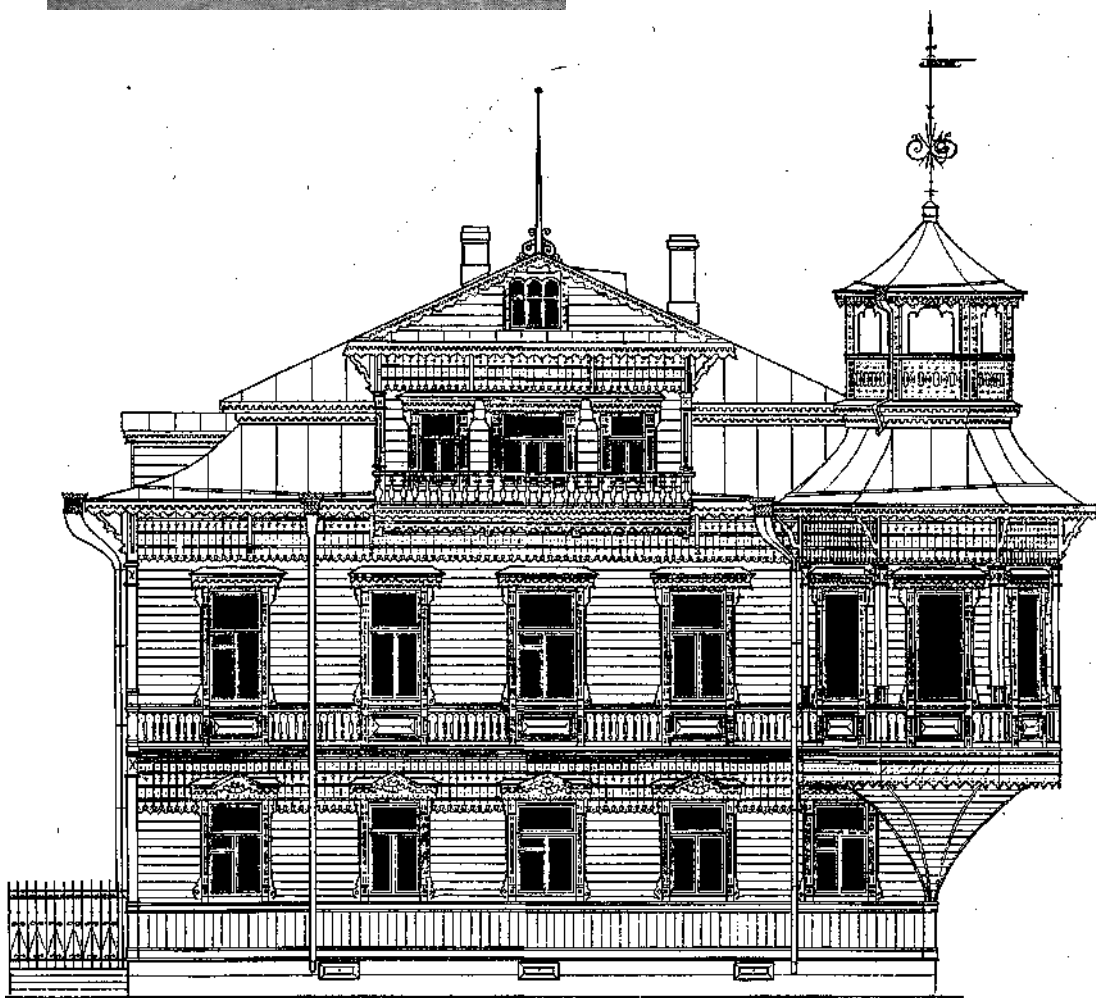


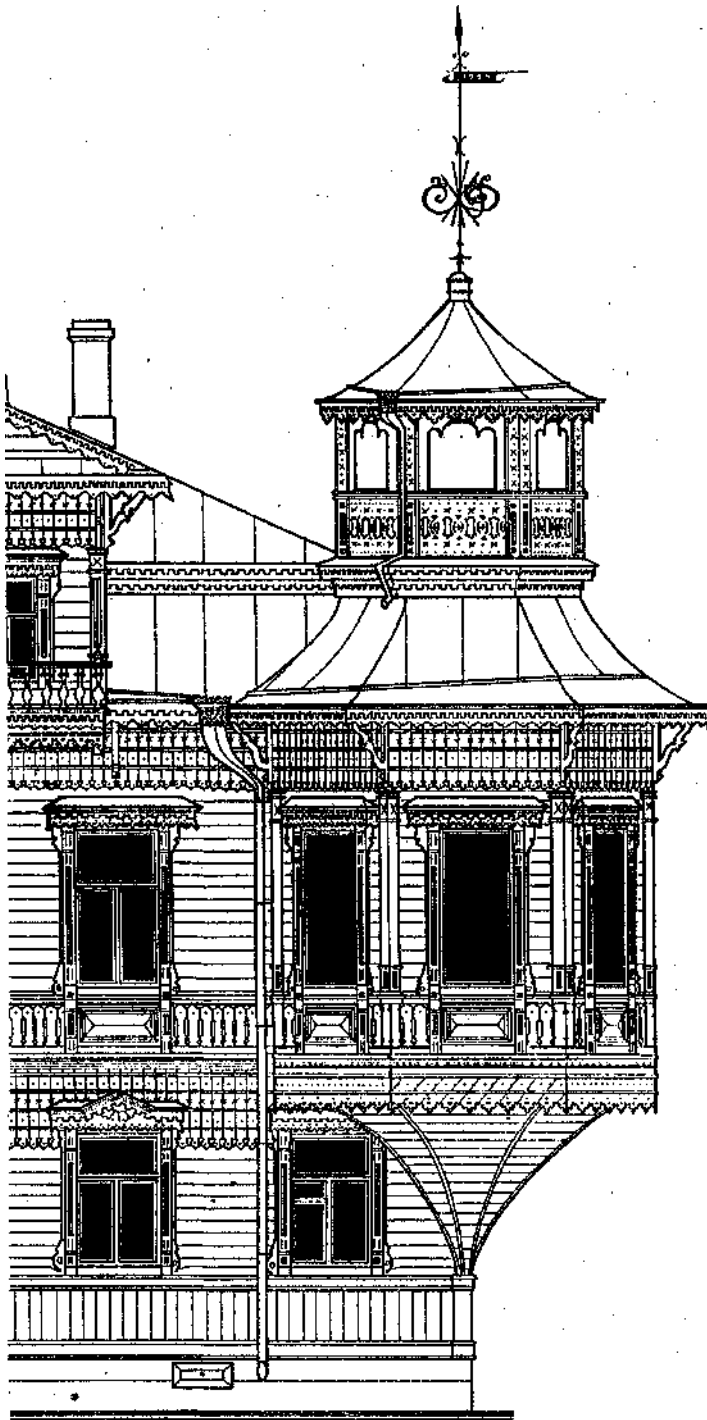


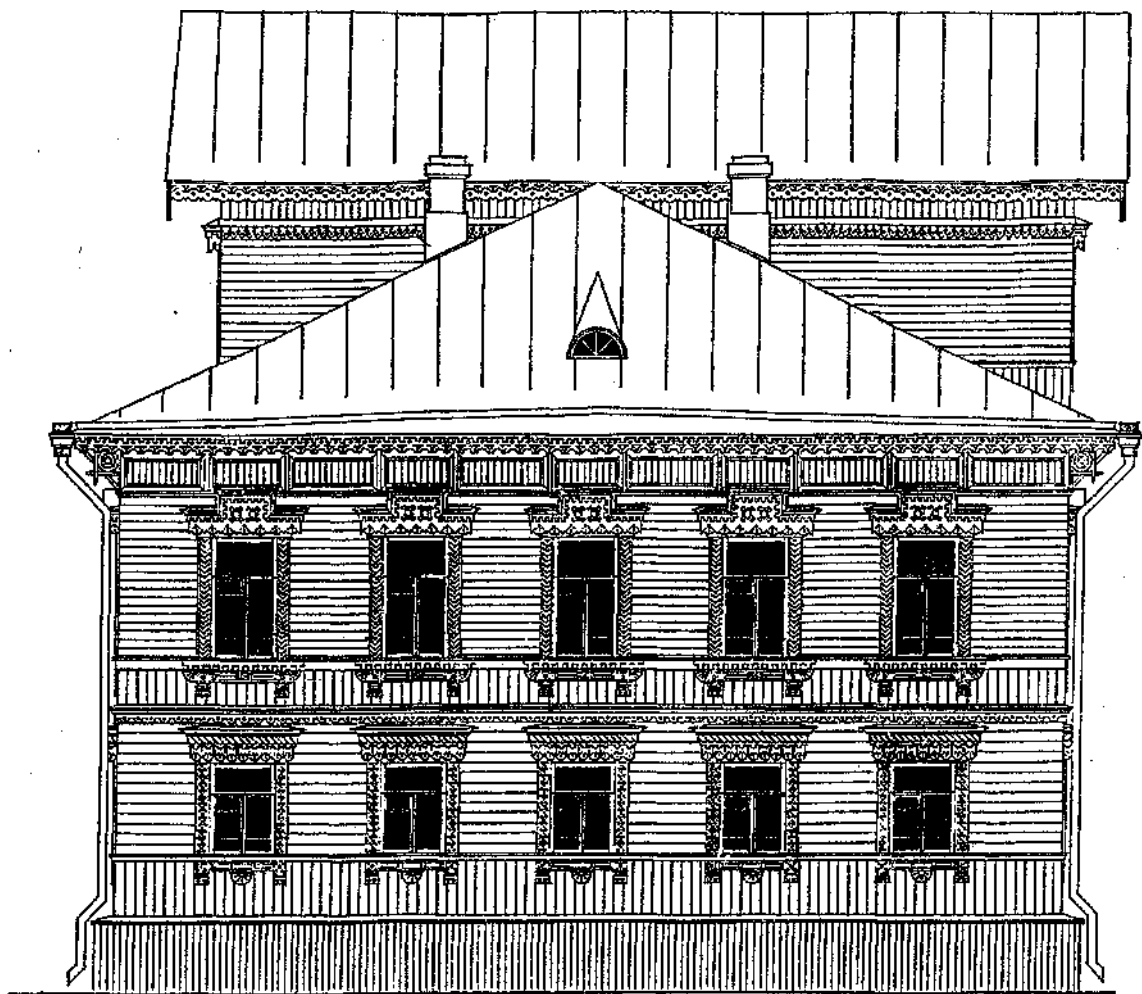


Дом Куницыной. Угол пр. Чумбарова-Лучинского и ул. Серафимовича. Уличный фасад, водосточная труба, оформление свеса крыши.

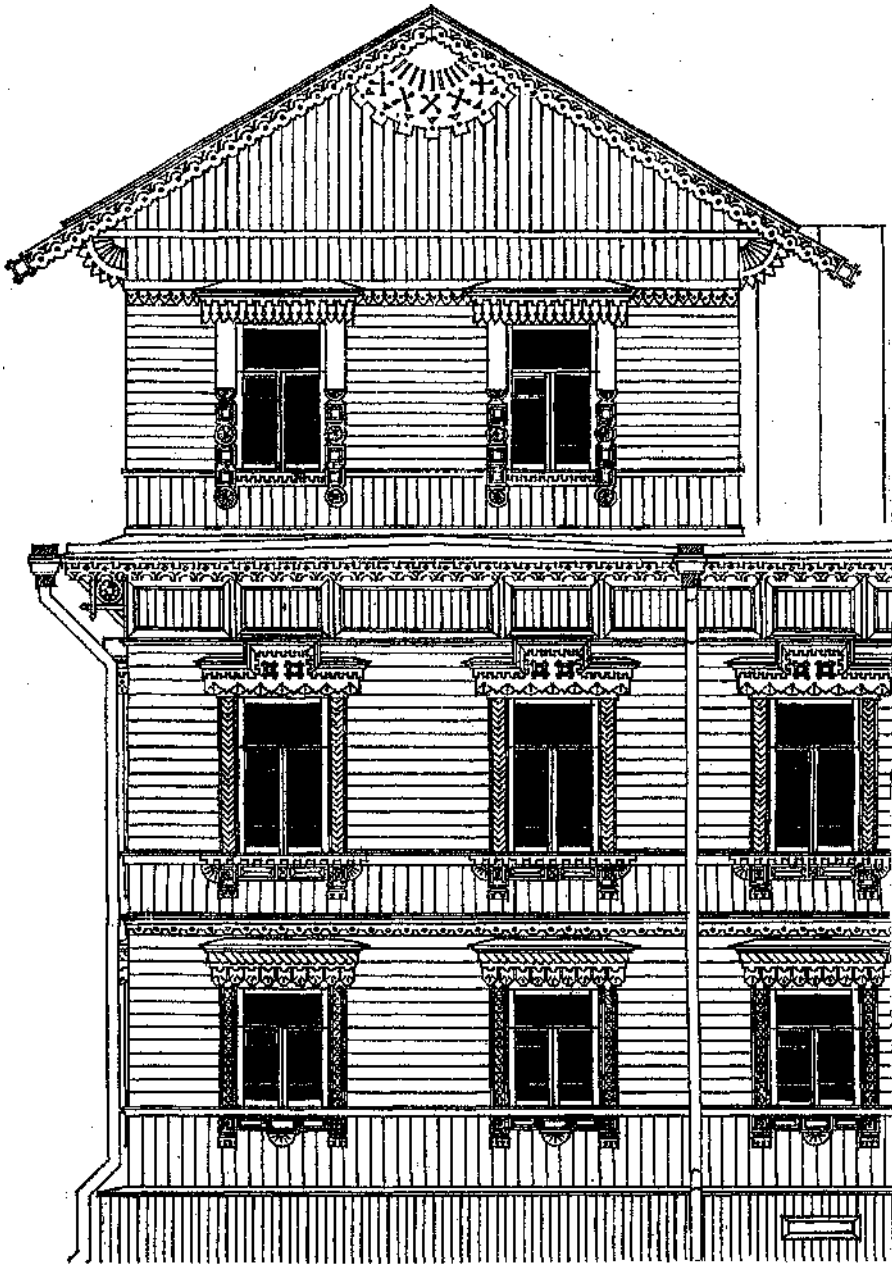
Дом Двойниковой. 1909. Архитектор П. Милейко. Общий вид. Фото 20-х годов. Уличный фасад; справа — угловой эркер.

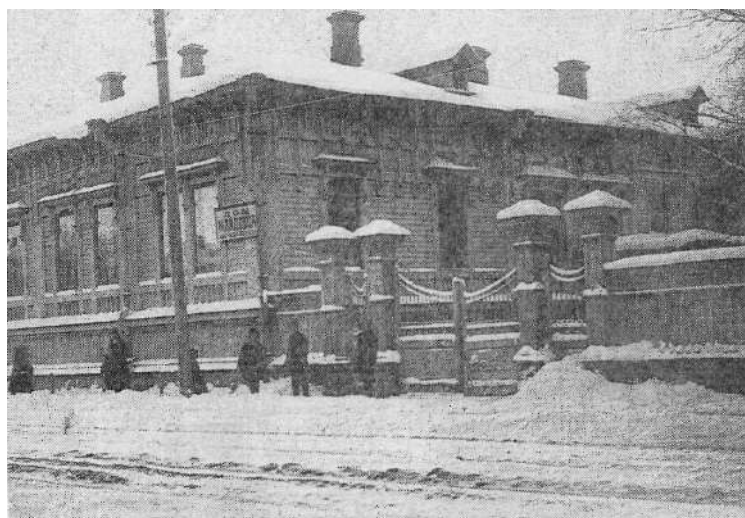






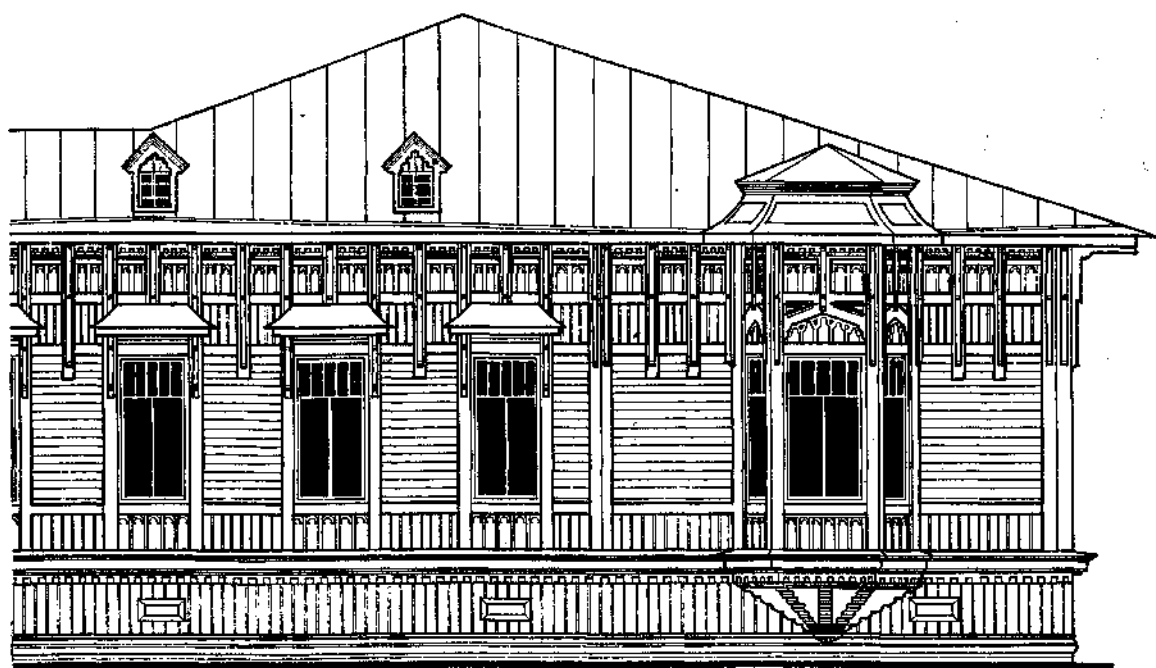
Дом Анањиной. Главный фасад; справа — фрагмент уличного фасада.

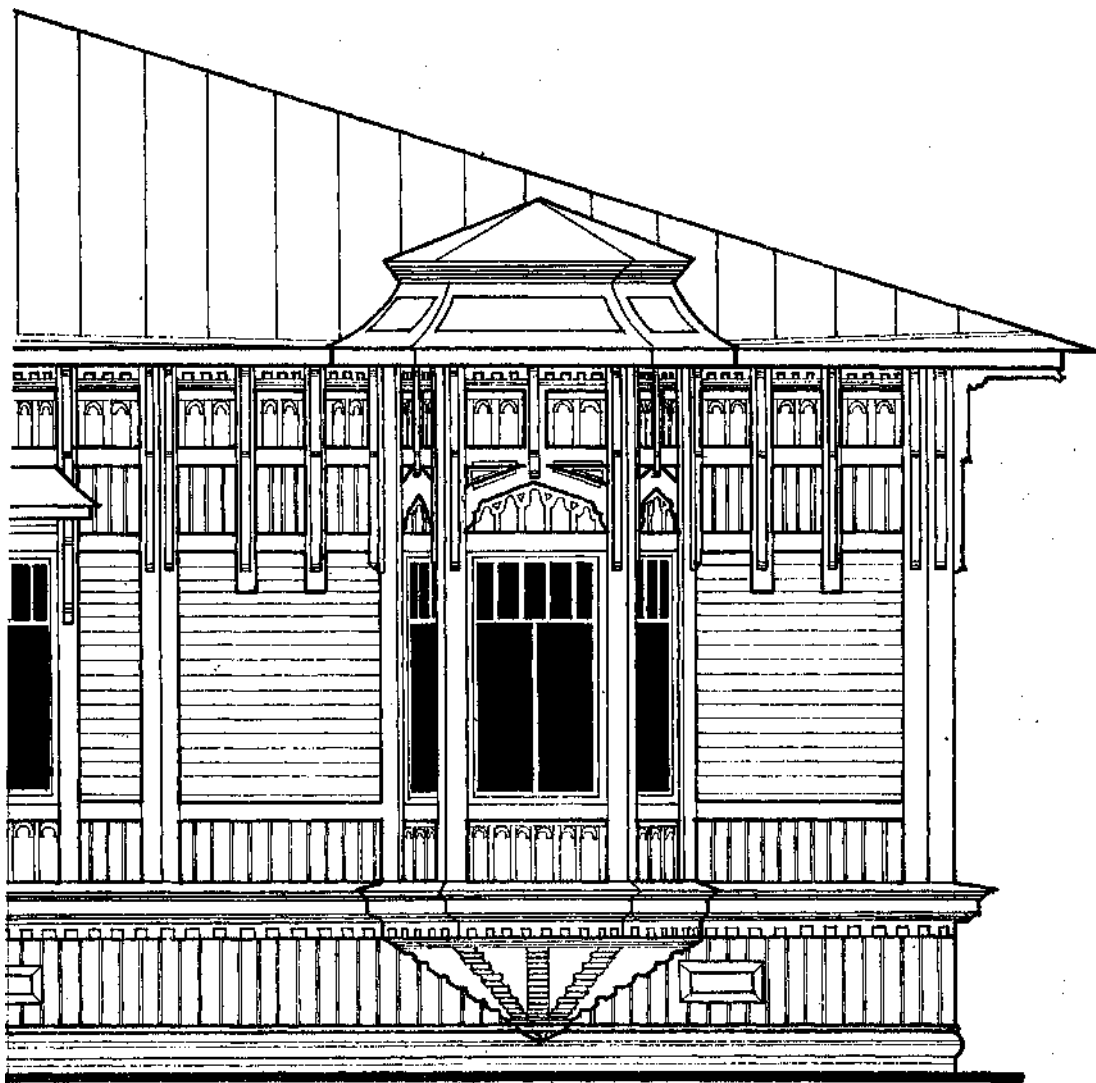




Особняк Шарвина. 1852. Архитектор А. Шахнарев. Декор 1911 года. Архитектор С. Пещ. Ул. Логинова, 9. Уличный фасад.







Особняк Шарвина. Эркер.





Застройка набережной около Оперной площади. Виден принцип раскраски домов: накладные элементы более светлого тона. Ближайший к нам — дом с чайной Анциферовой. Фото начала XX в.

сителем образных и пластических особенностей, неведомых открытому или обшито́му срубу, стало ошпукатуренное дерево. Такие дома льстили хозяевам своей похожестью на столичные, петербургские. Но наибольшее эстетическое впечатление производило сочетание ошпукатуренных стен со сложными по форме крышами, как в особняке Никанора Калинина, владельца магазинов мануфактурных товаров и готового платья: элементы русского терема соседствовали с выпуклыми крышами, дополнением которых служили швейцарские навесные фронтоны.

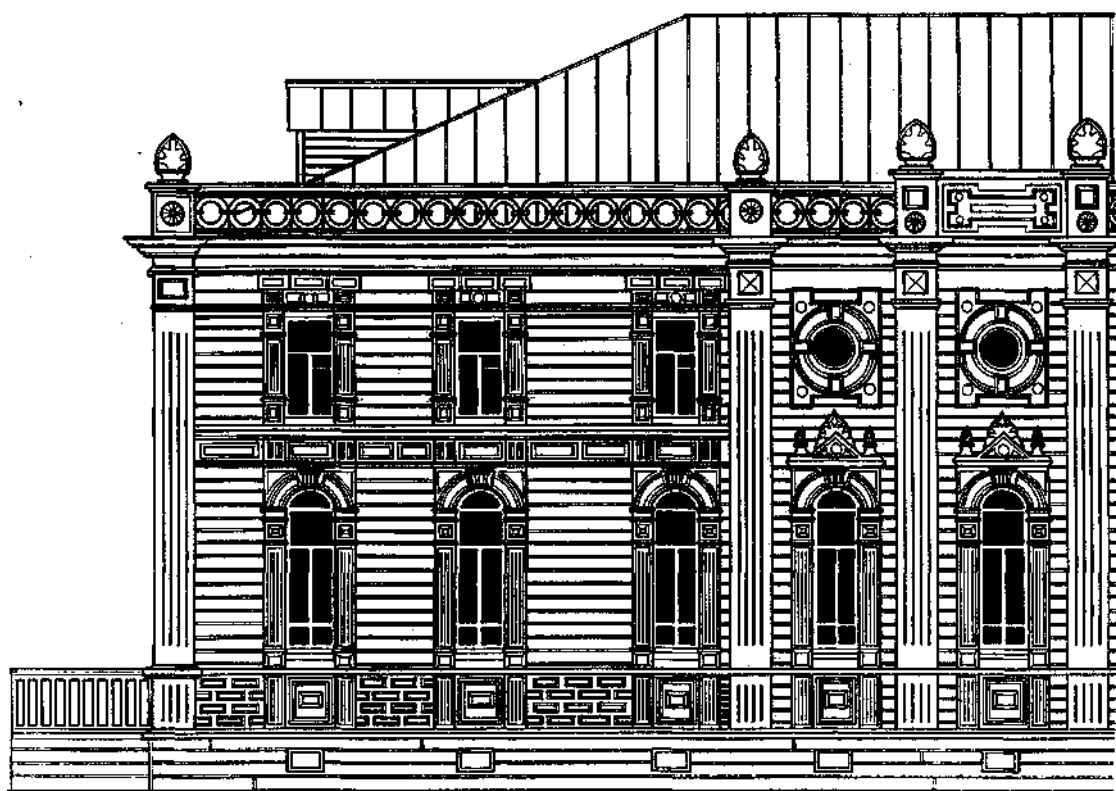
Цветовая гамма деревянного города сама по себе скромна: в XIX веке Архангельск был сплошь желто-бежевым. Но преобладание одного строительного материала способствовало зарождению специфически активной полихромии. Фасады домов раскрашивались желтыми и красными охрами, «высочайше» апробированными синим и белым цветами. Начало следующего столетия принесло моду на плотные, яркие цвета, характерные для других стран, где выпадает много снега. Часто повторялась одна и та же схема цветового декора — резко контрастная окраска стен и накладных элементов. Например, дом с бирюзовыми стенами имел желтые наличники. Полихромия делала заметнее резьбу. Заметим, что раскраска домов издавна имела не только декоративное, но и смысловое значение. Се-

мантика цвета исходила из природных образов: темные, плотные тона ассоциировались со стволом дерева, землей, камнем, создавали ощущение прочности, материальности, светлые — наоборот. Белый цвет ассоциировался с парящими облаками и рыхлым снегом.

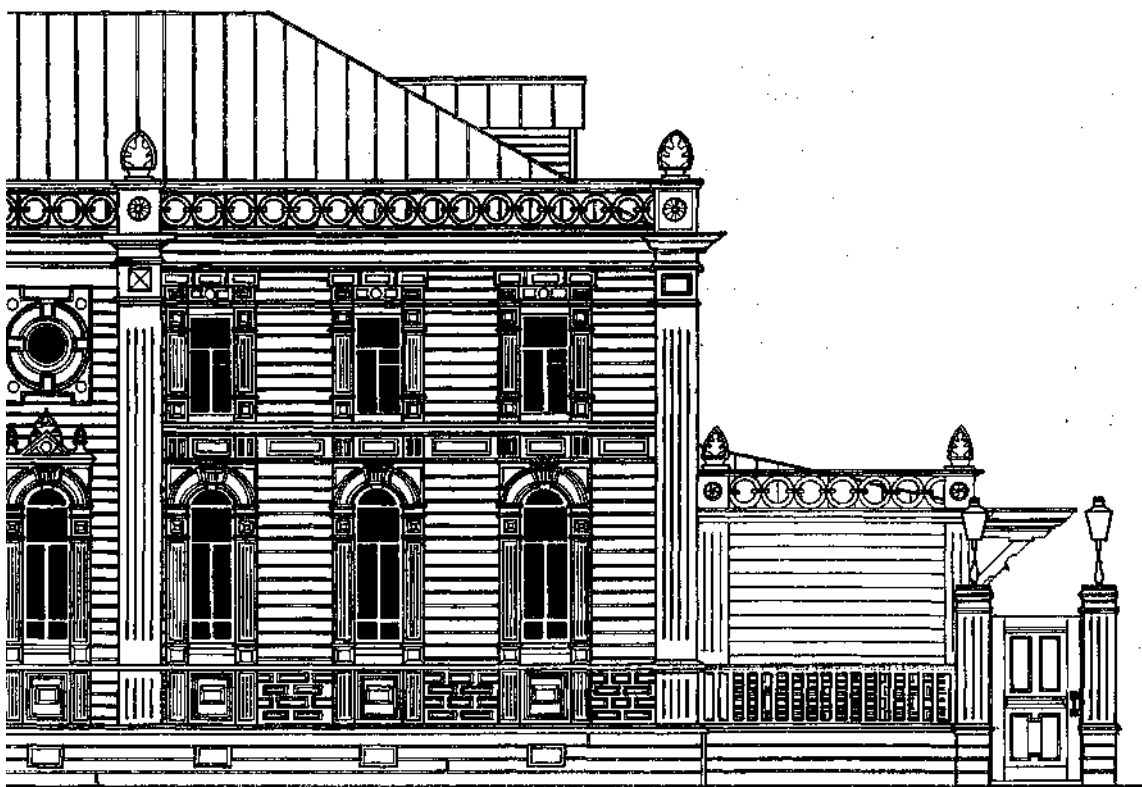
Дерево фасадов дополнялось металлом — дымниками, водосточными трубами, флюгерами, козырьком над входом, дверными петлями, зачастую сделанными столь искусно, что они и сами, независимо от целого, представляли художественную ценность.

Ограды, ворота, накладная обшивка их столбов в большинстве случаев гармонировали с уличным фасадом дома. Наблюдательный глаз мог разглядеть и на них множество мелких, неброских, но интересных деталей. Современным зданиям не хватает как раз милых рукодельных мелочей, которые придавали искренность и теплоту старым домам. Ну и самый последний, хоть и не архитектурный штрих всего ансамбля — непременно пушистые лайки, бдительно вострившие уши у ворот.

Дерева было так много, что оно не могло не влиять на каменную архитектуру, постепенно внедряющуюся в ткань города. Черты деревянного зодчества словно исподволь воспроизводились в камне. Мало кто знает, что в «каменном» доме Беляевского таковым был лишь первый этаж, а второй — бревенчатым,



Коммерческое собрание. 1851. Декор 1912 года. Инженер В. Телятьев. Уличный фасад.



только снаружи облицованным кирпичом. Образный строй деревянных домов здесь особенно нагляден в имитации фахверковых конструкций, в обрамлениях окон, в большом выносе карниза, который смотрится как сильно выступающие, подшитые снизу деревянные балки, в характерной трактовке и шатровом завершении углового эркера.

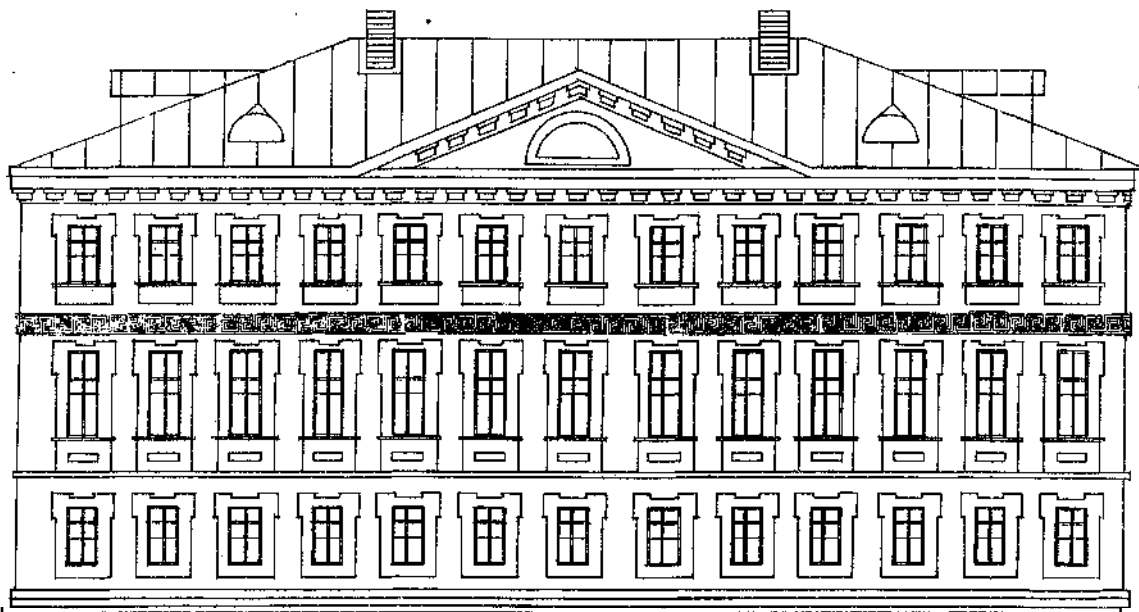
Своеобразно сказались на Архангельске европейские архитектурные стили. В царствование ренессанса и маньеризма он просто еще не существовал, барокко лишь слегка коснулось города, пребывавшего в младенческом возрасте. Зато классицизм, едва придя в Россию в конце XVIII века, занял в Архангельске прочные позиции, которые удерживал добрую сотню лет. Он проник в планировку улиц и архитектуру архангельского дома, наложил отпечаток на памятник Ломоносову. Классицизм так долго сопровождал архангелогородцев, что стал казаться им само собой разумеющимся. Впрочем, эпитет «классический», созвучный определению «классицистский», относится именно к архитектуре, не подвластной времени и моде.

Что общего между цветущими орхидеями, снежинками и архангельским домом эпохи классицизма? Симметричность. Если мысленно провести вертикальную ось по середине уличного фасада любого здешнего дома XIX века, то окажется, что все архитектурные и декоративные элементы размещены по отношению к этой оси строго симметрично. Симметрия, создающая ощущение гармонии, покоя и уравновешенности, требует, как известно, восприятия ее с одной определенной точки, что всегда и предусматрива-

лось: дома классического стиля обозревались с улицы, с противоположного тротуара. Их фасады были неким подобием картинной плоскости, границей, отделявшей и вместе с тем соединявшей открытое городское пространство и скрытое, «интимное», живописно организованное пространство двора.

Другая особенность классицизма — строго отобранный арсенал архитектурных деталей: линии карнизов, цоколей, междуэтажных членений, пропорциональные соотношения. По канонам античного мира, архитектура классицизма должна быть каменной. Но камня в Архангельске не было, а вот леса сколько угодно. Поэтому, например, у дома Ананьевой (на углу Шенкурской улицы и Троицкого проспекта, а теперь — на перекрестке проспекта Чумбарова-Лучинского и улицы Серафимовича) все элементы, которые полагалось бы сделать из камня, деревянные, включая характерные декоративные русты, розетки, кисти, пилястры и т. п. На высоте первого этажа имитируется каменная кладка, на пилястры нанесены каннелюры, на оконные наличники — оканты и сандрики, в общем, использован весь «код» классицизма. На фасадах особняка Ульсена присутствуют резные «античные» колонны с волютами. Оба сооружения помпезны по замыслу и консервативны по выразительным средствам.

Имитировать каменные элементы в дереве разрешалось специальным постановлением сената, а «шпартгалками» для мастеров служили образцовые каменные дома. Архангельские плотники долго засматривались на такой дом постройки 1829 года, принадлежавший купцу Дудину и до сих пор стоящий напротив Мор-



Каменный дом купца Дудина, оказавший влияние на оформление многих деревянных домов Архангельска. Около 1829. Набережная, 37.

ского и речного вокзала. Для выходящих из деревни «каменность» дома была средством самоутверждения, свидетельством их собственной значимости.

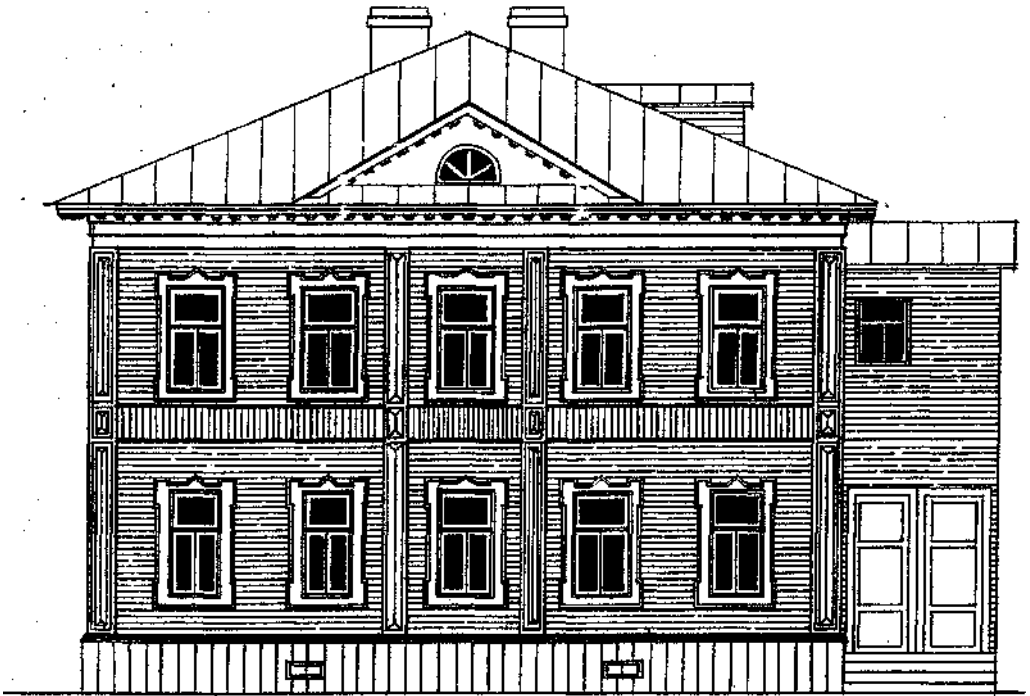
В конце XIX века российская архитектура заимствовала уже не только у античного мира. Классицизм уходил, новые направления в зодчестве что-то заставляли себя ждать. Поэтому при строительстве и украшении зданий принялись обращаться разом ко всем стилям, с какими удавалось ознакомиться по книгам. Профессионалы называют это эклектикой — смешением стилей и техники, или бриколажем — совмещением несовместимого. Таков был дом купца Ульянского, подражание «образцовому дому для именитых людей», спроектированному еще в 1714 году Доменико Трезини для застройки набережных Невы в Петербурге. Архангельский дом совместил в себе черты петровского барокко (рустовка углов) с обрамлением окон и мансардной крыши в духе французского классицизма.

Наиболее расположенным к стилевым присвоениям и ассимиляциям оказалось культовое зодчество. Хотя в конце XVIII века все деревянные церкви в Архангельске заменили

каменными, через столетие храмы вновь стали строить преимущественно из дерева. Архитектурный образ православной церкви Иоанна Рыльского на набережной Соломбалы создавался по «словарию» московского узорочья и «грамматике» ярославской школы XVII века, отличавшихся исключительным богатством и яркостью декоративных мотивов. Для храмов других вероисповеданий использовались соответствующие оригинальные мотивы. Мечеть на Кирочной улице завершалась минаретом и мусульманским куполом. Польский костел на Троицком проспекте и белая, «крахмальная» англиканская церковь в Соломбале были миниатюрными копиями католических (или бывших католических — в Англии) соборов. Мечеть и костел не сохранились, а здание бывшей англиканской церкви еще стоит, правда, напоминая сегодня скорее склад: одноэтажное, почти прямоугольное в плане, обшитое широкими досками, под двускатной крышей, спрятанной над выступающим фронтоном. Только уличный фасад говорит о некогда общественном характере этого строения. По сторонам главного входа располагаются готические окна. В свое время еще одно,



Дом на Кегострове, на Никольской ул. Вторая половина XIX в. Фото Н. Чеснокова.



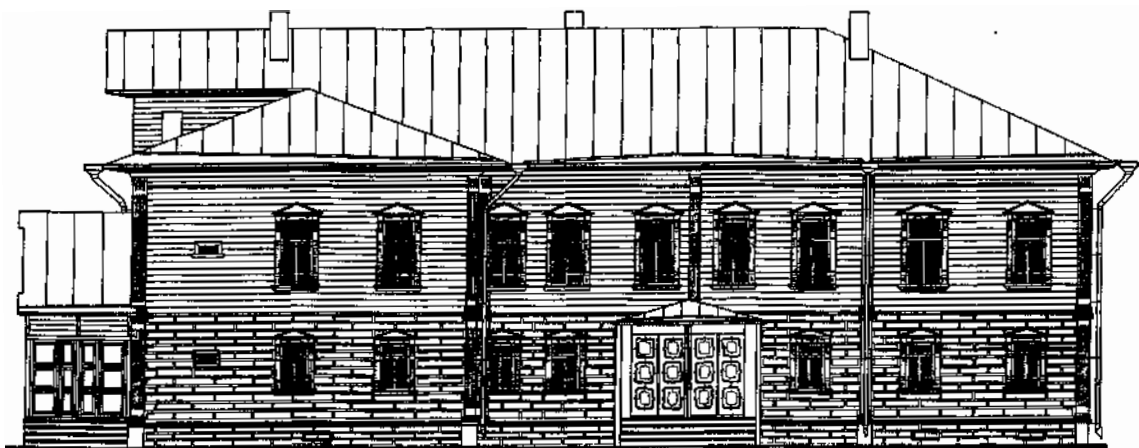
Дом Бедановой. 1905. Стоял на пр. Ломоносова, между ул. Поморской и Серафимовича, заново возведен на пр. Чумбарова-Лучинского. Уличный фасад.

такое же, было и над входом. Арочная часть первоначально трехчастных окон членилась одинаковыми ажурными переплетами, которые следовали изгибам дуг, образующих стрельчатую арку. Подобные проемы и переплеты типичны для готической архитектуры Англии 1300-х годов.

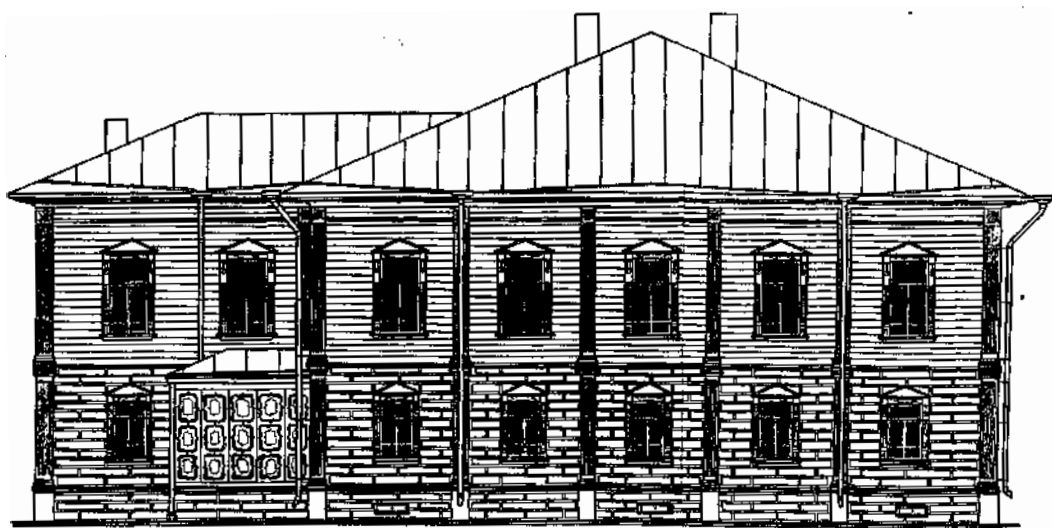
В начале XX века в Архангельске все чаще появляются жилые дома и общественные здания с нарочито открытыми бревенчатыми стенами, большими окнами и верандами, богатым ажурным декором, сильно выступающими крышами, чьей доминантой были фронтоны. Эта манера строительства прикатила по рельсам прокладывавшейся тогда Северной железной дороги, которая, будучи в здешних краях верхом технического прогресса, на всем ее протяжении обустроивалась по последней архитектурной моде. Финансировал работы Савва Мамонтов, человек передовых взглядов. Его подмосковное имение Абрамцево, притягивавшее живописцев, артистов, ар-

хитекторов, было центром художественных исканий. По-видимому, к оформлению Северной железной дороги приложил руку кто-то из круга Мамонтова. Доподлинно же известно, что по заданию Правления строительства дороги летом 1894 года на Север ездили знаменитые художники Константин Коровин и Валентин Серов.

Новое направление деревянного зодчества родилось на Западе во второй половине XIX века и с невероятной быстротой распространилось от Скандинавии до Северной Италии — в меридиональном направлении и от России до Калифорнии — в широтном. Этому помогали книги образцов и каталоги, в которых предлагались проекты домов и примеры декоративной обработки архитектурных деталей. В Америке новую манеру окрестили «плотничьей готикой», общеевропейское же ее название — «швейцарский стиль». Последний термин более точен, ибо в основе новшества лежали элементы народного творчества



Дом Ананьевой. 1872. Декор 1880 года. Внизу — уличный фасад;верху — дворовый фасад.



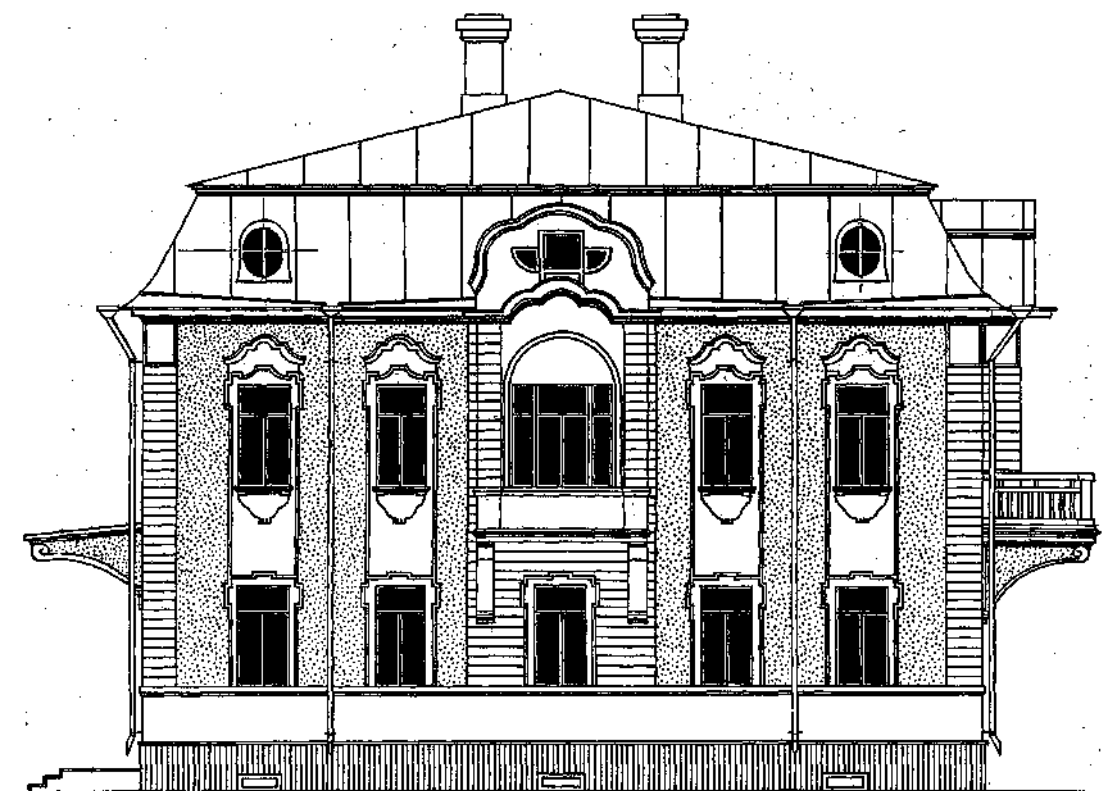




Дом на набережной в Соломбале, где жил Г. Я. Седов. Середина XIX в.



Община Красного Креста.  
Начало XX в. В оформлении  
дома использованы  
элементы швейцарского  
стиля.



Дом Ульяновского. 1891.



Мечеть. 1906.

Швейцарии, в частности, архитектура тамошних крестьянских домов.

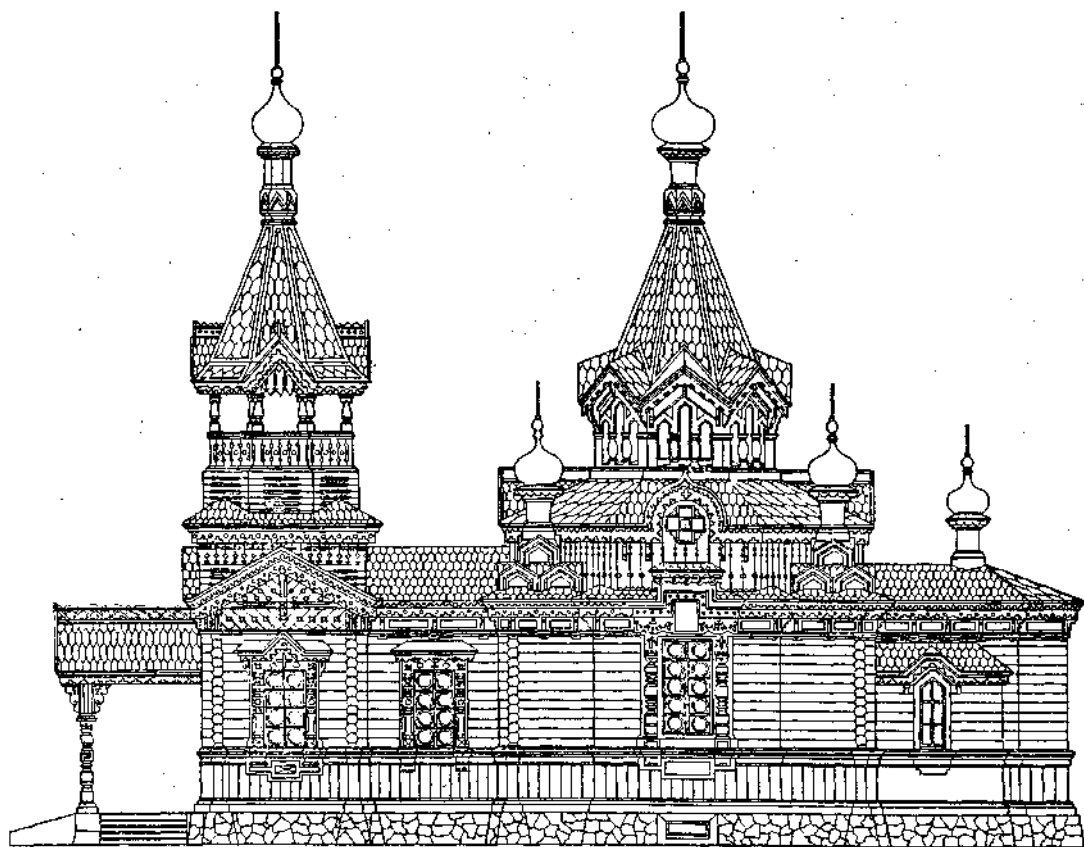
Возникает вопрос, почему именно швейцарская модель всюду оказалась приемлемой, дала импульс творческому вдохновению? Наверное, потому, что Швейцарию воспринимали как самую старую демократию Европы, пример идеального государства, стремящегося к дальнейшему совершенствованию общества. Никто, однако, не пытался буквально повторить швейцарский фермерский дом, воспроизвести который в иных социальных условиях, пожалуй, и невозможно. Изъятые из оригинального контекста, его идея и внешние черты использовались применительно к местным традициям, сначала главным образом при возведении жилых домов, потом — и гостиниц, санаториев, театров, железнодорожных вокзалов, церквей, всегда оставаясь признаками провинциальной архитектуры, включенной в природу.

Врачи рекомендовали дома в швейцарском стиле как самые полезные для здоровья. На-

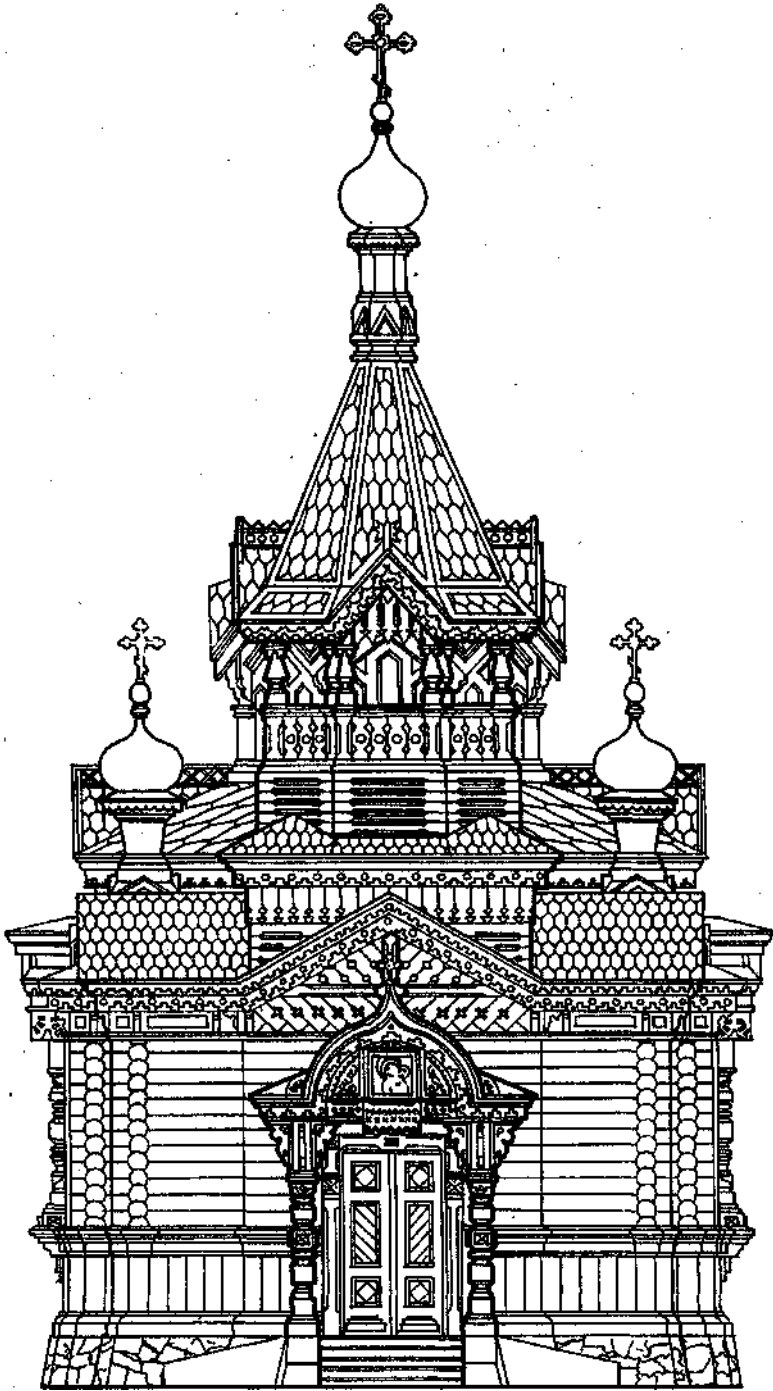
счет физического здоровья можно полемизировать, а если речь идет о духовном, нравственном, спорить едва ли стоит. Упомянувшиеся уже большие окна, веранды вкупе с портиками и навесными фронтонами способствовали взаимодействию жилища с окружающим миром, располагали людей к досугу и общению с соседями, поистине утверждая новый, более либеральный бытовой уклад.

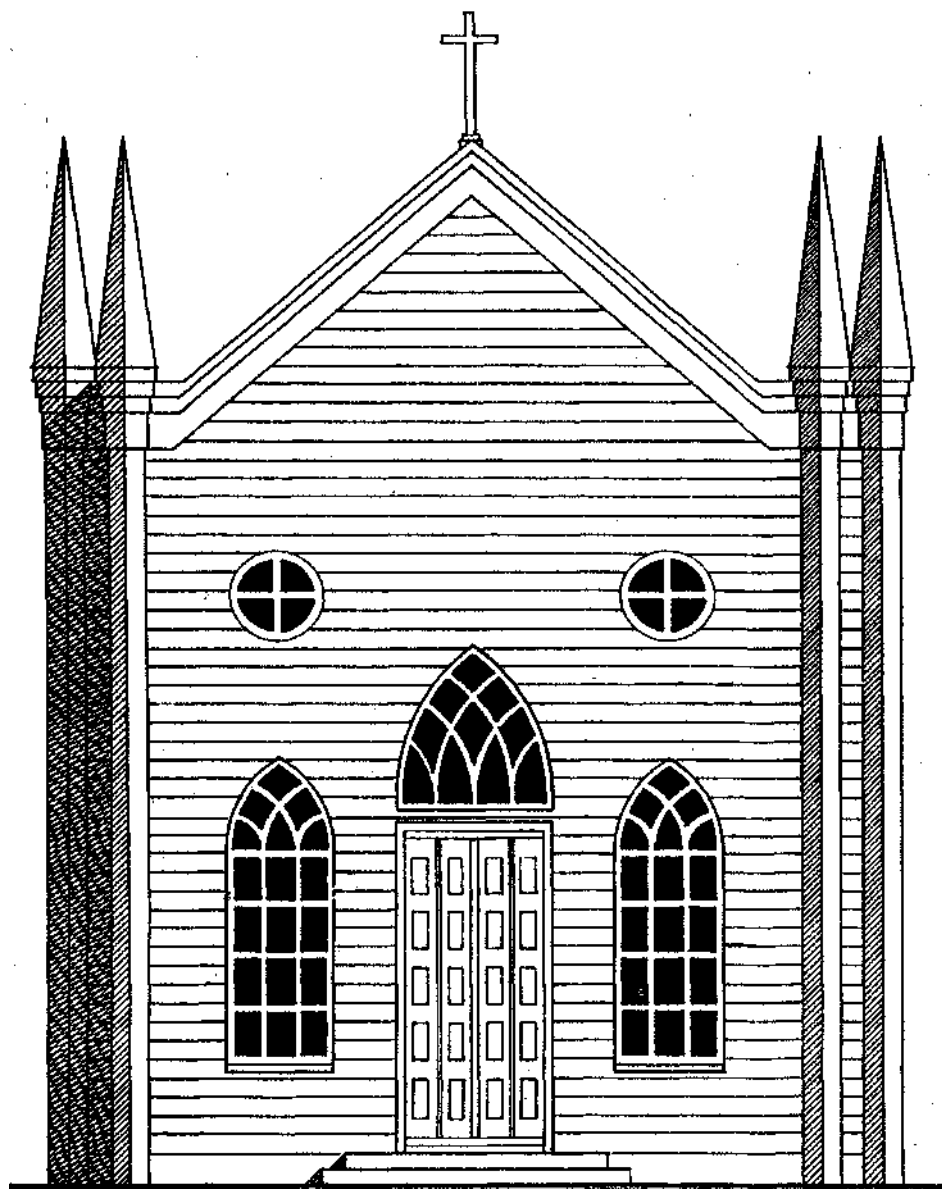
Для швейцарского стиля характерны очень высокие крыши и своеобразный «каркасный» декор, основанный на динамике пересекающихся стержней, усиленной цветом стенового заполнения. Этот антиклассицистский декор, близкий к готическому, открывает полную свободу трактовки фасада. Он не отказывается вовсе от симметрии, но затевает игру симметрии и асимметрий, которая уже предвещает современную архитектуру.

Сторонние художественные веяния, как и техническая мысль, пробивались в Архангельск сквозь таежные дебри и специфическую культурную среду. Север обладал завидным



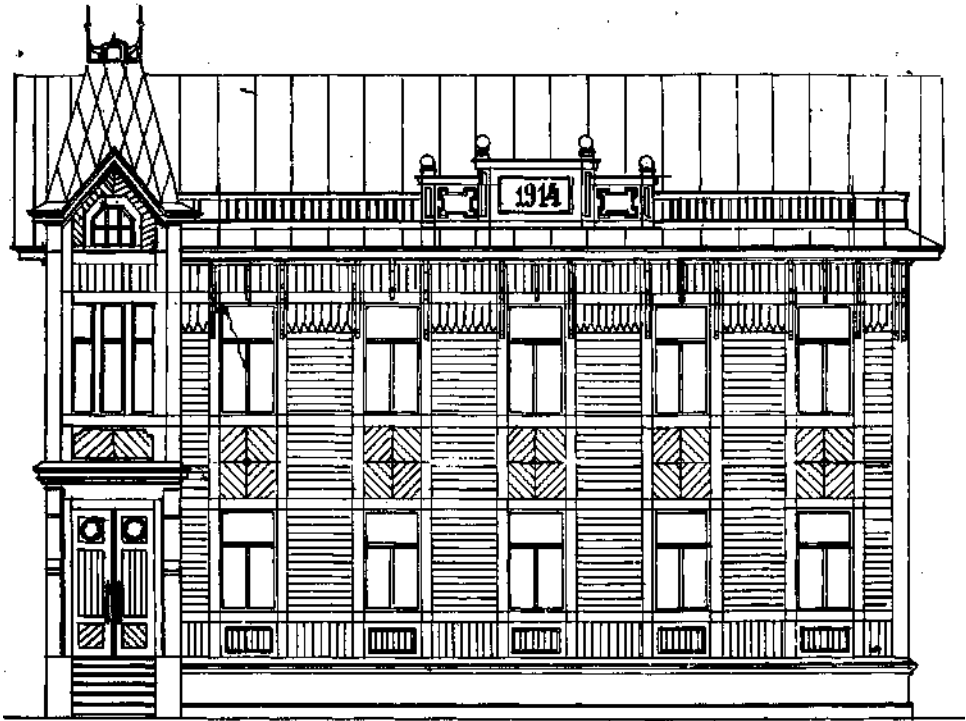
Церковь Иоанна Рьльского в Соломбале. Западный фасад; справа — северный фасад.





Англиканская церковь в Соломбале. Вторая половина XIX в. Набережный фасад.

*1914.*



Административное здание Макарова в Соломбале. 1914. Уличный фасад.

постоянством. Здесь сохранялись средневековые дома и шатровые церкви. Их детали демонстрировали вариантность, впитывали, пусть с опозданием, новые стилистические черты, но структура в целом не утрачивала своих основных свойств. В этом двойственный характер северного регионального зодчества: с одной стороны, статика, обусловленная лесами и бездорожьем, с другой — медленное влияние последовательно сменявшихся стилей.

Однако швейцарский стиль был как бы заранее адаптирован к богатым и интересным традициям местной деревянной архитектуры. Многократное использование проектировщиками из «команды Мамонтова» фронтонов и высоких крыш на массивных срубах изменило до неузнаваемости крестьянский дом, превратив его в коттедж.

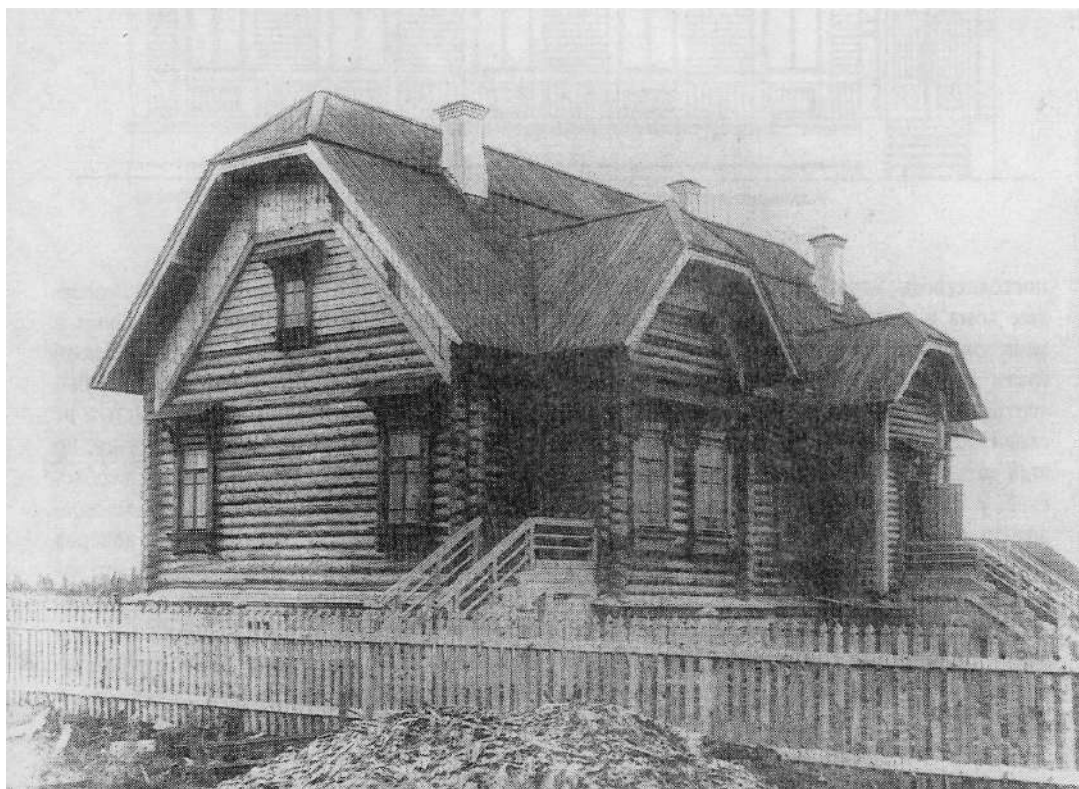
Люди старшего поколения помнят впечатляющее разнообразие вокзалов на станциях

Вожега, Плесецкая, Пермилово, Холмогорская, Лепша, Вандыш и других, вписанных в динамику железнодорожных путей. «Целый городок, так скоро застроенный, не менее быстро заселенный и изобильно снабженный не только комфортом цивилизованной жизни, но позволяющий отстраиваться в случае необходимости совсем по-столичному, до московских ресторанов и французских поваров включительно»<sup>1</sup>, вырос в лесу под Архангельском, на Исаковой горке. Обширный комплекс включал в себя служебные постройки, будки стрелочников, кокетливую водонапорную башню и даже скотные дворы, причем все в одном стиле. Были видны их «суставы», сочленения «начинки» с каркасом. Особенно красиво смотрелись выстеленные гонтом круглые крыши с вальмовыми срезами, наличники окон и декоративные кронштейны

<sup>1</sup> Открытие Архангельско-Вологодской дороги. — С. 9.



Здания и сооружения на железнодорожной станции Исакогорка: сарай для хранения пожарного инвентаря, вокзал, жилые дома. 1897.









Церковь на Исакогорке. До 1914 года. Справа — южный фасад.

под свесами крыш. Между тем городок состоял из типовых зданий, оформленных небольшим набором типовых же элементов. И так вдоль всей Северной железной дороги, архитектурный ансамбль которой имел около 400 верст в длину. По сей день в застройке Исакогорки, прилегающей к железнодорожному полотну, доминируют здания в швейцарском стиле.

Много раз приходилось мне бывать в ветхом продовольственном магазине в Исакогорке, за старым вокзалом. Но довольно долго я даже не подозревал, что магазин размещен в бывшей православной церкви. Однажды вдруг разглядел резные двустворчатые двери и оформление входа, затем свесы крыш и резные кронштейны под ними. Крыша вообще производила впечатление необычайное. Для небольшого простого здания она слишком сложна и ей явно чего-то не достает.

Воображение стало рисовать первоначальный облик церкви. По канонам культовой архитектуры над средней частью храма должен

был располагаться купол, еще один, поменьше — над алтарной пристройкой. Вероятно, над входом была звонница. В конце XIX века, когда появилась станция Исакогорка, храмы строили вместе с колокольнями. Как и вся станция, церковь выполнена из дерева, в швейцарском стиле.

К счастью, нашелся совершенно уникальный маленький снимок, сделанный, видимо, сразу после окончания строительства церкви. Вот так она выглядела — небольшая, празднично красивая. Удивительно, что ей удалось пережить время, когда все связанное с религией уничтожалось. Сегодня старое здание считается памятником местной архитектуры и ждет спонсоров для реставрации.

Мы с некоторой натугой привыкаем к здравому смыслу, отнюдь не порожденному, а лишь восстановленному в правах перестройкой, существовавшему у нас всегда, за исключением предшествовавших ей без малого семидесяти лет. Его носителями были разные люди, и, может быть, среди дельцов такие



встречались чаще всего. Теперь-то мы хорошо знаем, что «купчины» не только «эксплуатировали народ» и «прожигали жизнь». Мы до сих пор лечимся в построенных ими больницах, ходим в их бани, ездим по их железным дорогам. Уж им-то здравый смысл никак не позволил бы довести все это до нынешнего состояния.

Сойдя с поезда, швейцарский стиль отправился гулять по Архангельску, выказывая интерес и явную приязнь к старине, шатровым завершениям, использованию кокошников. Но он не цитировал первоисточники, а придумывал образные парафразы.

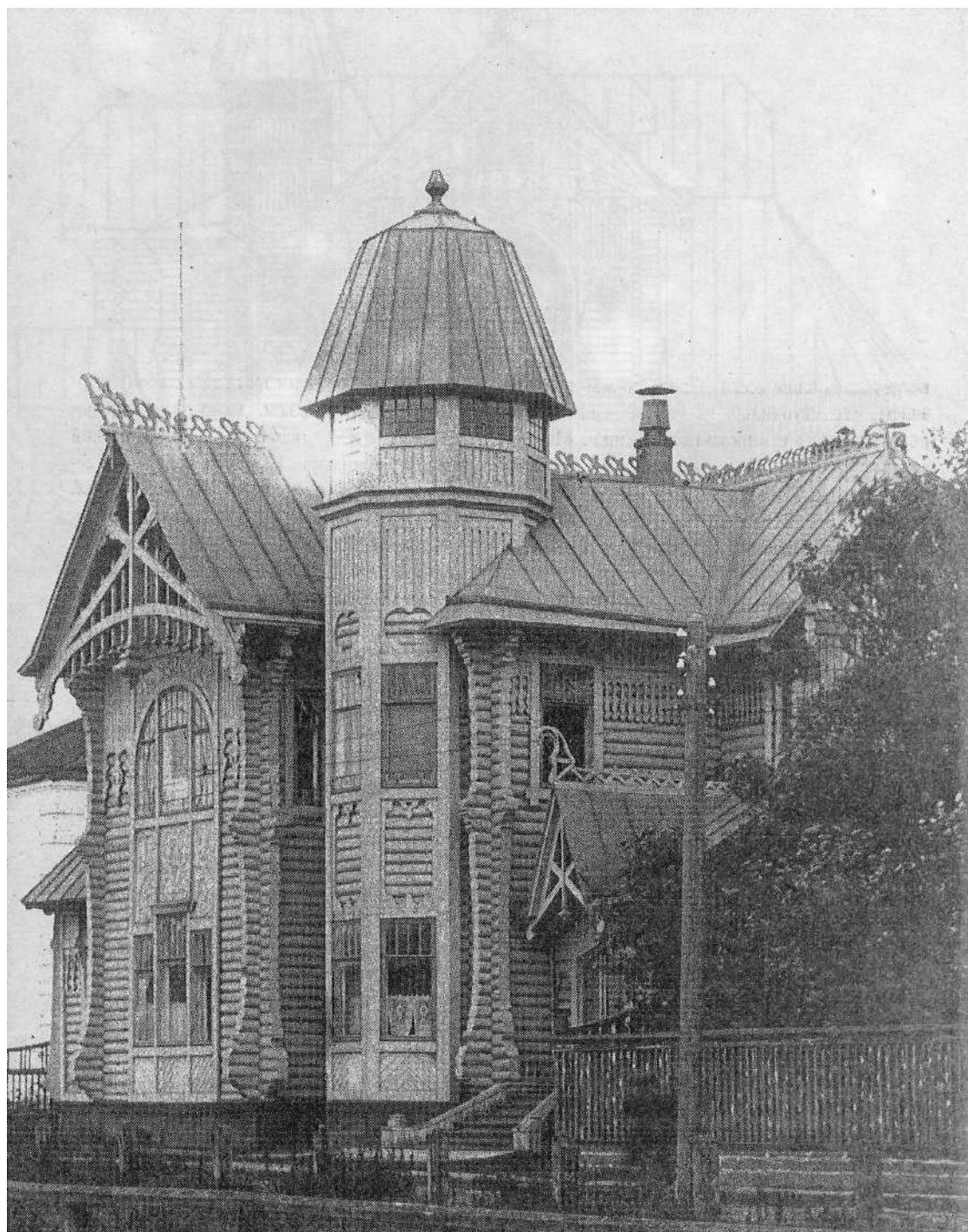
Ресторан и гостиница «Урал» на Петербургском проспекте представляли собой композицию из двух почти одинаковых зданий. Внутри — обыкновенные архангельские дома, ни больше, ни меньше, уличные же фасады были выполнены в старинном духе. Верхние этажи консольно нависали над нижними, напоминая галереи швейцарских домов, входы — в виде угловых башен, завершавшихся остроугольными щипцами, точь-в-точь как на древнерусских крепостях.

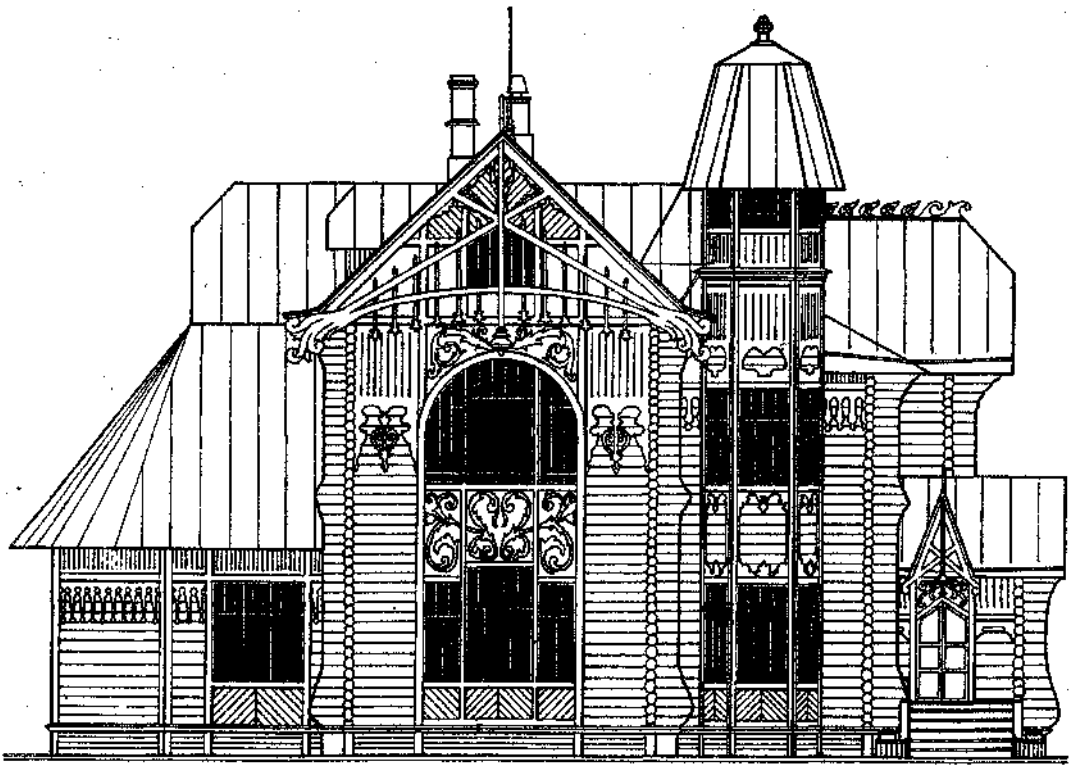
Народный дом имени Петра I в Соломбале, запроектированный каменным, возвели все-таки из дерева. Он предстал былинно-сказочной метафорой строгановских хором в Сольвычегодске: та же высокая башня, та же сложная композиция сооружения, состоявшего из нескольких разновысоких срубов под двускатными крышами. Но в галерее башни и драконовом завершении крыши зального объема были трансформированы элементы швейцарского жилого дома и норвежской исторической архитектуры.

Интересу архангелогородцев ко всему норвежскому способствовало расширение торговли с Норвегией, особенно с ее северной провинцией Финмарк. Каждую весну наши суда доставляли лес и хлеб в Варде, Тромсё, другие порты. Немало тамошних домов построено из нашего леса. Теперешнего понятия о «режиме государственной границы» не существовало. Чтобы попасть за рубеж, достаточно было, например, сесть на иностранный корабль. Многие русские семьи были тесно связаны с норвежскими, многие предприимчивые норвежцы постоянно жили в Архангельске, пользовались у нас известностью и уважением. Среди них торговец Бродткорб, промышленники Бальквитц, Ниссен.

Деревянная Норвегия очень быстро освоила швейцарский стиль и более энергично, в сравнении с другими странами, развила его дальше, создав собственный специфический вариант этой манеры. Пришедший к нам из Норвегии декор в виде «каркаса» основывался на гармоничном расположении главных и второстепенных брусков и досок разного сечения, скосах их граней, оформлении выпусков стропильных ног и кронштейнов фриза. Такой декор сегодня можно видеть на фронтоне бывшей школы в Исакогорке, на стенах деревянных пристроек к каменному больничному корпусу, что на углу улицы Суворова и проспекта Павлина Виноградова.

Особо яркий пример швейцарского стиля в его полном развитии и в той форме, которая в Америке называется «плотничьей готикой», — претенциозный особняк коммерсанта Шаврина. Построенный в 1852 году английским купцом Чарлзом Рени, он затем менял вла-





Особняк Беляевского. Уличный фасад; справа—фрагмент общего вида.

дельцев и в соответствии с их вкусами неоднократно «перелицовывался». Последний, уцелевший декор сделал особняк похожим на готический: вытянутые кронштейны, широкие тяги — все вертикальное. Удивительные пропорции, обязанные аристократической уверенности, с которой в нужное место помещается нужное украшение.

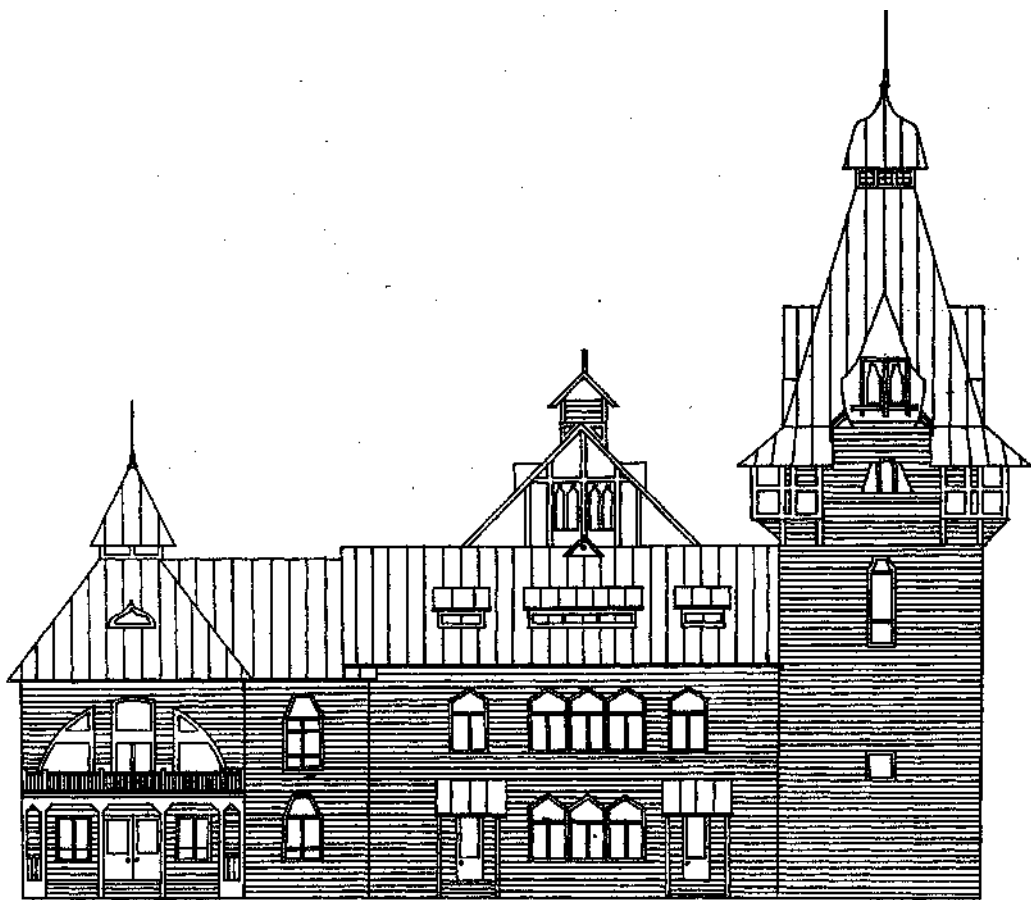
Декорирование деревянных домов Архангельска достигло кульминации, когда здесь явил себя стиль модерн, возникший на рубеже веков в Бельгии. Жизнь его была коротка, но в истории архитектуры он имел огромное значение. Модерн родился как протест против помпезности эклектики и консервативных выразительных средств классицизма второй половины XIX столетия. Казалось, он выплеснулся из самого сердца, не желавшего мириться со скучным однообразием. За короткое время он возобладавал во всех формах изобразительного искусства — от плакатов до мебе-

ли, открыв и вскоре уступив дорогу последующим художественным стилям.

Модерн выразил ностальгию по первозданной природе, по всему негородскому и «несовременному» — одним словом, по асимметрии, утраченной в эпоху классицизма. Становление его в России происходило неотрывно от творческого переосмысления наших глубинных культурных традиций. Восприятие новейших веяний западноевропейского модерна, предпринявших пути развития модерна русского, совпало, в частности, с открытием архаического искусства Севера и стремлением возродить его в русле художественных исканий XIX—XX веков. «Северное возрождение» (определение Сергея Дягилева) не сводилось к перепеву средневековых мотивов, а сочеталось с настойчивой тягой к острой новизне выразительных средств.

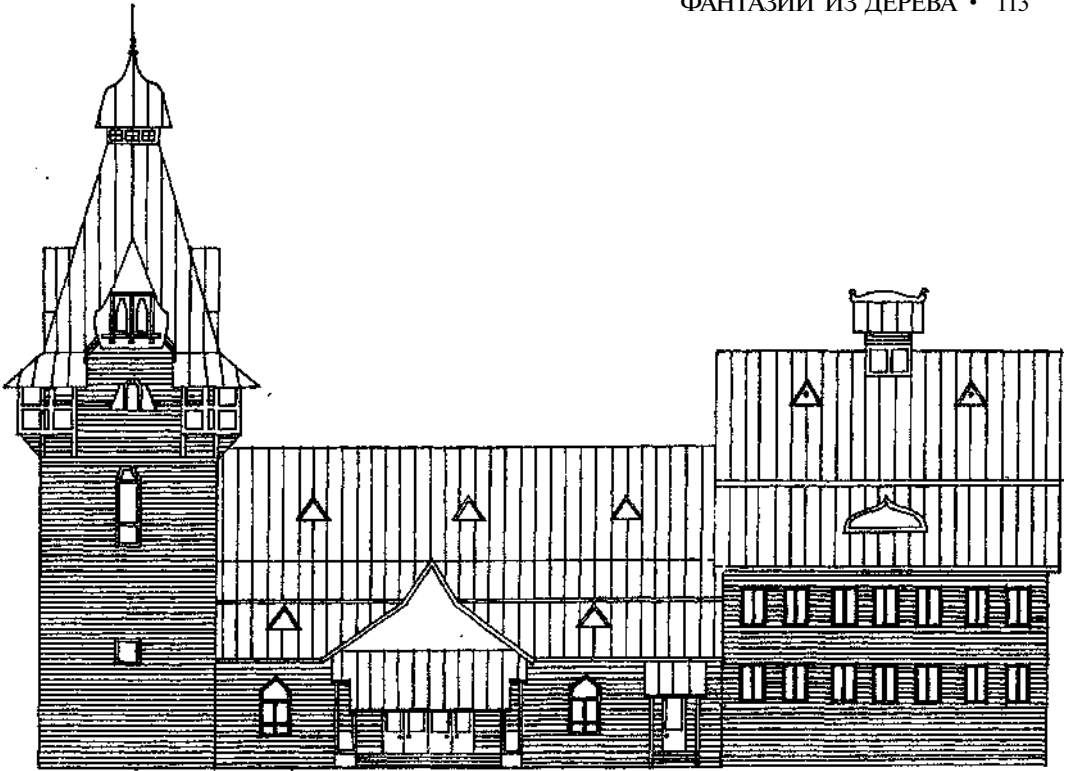
Для архитектуры модерна характерно эстетически неожиданное и порой виртуозное ис-





Народный дом имени Петра I в Соломбале. Архитектор А. Каретников. 1912. Фасады.





пользование материала, о котором, казалось, уже известно все. Разве дерево годится лишь на то, чтобы демонстрировать благосостояние и солидность? Нет, новый стиль оживил тяжеловесный материал изображениями буйной растительности, мифических животных и героев, которым неведомо само понятие греха.

Северный модерн отказался от пышного декора, сосредоточился на обострении фактурных контрастов и усложнении объемно-силуэтных решений, заменил классицистские имитации подлинностью цветов, деревьев, кружевных облаков. Извивающиеся линии, их прихотливое переплетение стали отличительной чертой стиля, который принес в архитектуру свободную асимметричную композицию пространства, новые сочетания объемов и принципов динамики внутренней планировки зданий, восприятие дома как единого произведения искусства — от фундамента до мебели и мельчайших деталей декора. Модер-

нисты оригинально и смело сочетали в своих творениях полихромные покрытия, кованую сталь, цветное и волнистое стекло.

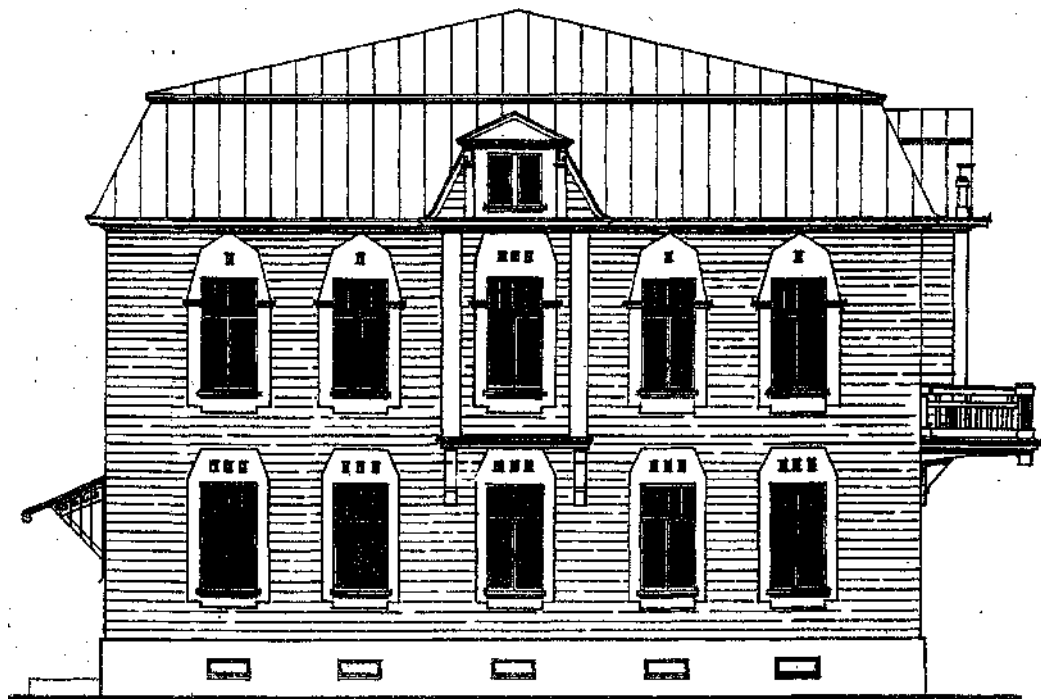
На волне культурно-эстетического «открытия Севера» модерн завоевал популярность среди предприимчивого и процветающего среднего класса, видевшего в экстравагантности возможность самоутверждения.

В каждом городе есть, наверное, свой «чудо-дом» — лучшее, самое красивое здание. В Архангельске начала XX века таким чудом был особняк судовладельца Якова Беляевского — человека богатого и практичного. Один старожил рассказывал мне, что еще мальчиком работал в услужении у Беляевского и тот учил его деловой хватке.

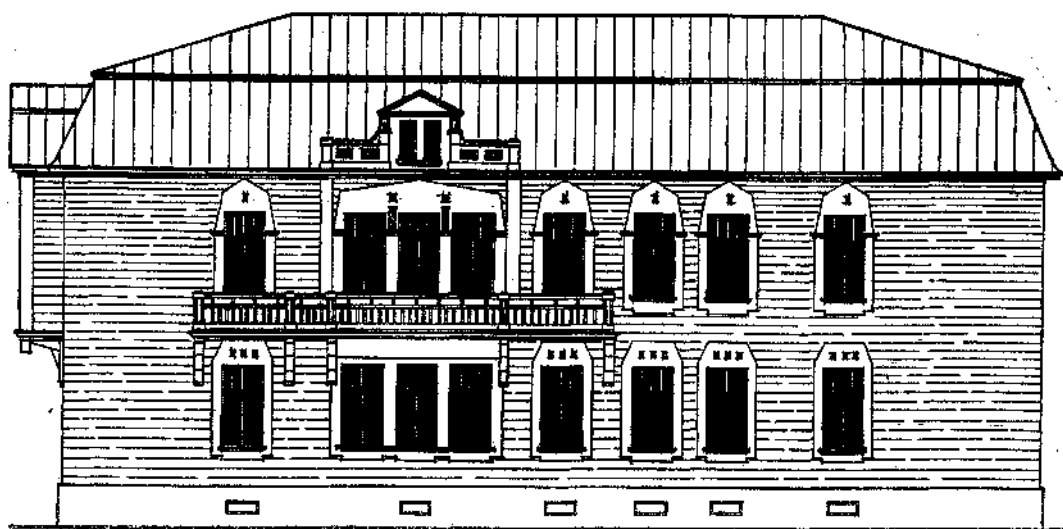
За окном, громыхая по булыжной мостовой, тащилась телега с толстыми длинными бревнами. Увидев ее из окна, Яков Андреевич приказал мне:

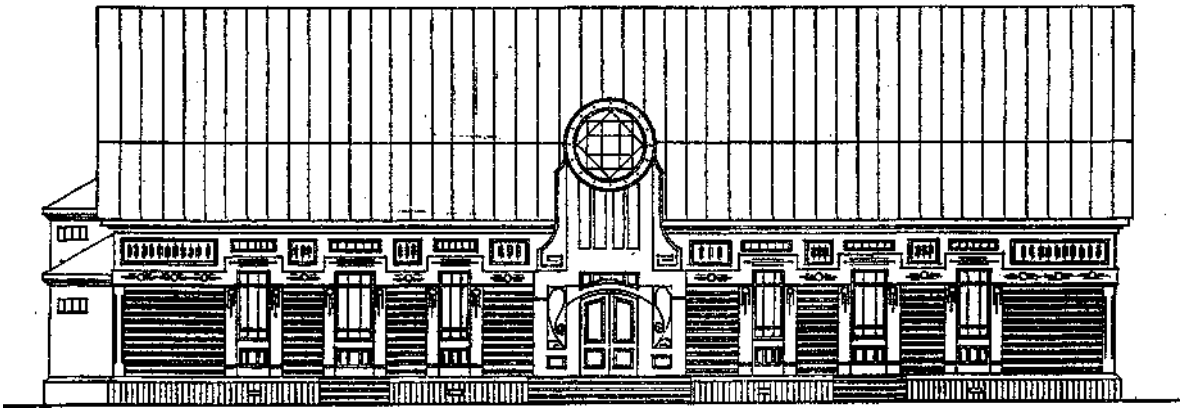
— Сбегай и спроси у извозчика, откуда везут бревна.

~~ФАСАДЪ ДО УЛЬЯНСКОМУ.~~

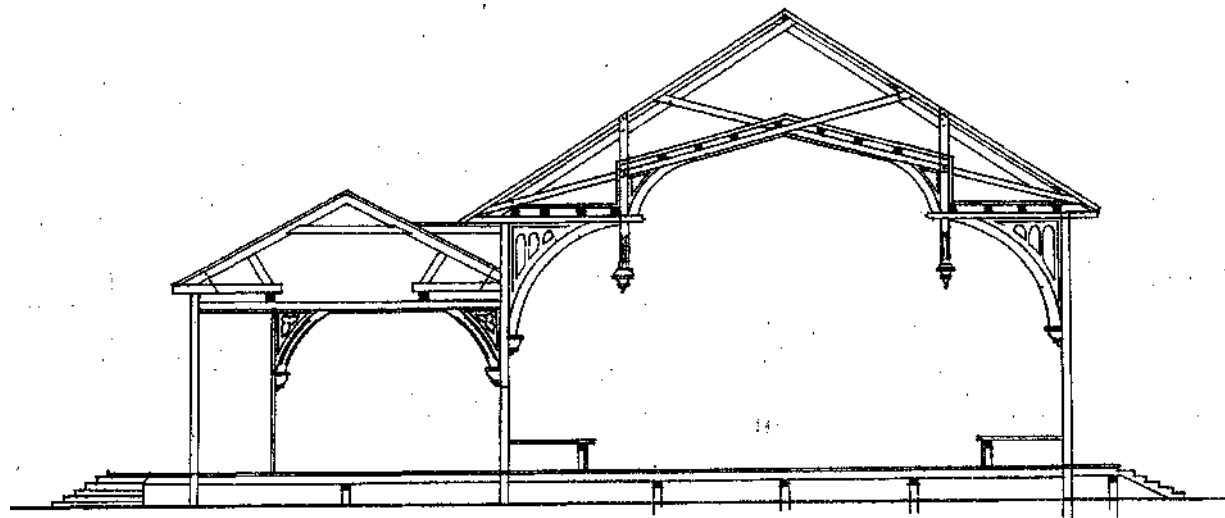


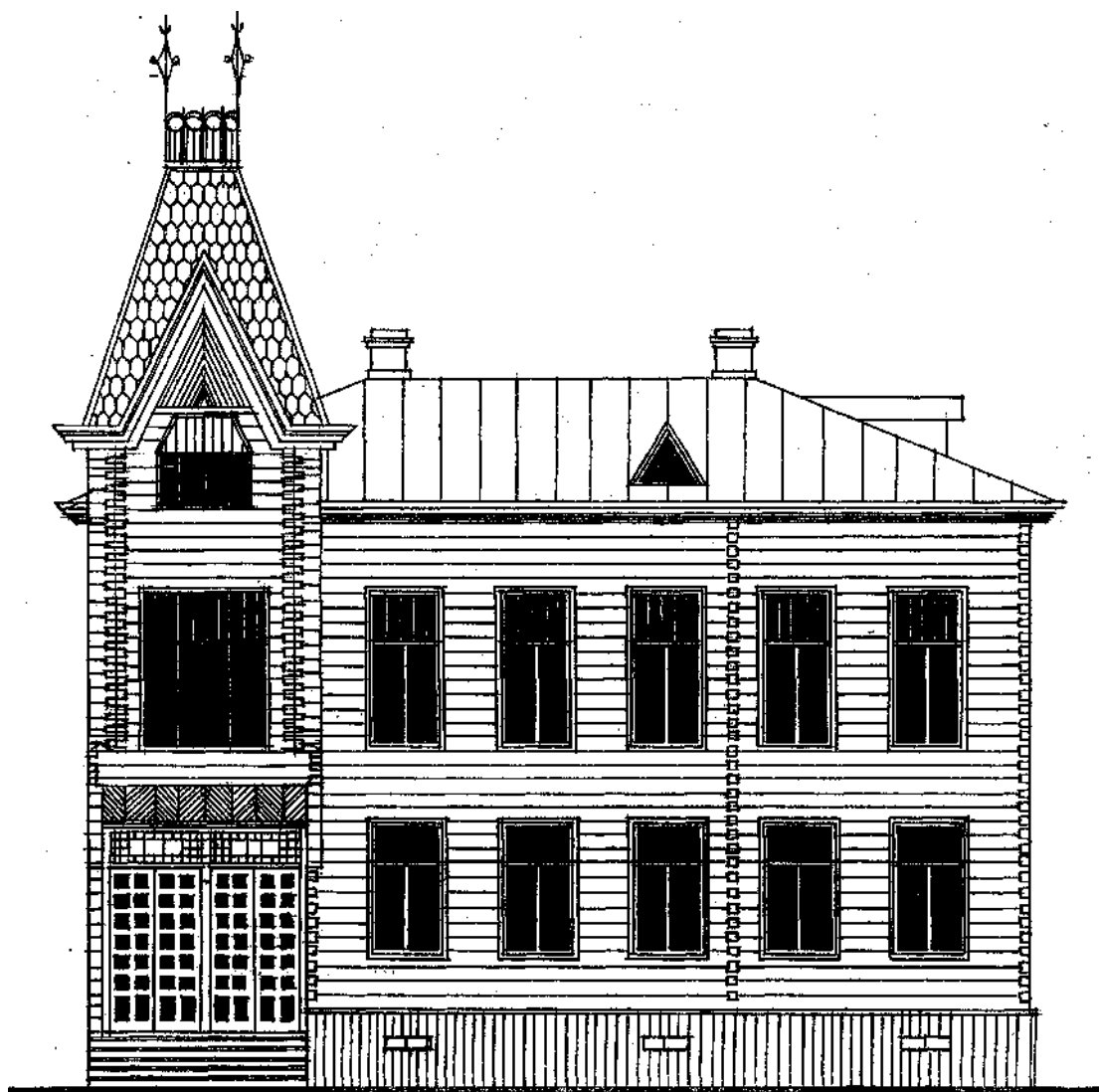
Дом Ульяновского. Уличные фасады. Неосуществленный проект.



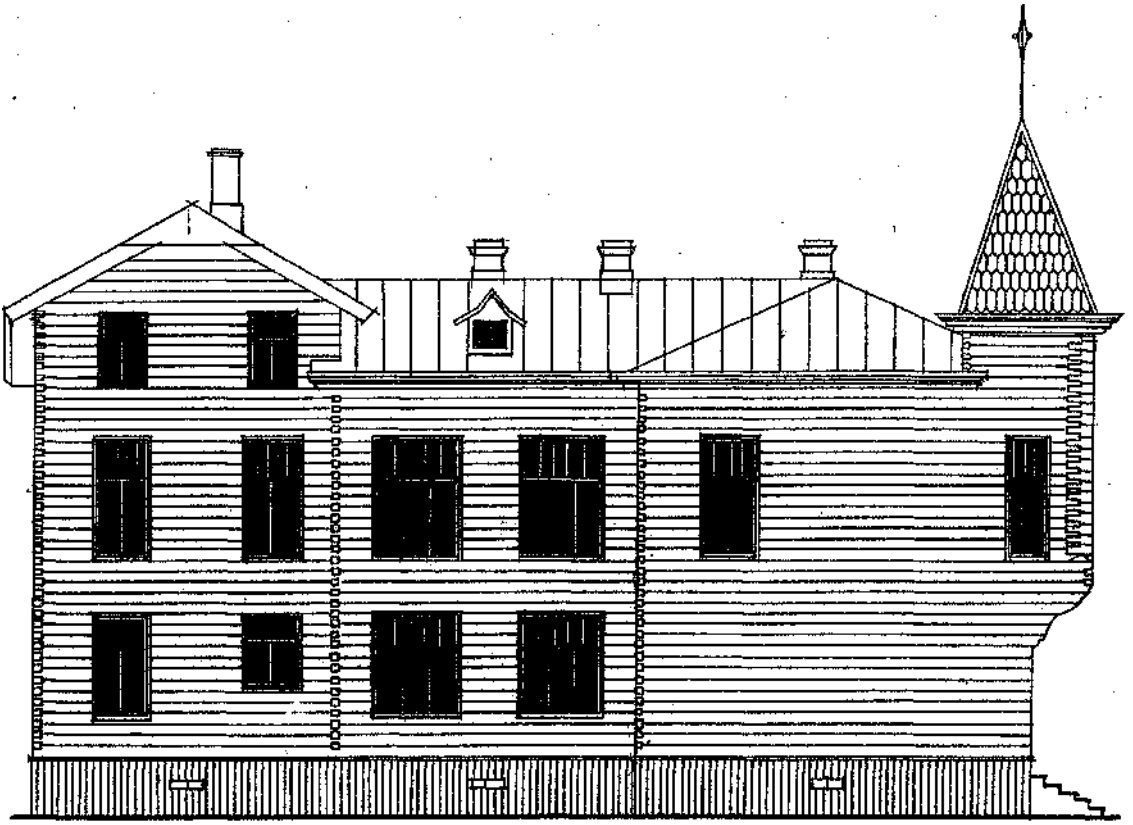


Миниатюр-театр Баранова. Архитектор О. Меркулов. 1918. В советское время — кинотеатр «Арс» на углу ул. Попова и пр. Ломоносова. Главный фасад, поперечный разрез.





Дом Овчинникова. 1912. Уличный фасад; справа — дворový фасад.



Я побежал и вернулся. Доложил.

— А куда, не поинтересовался?

— Нет.

— Тогда, будь добр, сбегай еще.

Телега меж тем уже удалялась по набережной. Я догнал ее, спросил, вернулся, доложил.

— А сколько стоят те бревна?

Пришлось бежать снова. Когда я вернулся в этот раз, Беляевский сказал:

— Вот видишь, все это можно было узнать за один раз.

Особняк Беляевского стоял на теперешней улице Выучейского, вторым от угла, рядом с его же кирпичным домом, где в советское время случилось работать писателю Аркадию Гайдару. Этот особняк Беляевский построил для своей жены, дочери судовладельца Булы-

чева, болевшей туберкулезом. Врачи предписали ей жить только в деревянном доме.

Особняк, довольно скромный по размерам, понравился не всем, ибо не соответствовал сложившемуся стереотипу жилого дома. Но большинство архангелогородцев реагировало на его появление с детской непосредственностью: «Смотрите, как здорово!». Впоследствии он занял видное место в истории городской архитектуры, так как одним из первых воплотил в себе главные принципы стиля модерн: сложное объемно-планировочное решение, многофасадность, художественная обработка конструкций в сочетании с характерным растительным орнаментом. Система его внутренних пространств определила запоминающуюся форму-символ, посягнула на традиционную конструкцию, расчленив тя-

желовесную массу и добившись эффекта легкости. С каждой точки дом выглядел по-разному. Особенно примечателен был уличный фасад, имевший большое округлое окно на втором этаже, под навесным фронтоном, и башню с окнами на шесть сторон. Линии венцов переходят в россыпь стилизованных растений — конструкция и оформление составляют одно целое. Планировка в разных уровнях и набор мебели были призваны обеспечить максимум удобств большой жене судовладельца.

При частном проектировании архитектор и клиент лично знали друг друга, сходились в эстетических вкусах. В этом смысле у особняка два автора — С. Пец и Я. Беляевский. Для полного раскрытия своих возможностей Пецу нужен был по-настоящему рафинированный заказчик, который предоставил бы ему полную свободу. Беляевский оказался именно таким. Предлагая архитектору разработать проект деревянного дома, он уточнил: «Сделайте что-нибудь оригинальное. Если будет не очень похоже на дом — не страшно, даже наоборот».

Доходный дом Патрушева на Петербургском проспекте имеет как бы два лица. С улицы это обычный декорированный архангельский деревянный дом с эркером, со двора — модерн. Тут автор дал себе волю: пластичный фасад, криволинейный верх фронтонов.

На углу теперешней улицы Попова и проспекта Ломоносова некогда стояло одно из лучших общественных зданий Архангельска в стиле модерн — миниатюр-театр Баранова.

Если бы не точно известная дата его постройки, здание легко сошло бы за крайне современное, в стиле американского постмодернизма. Главная же его достопримечательность была внутри, где архитектор применил средневековую конструкцию перекрытия с готическими атрибутами — свесами и прорезными крестоцветами, дерево на фоне белых оштукатуренных стен. Это была несущая конструкция двухскатного покрытия: десять деревянных сложно профилированных стропильных ферм, отстоявших одна от другой на три метра и располагавшихся на высоте пятнадцати метров. Благодаря изумительной резьбе они создавали сложную имитацию нервюрного свода. Так на практике достигалась одна из главных целей модерна — облегчить несущие конструкции. Что касается планировочных решений в приведенных примерах, то они весьма заурядны. Мечта мастеров-модернистов — дом как единое произведение искусства — здесь осталась лишь идеалом.

Новаторство форм, использование традиционных материалов и интернациональность модерна, чувство юмора и изысканность, отвергавшие холодную покорность классицизму, были созвучны эпохе. Излюбленная деталь модерна — двери в виде буквы «омега», которая напоминает улыбку. Вот почему эту архитектуру прозвали «улыбающейся». Первая мировая война нанесла ей сокрушительный удар, а окончательно звезда модерна закатилась в 20-е годы. На смену его улыбкам и завиткам пришла угловатая функциональность конструктивизма.



4

## Сразу после революции

Октябрьская революция все изменила, сдвинула со своих мест, перевернула вверх дном. Уходили в небытие традиции и привычки, связанные с «проклятым прошлым». К примеру, из прежних общенародных праздников сохранился лишь Новый год, и то без елок, устройство которых было запрещено. Взамен появились другие «красные дни календаря», отмечавшиеся массовыми политическими шествиями, но лишённые семейно-дружеской теплоты, некоего элемента таинства, так хорошо знакомого нашим предкам и делавшего всякий праздник незабываемым событием.

Первомайская демонстрация в Архангельске начала 20-х годов. По Троицкому проспекту, перед небольшой трибуной возле кафедрального собора, тект колонны горожан с чучелами врагов рабоче-крестьянской власти — капиталистов. На стене храма огромные буквы «ХВ», оставшиеся от Пасхи. Школьники скандируют неокрепшими голосами:

Долой, долой монахов,  
Долой, долой попов,  
Мы на небо залезем,  
Разгоним всех богов!

Отрицание старого предполагала сама общественная атмосфера эйфорического восприятия жизни. На смену дореволюционному

«Я» шло пролеткультовское<sup>1</sup> «Мы». Эти «мы» торопились самоутвердиться. Полицейская улица стала улицей Свободы, Финляндская — Пролетарской, Соборная — улицей Карла Либкнехта, фамилия которого оказалась совершенно неудобопроизносимой для трамвайных кондукторов, фантастически ее коверкавших. Удивительно еще, как не исчезло с карты название Архангельск. Отцы города трижды обращались во ВЦИК с просьбой переименовать его — сначала в Ломоносовск, затем в Сталинпорт, наконец, в Михеевск.

Но, естественно, восторг не был всеобщим. Одни беззаветно верили в будущее, для других революция означала крах. Время от времени в архангельских газетах печатались списки лиц, к которым Особый отдел ВЧК применил высшую меру наказания. Добротные купеческие дома муниципализировались, имущество «бывших» распродалось с молотка либо сдавалось в аренду.

В городскую среду вторгло крупномасш-

<sup>1</sup> Пролеткульт — общественная организация, ставившая своими задачами выработку и пропаганду «чисто пролетарской» культуры как синтеза искусства с наукой и промышленностью при отказе от большей части традиционного культурного наследия. Вела происхождение от кружка «Пролетарская культура», образованного в 1913 году в Париже по инициативе А. А. Богданова, А. В. Луначарского и др., в России оформилась в сентябре 1917 года, действовала, постепенно сходя на нет, до 1932 года..

табное «искусство улицы» — все сколько-нибудь подходящие поверхности были покрыты политическими плакатами, лозунгами Пролеткульта, «иконостазами» лидеров нового государства. Мало-помалу каменный ампириный центр города заменялся конструктивистским. На месте снесенного Троицкого собора поставили Большой театр, на месте Английского парка — Дом связи. Старые «присутствия» вмуровали в новое здание Дворца Советов, памятник Ломоносову перенесли к Архангельскому лесотехническому институту (АЛТИ). Ну а самым первым в городе монументальным сооружением эпохи социализма стала деревянная трибуна стадиона «Динамо», построенная в 1923 году: молодежь повально увлекалась спортом, желая обрести силу и выносливость, чтобы лучше служить родине.

Открылось множество профсоюзных библиотек, самые популярные — при Клубе Октябрьской революции и профсоюзе служащих и работников торговли. Обычно люди записывались в четыре-пять сразу — еще и к строителям, коммунальщикам, водникам. Свежие журналы можно было полистать в читальне, занимавшей одноэтажный дом на проспекте Павлина Виноградова. Старожилы помнят ее «хозяйку» — доброжелательную библиотекаршу, одетую по моде классных дам начала века, просторные столы, табуретки, шелестящую тишину.

В бывшем коммерческом собрании разместился уютный Зимний театр со сравнительно небольшим залом и хорошим буфетом. С аншлагом шли «Ревизор», «Горе от ума», «Миллион Антониев» — занятный детектив об американском гангстере, ставшем папой

римским. И «Выстрел» Александра Безыменского, пьеса про комсомольцев — тоже. Публика была неискушенная и отзывчивая. В «Отелло» блистал Ваграм Папазян. Екатерина Гельцер танцевала Эсмеральду. Билеты распределялись по организациям, первые ряды отводились ударникам труда.

Во второй половине 20-х годов распахнул двери цирк. Он находился там же, где и теперь, только был деревянный, неотопливаемый (здание сгорело в конце 50-х). Зато какая афиша! Клео Фотти — иллюзионист, Гладильщиков — укротитель хищников, братья Говорящие — нечто от прежних куплетистов. Их импровизации, пожалуй, и сегодня имели бы успех:

Как в Архангельске дороги —  
Поломаешь руки-ноги.  
Метр идешь, а десять скачешь,  
А потом неделю плачешь.

Выступали и местные, городские знаменитости — борец Шульц, гиревик Голубев, семейство братьев-соломбальцев Павловых, чей номер — акробатические упражнения на подкидных досках — неизменно шел под гром аплодисментов. Один из братьев, Николай, сложенный как Аполлон, боролся на открытых площадках Гагаринского сквера и Александровского сада в черной маске и под соответствующим псевдонимом.

Наши дедушки и бабушки поклонялись немому кино. Фильмы были в большинстве своем иностранные — трехсерийный «Нибелунги», «Черный конверт», «Индийская гробница», «Знак Зорро», «Багдадский вор» с божественным Дугласом Фербенксом в главной



роли. Незабываемый шлягер того времени:

Я Костю встретила на шумной  
вечериночке.

Картину ставили тогда «Багдадский вор».  
Глазенки карие и желтые ботиночки  
Зажгли в душе моей пылающий костер.

Кинотеатры назывались «Арс», «Эдисон», «Вулкан», «Революция». Крутили картины и в клубах: для членов профсоюза — бесплатно, для всех остальных — по доступным ценам. Очереди за билетами выстраивались огромные, занимали их с восьми-девяти утра, хотя кассы открывались только в час. Но что труднее достается, больше ценится. Звенел звонок, гас свет, и на экране возникал чудный, ирреальный мир.

Грета Гарбо и Дуглас Фербенкс были святы, на них молились, им подражали, их видели во сне. Персонажи, сыгранные ими, непонятным образом отличались от нас. И хотя мы радовались и страдали вместе с ними, казалось, что они живут на какой-то другой планете — раскованные, смелые, пускающиеся в самые отчаянные предприятия, руководствующиеся собственными желаниями и суждениями, нимало не беспокоящиеся, что подумают о них сослуживцы или что скажут соседи.

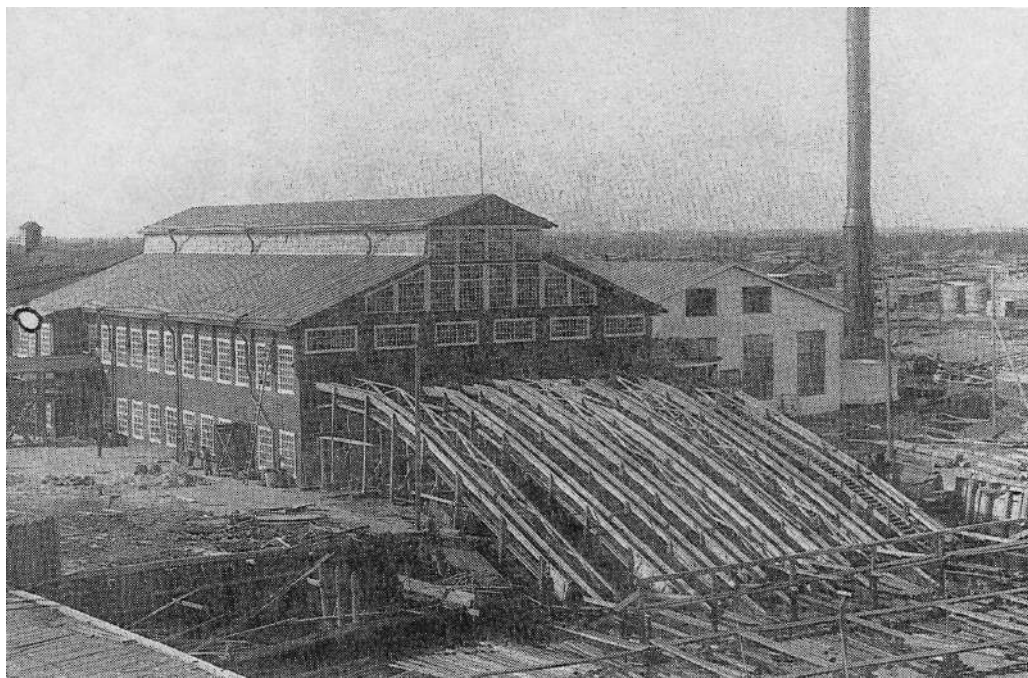
Архангелогородцы покатывались со смеху, глядя на приключения Монти Бенкса в «Гонимые поневоле», потешались над неумехой и растеряхой Гарольдом Ллойдом, выходящим, однако же, победителем из всех передраг. Простенькие девушки Мэри Пикфорд и трагически одинокие героини Бестера Китона вызывали у зрителей такое волнение, что ре-

дко кто удерживался, чтобы не пустить слезу. Смотрели один фильм по десять, двадцать раз — очарование не исчезало. Да, мир грез, но и мир страстей, всеподчиняющей, испепеляющей любви, жажды счастья, где люди, воплощавшие добро ли, зло ли, никогда не были скучными, заурядными, как в нашей повседневной жизни.

Перед сеансом выступали артисты — рассказчик-конферансье Миша Волжский, известный с дореволюционных времен Бим-Бом. В «Эдисоне» молодая Тамара Церетели пела свои знаменитые «Ты смотри, никому не рассказывай» и «Прощай, мой табор».

Архангельск 20-х годов — неопрятный и нарядный, в лохмотьях и драгоценностях. Сильные руки и уверенные взгляды вперемежку с нищетой и отверженностью. Войны, эмиграция, белый и красный террор разрушили множество семей, отсюда безотцовщина, беспризорность, преступность.

Население города, достигшее к началу 1917 года 45 тысяч человек, спустя всего десять лет увеличилось вчетверо. Некоторая «теснота» ощущалась в Архангельске еще во время мировой войны, а после революции, когда жизнь в деревне стала трудной, крестьяне, словно предчувствуя нависшую над ними большую беду, бросали свои хозяйства и валом валили в город. Ситуация осложнилась тем, что в конце 20-х годов здесь появились тысячи ссыльных из всех российских губерний. Улицы и набережные были наводнены «политическими» и «раскулаченными» с замерзшими, укутанными в платки детьми и дряхлыми стариками. Они осаждали приземистый барак



Лесозавод. Фото начала 30-х годов.

ОГПУ, где — в теории — могли получить какие-то карточки на соленую рыбу, хлеб, крупу. Люди умирали прямо на улицах. Да и коренные архангелогородцы были на грани голода, обменивали имущество на продукты питания. За картофель и муку отдавали самовары, граммофоны, отрезки ткани.

А кругом — бревна, опилки, стружки. Много дерева в деле, много валяется просто так. Бесчисленное количество бревен уплывало по реке в море, и только ленивый не успевал застаться на зиму дармовыми дровами, хотя на рынке они, в отличие от всего другого, стоили баснословно дешево. Лес по-прежнему был в избытке, им сорили.

Изобилие древесины и дешевизна рабочих рук делали свое дело. Плохо управляемая, плохо снабжаемая оборудованием, лесная промышленность тем не менее налаживала производство. Леса Севера обрели значение

источника валюты для финансирования индустриальных новостроек. Архангельск становился «всесоюзной лесопилкой» и лесоэкспортным центром. Одно за другим возникали акционерные общества — «Руснорвеглес», «Русанглолес», «Русголландлес».

Говорят, чтобы хорошенько рассмотреть город, понять его, надо побродить или поездить по нему без определенной цели. Если бы в конце 20-х годов мы отправились на трамвае с Поморской в южном направлении, то увидели бы крепкие двухэтажные деревянные дома на проспекте Павлина Виноградова, большое новое здание лесотехнического института, трамвайный парк, кожевенный завод имени Бухарина, лесопильный имени Ленина, траловую базу Севгосрыбтреста. Если бы мы поехали в другую сторону, к Соломбале, перед нами предстали бы правительственные учреждения, магазины, новая гостиница



Перекресток Поморской улицы и проспекта Павлина Виноградова. Фото 20-х годов.

Горкомхоза с рестораном. Трамвай проходит через Немецкую слободу — бывший оплот местной буржуазии, мимо богато декорированных особняков, живописных заборов, пожарной каланчи. Крупные надписи на заборах свидетельствуют о санитарных заботах городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: «Воспрещается здесь сваливать навоз, мусор и грязь».

Напротив бывшего Александровского сада, территория которого теперь занята стадионом «Динамо», окруженный толпой шарманщик. В шляпу старика сыплются монеты, изредка падает измятый бумажный рубль. На углу Успенской демонстрирует свое мастерство бродячий фокусник-китаец. Почти невозможно уследить за его молниеносными движениями, сопровождаемыми речитативом на ломаном русском языке.

Вывесок частных магазинов уже нет. За

стеклами магазина № 12 Центрального рабочего кооператива — список имеющихся товаров: мыло, сахар, кофе, свечи. Другие торговые точки не балуют покупателей столь широковещательной рекламой, вся информация состоит из названия: «Магазин АРХЦРК», «Магазин Севводник», «Торговля потребсоюз», «ГОРТ» (городской отдел распределения товаров). В окнах книжных магазинов — яркие обложки: Ленин, Сталин, Крыленко, Горький, Молотов, Энгельс, Горький, Горький, Горький... В табачных киосках — папирсы «Коминтерн» с изображением генерального секретаря ИККИ Зиновьева, сидящего за столом, «Стамбул» — с видом бывшей столицы Турции, «б» — с шестеркой на бело-синем фоне.

На пересечении проспекта Павлина Виноградова с Пермской улицей трамвай сворачивает к казарме Восстания. Большое старинное

здание только что получило новое название в память о восстании Дайеровского полка в годы интервенции. Солдаты отказались воевать против красных и заперлись в казарме, но под пулеметным огнем англичан были вынуждены сдать. Зачинщиков не нашли, полк выстроили в одну шеренгу и расстреляли каждого десятого.

Дома становятся все меньше, зато хлебов при них все больше. Жители Кузнечихи держат коров, коз, лошадей, занимаются частным извозом. На Лопарской улице конечная остановка. Группы любопытствующих через щели в заборе заглядывают во двор психиатрической больницы. С угора видно, как по наплавному мосту в обе стороны течет бесконечный людской поток.

Был раньше еще один удобный «летний» способ обозреть панораму Архангельска, полюбоваться кстати парусами шхун в порту, увидеть разгрузку или погрузку зарубежных судов; от пристани на Поморской вверх и вниз по Северной Двине ходили речные трамвайчики, делавшие много остановок в разных точках города, у лесозаводов — обязательно. Хочешь — плыви дальше и дальше, хочешь — вылезай на берег, осматривай вблизи то, что тебя заинтересовало. Полная свобода?

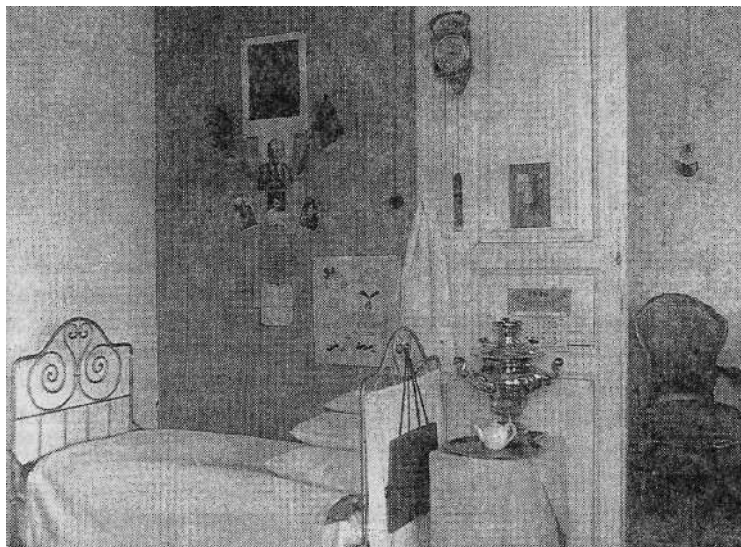
В этом невинном развлечении, пожалуй, да. Но в целом бытие на грани физического выживания, подчиненное диктату внешних обстоятельств, не знало свободы. Бесконечные нехватки всего и вся, очереди, груз мнимо добровольной псевдообщественной работы, идеологические накачки лишали человека частной жизни, облегчали государству тотальный контроль за ним.

А незабвенные коммуналки! Каждой семье выделялась в среднем одна комната, или, на тогдашнем языке, угол. Чтобы обеспечить разраставшееся население Архангельска «жилплощадью», квартиросъемщиков постоянно «уплотняли». Слишком просторные помещения рассекали перегородками. Зачастую получались, мягко говоря, странные комнаты — без окон или размером в три-четыре квадратных метра. Огромные старые кухни были забиты под завязку рядами столов, керосинками, примусами. И на всех жильцов — единственный водопроводный кран. Сундуки, комоды, гардеробы, ящики оставляли от широкого коридора темное ущелье, протискиваться по которому к уборной у черного хода следовало с немалой осторожностью.

Семь, десять, двенадцать семей жили бок о бок, на виду и «на слуху» друг у друга.

В нашем доме получили жилплощадь сотрудники органов ГПУ с семьями. Один товарищ, не отличавшийся хорошим воспитанием, иногда вел себя вызывающе — учинял скандалы жене, чуть выпивши — и того хуже, пугал ее заряженным пистолетом. Как-то выбежала она в страхе на кухню, он за ней. А там дети, несколько женщин, в их числе наша бабушка. Увидев такое количество соседей, он вроде опомнился, остановился с пистолетом в руке. Все шарахнулись в стороны, бабушка же не растерялась: «Ну-ка, покажи, чем ты тут пугаешь?» Он, к удивлению, позволил взять у него пистолет. Бабушка мгновенно выскочила из кухни в сени, где была холодная уборная, кинула пистолет в яму, а ему сказала: «Вот теперь и помаша перед женщинами оружием, которое власть тебе дала, чтобы защищать ее от врагов и бандитов!» Он даже не заругался, так был ошарашен. Долго ему пришлось шарить

Интерьер комнаты в коммунальной квартире. На смену дореволюционному домашнему иконостазу пришел советский «красный уголок». Фото начала 30-х годов.



в выгребной яме, прежде чем он достал пистолет. После такого урока, преподанного старухой, он больше не распускался.

Нормальная — по нашим нынешним, тоже очень скромным меркам — жизнь в коммуналке была недостижима. Однако, при всей материальной стесненности, при всех столкновениях характеров и мнений, у наших дедов хватало духовного здоровья и душевной широты, чтобы в большинстве случаев сосуществовать по-человечески. Семьи в очередь прибирали места общего пользования, к Первомаю устраивали субботник: мыли окна и двери, если надо, белили потолки. Перед праздниками договаривались, кто в какие часы будет топить печь и готовить на кухне. В каждом доме были общие водомер и электрический счетчик. Ежемесячно уполномоченный по дому, которого избирали на год, вывешивал в кухне сводку, кому сколько платить. Споры по этому поводу практически не возникало.

Все пекли — самой недорогой едой были домашние пироги с капустой, шаньги с картошкой и пшеном. Ими соседи угощали друг

друга за совместными чаепитиями на той же кухне. Да и в каждой комнате имелся начищенный до блеска самовар, вокруг которого проходили душевные беседы, деловые разговоры, семейные торжества. Спиртное на столах появлялось нечасто.

Окна и двери, стены и мебель оформлялись вышитыми занавесками, покрывалами, накидками, салфетками. Вопреки всем тяготам и невгодам женщины 20-х годов отдавали дань уюту: сами красили нитки, сами составляли композиции, вышивали руками и на машинках, делали лоскутные одеяла, находя в этом удовольствие и утешение. Какие еще у них были реальные возможности для творчества?

Летними вечерами любили, как прежде, посидеть на крыльце. Ступеньки выкрашены, намыты — не исчезла привычка к чистоте и порядку. Многие помнили и о христианских добродетелях. Если единицам из толп обреченных на смерть ссыльных удавалось выжить, то их спасителями были в первую очередь обитатели коммуналок. Беды сплывали людей. Редкий коммунальный дом избе-

жал ночных звонков в дверь, обысков, арестов...

Жизнь коммуналок, разумеется, не упрощалась с рождением каждого нового ребенка. Чумазая вольница жила по неписанным законам двора, который диктовал свои правила поведения, служил школой социального опыта, начальной ступенькой от «Я» к «Мы». Здесь, за забором, отгораживавшим двор от внешнего мира, больше, чем где бы то ни было, ощущалась безопасность — чувство, возникающее на почве коллективной принадлежности к определенному месту.

Всякий дом походил на любой другой, но, будучи целым миром в миниатюре, обладал и своими особенностями, своим обаянием.

Дом № 20 по улице Поморской был двухэтажный, деревянный, без каких-либо архитектурных ухищрений. Хозяйка, Анна Михайловна Дулова, получившая дом по наследству, передала его государству, а сама с сыном, невесткой и двумя внучками осталась на втором этаже, где жили также семьи Полюновых и Котлаковых.

Наша семья занимала две комнаты на первом этаже. Рядом обретались Мария Ивановна Смольковская, уборщица хлебного магазина, что был в нашем же доме, и добрейшая латышка тетя Леля. Она получала мизерную пенсию по инвалидности и подрабатывала вязанием. За этим занятием она напевала песни своей родины, их щемящая грусть передавалась всем, и казалось, что дочь тети Лели, которая была далеко-далеко, так же близка нам, как и ей — одинокой, заброшенной волей судьбы в северный город.

В комнате напротив жил с семьей Николай Петрович Чертовский. По профессии сапожник, он работал в артели «Спартак». Мастер на все руки. Сам изготовил для себя мебель, аккуратно переплел книги.

Радио только входило в жизнь. Соседу, как ударнику труда, первому в доме поставили радиоточку. Вторыми были мы. Так поощрили мою маму, работавшую в то время продавщицей в промтоварном магазине «серый ГОРТ» (ныне «Светлана»). Николай Петрович выписывал брошюру «Радиопейка». В одном из выпусков было дано устройство приеника. Малогабаритных деталей и ламп тогда не существовало, и приемник, собранный соседом, оказался величиной с чемоданчик, что не мешало ему работать отменно, даже от двух батареек карманного фонаря.

Николай Петрович увлекался изучением языка эсперанто и весьма в этом преуспел. Однажды он показал журнал, где его фамилия стояла рядом с фамилиями других эсперантистов. Сосед виртуозно играл на мандолине. Мастером он оставался и на футбольном поле, и на хоккейной площадке.

Мой отец, Иван Васильевич, закройщик обуви, много фантазировал, придумывал новые фасоны, а оценить их приглашал Николая Петровича. Мы, дети, помогали отцу — скрепляли заготовки резиновым клеем, продевали шнурочки и т. п. Желание иметь хорошую обувь приводило к нему, среди прочих, артистов архангельского Большого театра. Они в знак благодарности дарили контрамарки, и мы всей семьей отправлялись в театр. Это был, конечно, праздник. Кстати, сам отец имел неплохой голос, участвовал в художественной самодеятельности клуба Октябрьской революции. В нашем доме звучали народные песни, песни революции и гражданской войны. От отца я впервые узнал арии из опер русских и зарубежных композиторов, а позже и сам полюбил оперное искусство.

Соседи дружили, и нам, детям, в таком здоровом психологическом климате жилось прекрасно. Когда приходили гости, я, не ожидая команд, шел в кухню ставить самовар.

Летом, понятно, для детей было раздолье. Мы все время проводили на воздухе. Двор большой, кругом сарай, поленницы, заборы и другие объек-



Люди коммуналок. Групповой портрет артистов Летнего театра. Фото конца 20-х годов.



Поморская улица между проспектами Чумбарова-Лучинского и Павлина Виноградова. Фото 20-х годов.

ты, интересующие ребят. Для подвижных игр ничего лучшего не придумать. Качались на качелях. Начали входить в моду «гигантские шаги». Взрослые не считали зазорным играть вместе с нами в лапту.

Зимой, в непогоду, мы, ребята, занимали наш коридор, метров шесть в длину, показывали там театральные представления. Режиссер, старшеклассница Дуся Сапегина, часто посещала ТЮЗ, поэтому его репертуар становился нашим. Публика шла гурьбой. Мой одноклассник Рукша изготовлял простейшие проекционные фонари, которые мы не без гордости называли киноаппаратами. На стене коридора вешали простыню и «крутили кино». Желающих хватало, так что «администрация» устраивала по несколько сеансов подряд.

Сегодня едва верится, что, вопреки логике, эти маленькие мирки не только существовали (в остаточном виде они все еще существуют), но и объединяли людей. Возникшая из жестокой необходимости — острейшего дефицита

жилья, нашедшая затем своих «теоретиков», которые мыслили категориями «всеобщего братства трудящихся» (как будто братьям излишне ограждать от взаимного любопытства даже самые интимные жизненные отправления), «коммунальная идея» опровергалась, размывалась, подтачивалась тысячами мелочей реальной жизни, оказавшейся, по обыкновению, сложнее любых схем, и в конце концов не могла не выродиться, не потерпеть крах. Однако, согласно законам диалектики, никакое зло (и благо тоже) не абсолютно. Дело было сделано: целое поколение испытало чувство пусть искусственного, но в принципе желанного единения. Начав на рубеже 50-х и 60-х годов разъезжаться по отдельным квартирам «хрущевских» домов, бывшие обитатели коммуналок ощутили потребность встречаться с прежними соседями по коридору и двору. Забыты ссоры, неурядицы — остались воспоминания



нания о большой семье, общих радостях и горестях, кухонных посиделках и... о совместных походах в баню.

Что до революции, что после нее, там было хорошо, весело. Шум, жар, скамьи с вздувшимися от частого обливания горячей водой древесными волокнами. Впрочем, появились советские нововведения: высокие, поделенные на клетки шкафы в раздевалках и нумерованные шайки. Посетители связывали свою одежду и обувь в узел, прозванный в народе «щелгачом», банщик клал щелгач в ячейку шкафа и выдавал шайку с таким же, как у ячейки, номером.

В разгар НЭПа популярнейшие Успенские бани арендовали частники. Определенную долю выручки они переводили Горкомхозу, остаток принадлежал им. Если год или квартал получался удачный, арендаторы наскоро сколачивали в мыльном отделении столы и скамьи из нестроганных досок, выставляли трехлитровые бутылки с водкой, нарезанный ломтями черный хлеб и найдешевейшую колбасу «собачья радость». Люди заходили прямо с улицы, выпивали по большой стопке, закусывали, благодарили и удалялись восвояси. Видимо, реклама оправдывала себя числом мывшихся именно в этих банях.

У входа продавали хлебный квас с изюмом, настолько острый, что он бил в нос. При откупоривании бутылки раздавался резкий хлопок, словно в ней было шампанское. Вымывшись, попарившись, мужчины шли в пивную Вороновой, размещавшуюся в деревянном доме поблизости, между проспектами Петроградским и Павлина Виноградова. Бутылки из темного стекла имели форму удли-

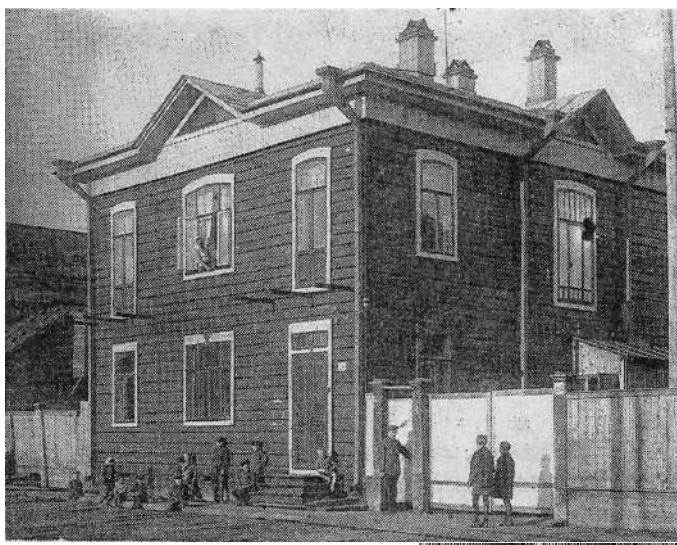
ненного конуса, натуральные пробки, извлекаемые штопором, тоже хлопали, в бокалы лилось освежающее, хорошо утоляющее жажду темное пенистое пиво Суркова. Досуг посетителей услаждали баянисты Максим Аренсон и Аркадий Станулевич:

В советской пивной так красиво  
С бубенцами играет баян...

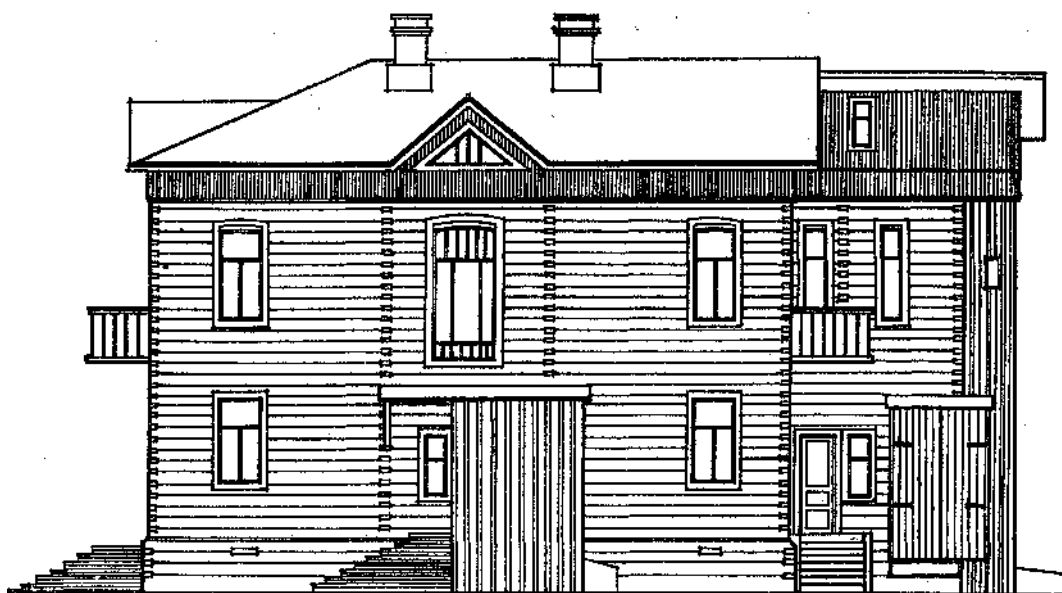
В городе славились еще баянисты Кириллов, Леготин и Казаков, отец известного ныне виртуоза Юрия Казакова. Все они были желанными гостями на свадьбах и клубных вечеринках, там и подкармливались — безработица была страшная, всяк добывал пропитание как мог.

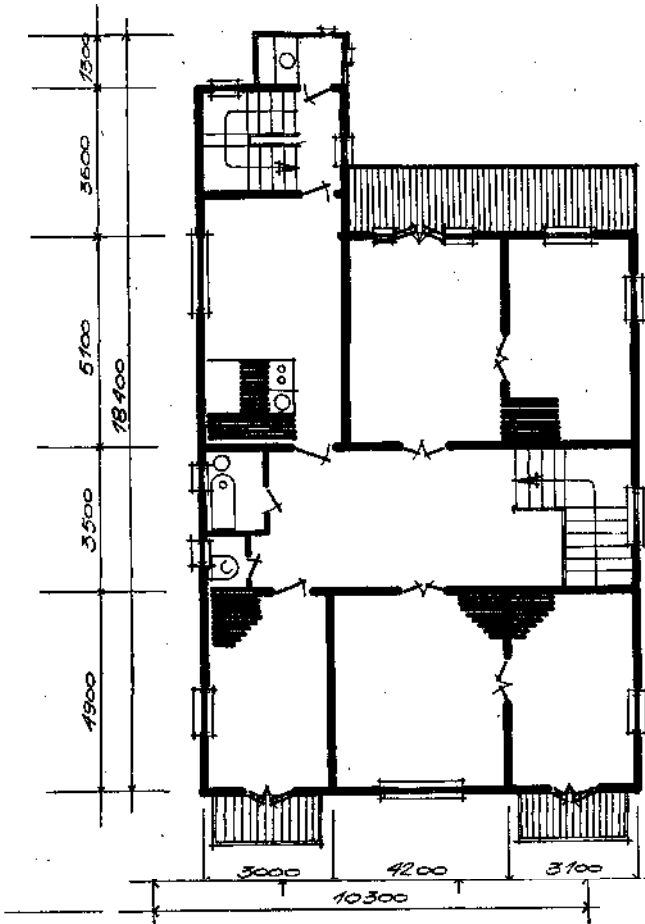
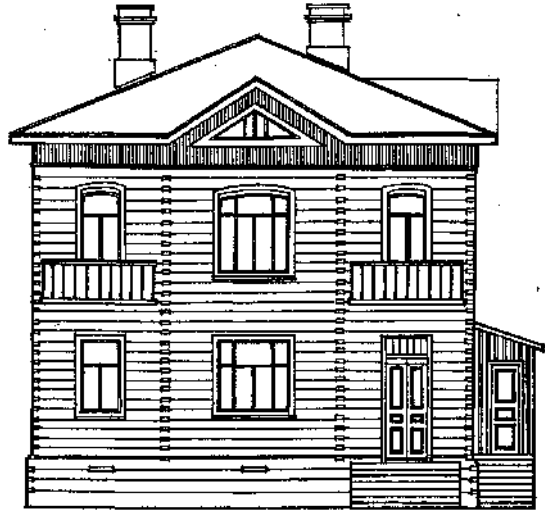
Со времени мировой войны в городе почти ничего не строилось, а довоенный жилой фонд приходил в упадок. Если же появлялось что-то новое, оно так или иначе было отголоском старого. Некоторые дома возводились просто по дореволюционным проектам. Однако, при всей тоске по прекрасному прошлому, архитектурная молодежь была убеждена, что приспособление традиций к нуждам момента — не выход. «Авангардистов» равно раздражали помпезность буржуазных особняков и скученность коммунального заселения. Глядя на молодых, и зрелые мастера освобождались из плена сложившихся стереотипов.

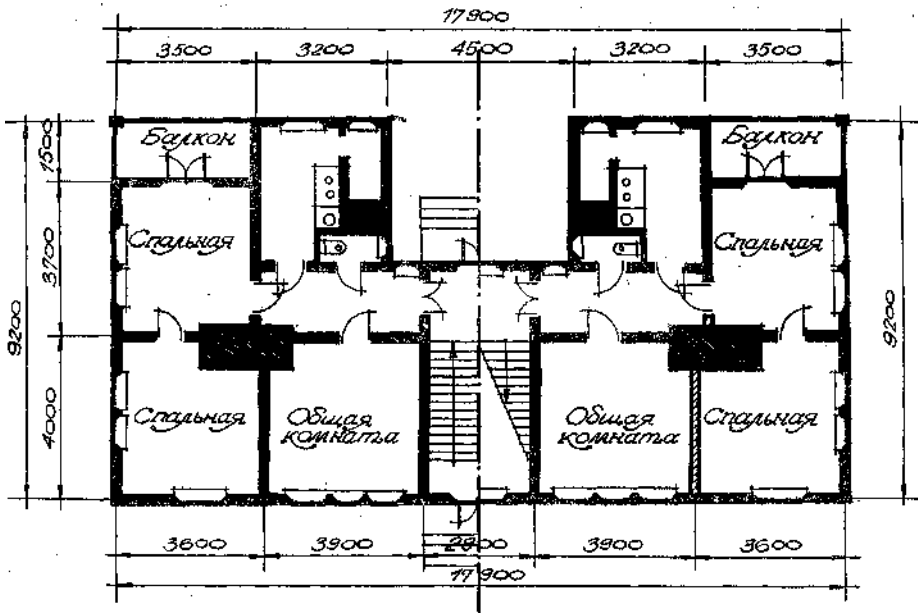
То была пора крутых перемен в архитектуре. Индивидуальных заказчиков становилось все меньше. Революция нанесла удар по принципу бережливости и по престижу государства как института. Оказалось, дома, ради которых люди отказывали себе в стольких маленьких радостях, могут быть в одночасье



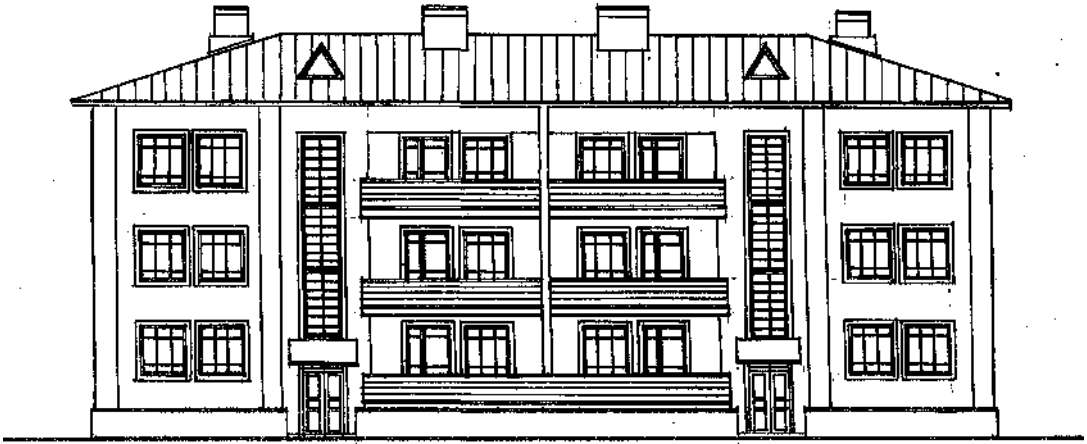
Дом Шилкова. Ул. Северодвинская, 26. Постройка 1926 года по дореволюционному проекту. Общий вид. Фото 1931 года. Внизу — дворовый фасад; справа — уличный фасад, план второго этажа.



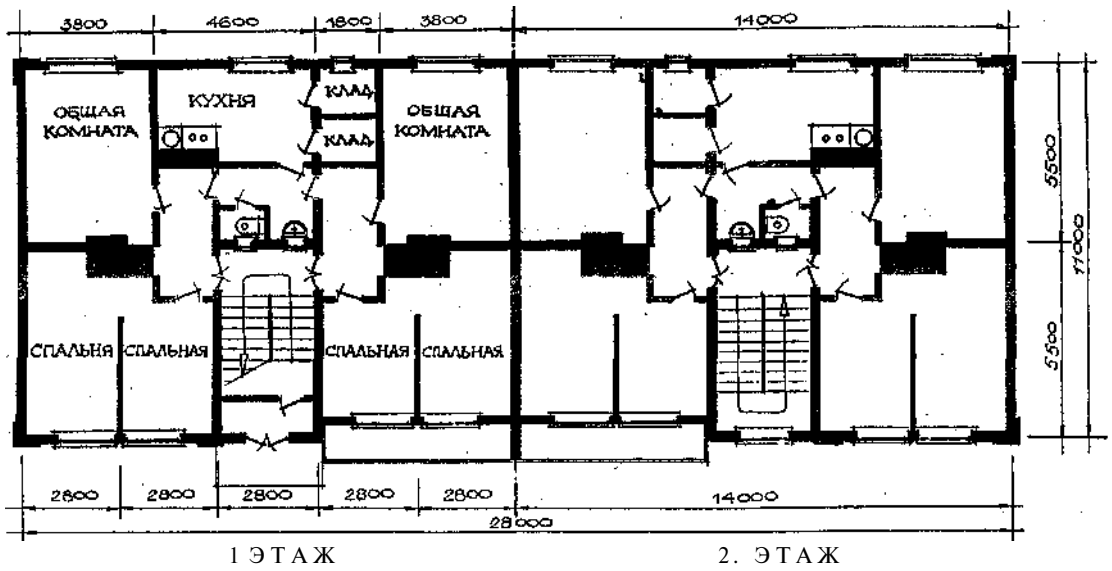




Односекционный дом. 1924. Ул. Розы Люксембург, 12. Северный фасад, план второго этажа.



Жилой дом НКВД. 1930. Пр. Чумбарова-Лучинского, 66а. Главный фасад, план.



национализированы. К чему тогда вообще безразличность? А государству какая вера?

Требовались здания, которые отвечали бы сути нового общества, удовлетворяли бы его экономическим и социальным условиям. Первой попыткой такого рода стали построенные в 1927 году на Пролетарской улице ЖАКТовские<sup>1</sup> дома для работников Дома связи. Эти жилища трудно признать вполне удачными. По две квартиры на обоих этажах располагались продольно, то есть выходили окнами каждая на одну сторону; в данном случае половина квартир смотрела точно на север. Другое неудобство — анфиладное сообщение между комнатами и кухней. Да и внешний облик домов был более чем аскетичным.

---

<sup>1</sup> ЖАКТ — жилищное арендное кооперативное товарищество, участники которого, выплачивая членские и паевые взносы, обеспечивали себе преимущественное право на получение жилья.

На улице Розы Люксембург возвели ансамбль из трех двухэтажных домов: в центре — двухсекционный, два по бокам — односекционные. Последние вскоре начали тиражироваться. Снаружи они напоминали старые дома, но внутренняя их организация приближалась к той, которой было суждено стать самой массовой в деревянной архитектуре последующих лет. Каждая из двух квартир на обоих этажах здесь занимала всю ширину и половину длины дома. Благодаря этому солнцу заглядывало во все помещения, осуществлялось сквозное проветривание. Ванные комнаты, однако, не были предусмотрены. На южном фасаде первых домов этого типа имелась глубокая впадина, что крайне нежелательно в строительной практике Севера. От «ниши» быстро отказались, заполнив ее кладовыми из расчета одна хозяйственная зона на две квартиры. Такое решение было реализовано в доме № 66 по проспекту Чумбарова-Лучинского и других, более поздних.





Новоселы у только что построенного дома на ул. Олонецкой, 16. Фото 1934 года.

мирования семьи и полного обобществления домашнего хозяйства некоторые конструктивисты разработали и реализовали проекты жилищ, где собственно квартирам отводилась минимальная площадь, а главенствующее место занимали общие для всех столовая, прачечная, клубное помещение и т. п. В этих проектах воплощалась идея коренной перестройки быта, избавления человека от бытовых проблем на основе коллективизма.

Почитаем выпущенное в середине 20-х годов типовое положение о таких «домах-коммунах».

Дом-коммуна организуется в целях обобществления быта трудящихся.

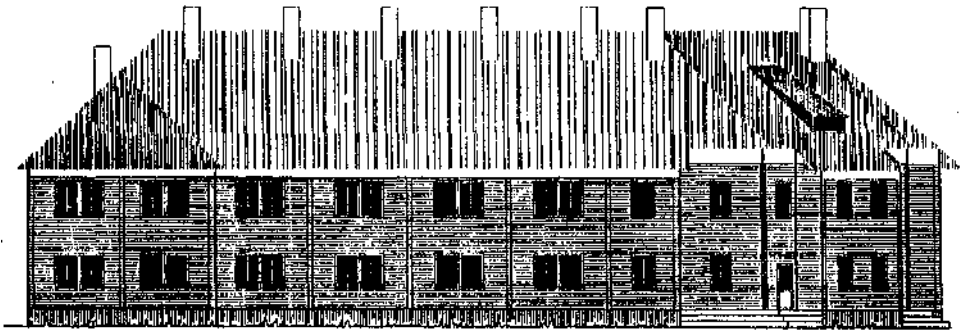
Обобществлению в доме-коммуне подлежат в первую очередь следующие отрасли домашнего быта: воспитание детей ясельного возраста, питание, стирка белья и удовлетворение части культурных запросов.

Планировка и застройка дома-коммуны должны предусматривать возможность коллективизировать и улучшать бытовые условия трудящихся. Для этого жилая ячейка должна быть рассчитана на одного и не более чем на двух человек. Жилая ячейка должна быть местом сна, части отдыха и умственной

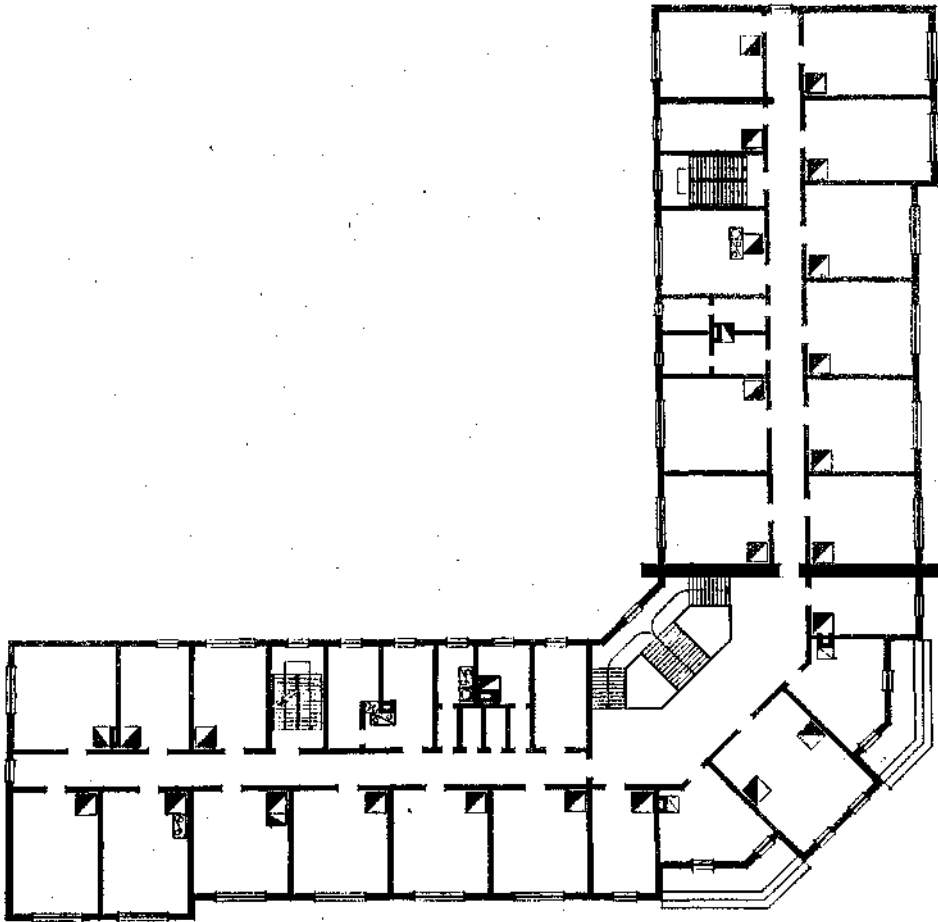
работы. Для проведения всех остальных функций по бытовому обслуживанию населения в домах-коммунах должны предусматриваться соответствующие помещения.

В Архангельске было несколько домов-коммун. Один из них, возведенный в свое время для преподавателей медицинского института, по сих пор стоит на углу улицы Логинова и Новгородского проспекта. Однокомнатные квартиры нанизаны на ось функционального и символического коридора — внутренней «улицы», ведущей к кухням и санузлам в средней части дома, к другим бытовым и общественным помещениям у вестибюля. Назначение коридора — способствовать налаживанию добрососедства между жильцами. Вспомогательных помещений индивидуального пользования нет, «квартира» — это не более чем спальная комната. Простота и нарочитая скромность жилища подразумевались пролетарской идеологией. В трудных условиях 20-х годов, требовавших сурового самоограничения, революционный аскетизм домов-коммун противопоставлялся «роскоши» мещанских квартир, воспринимал-



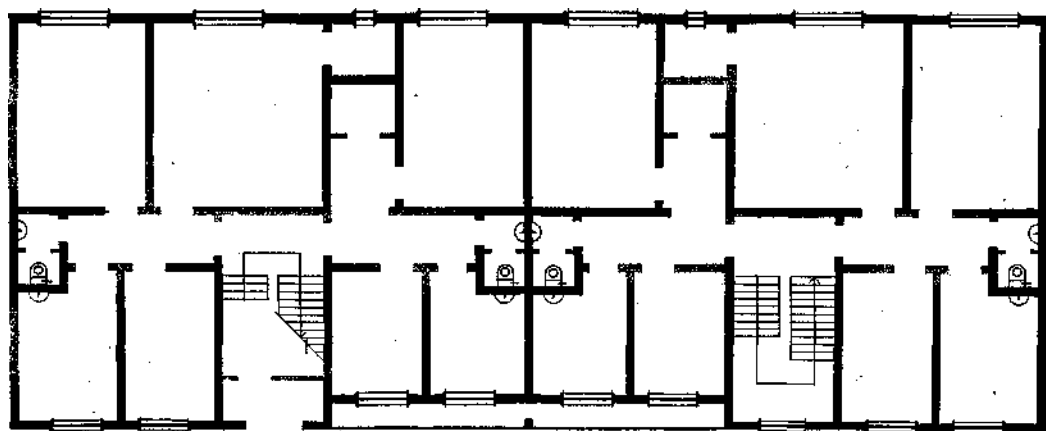


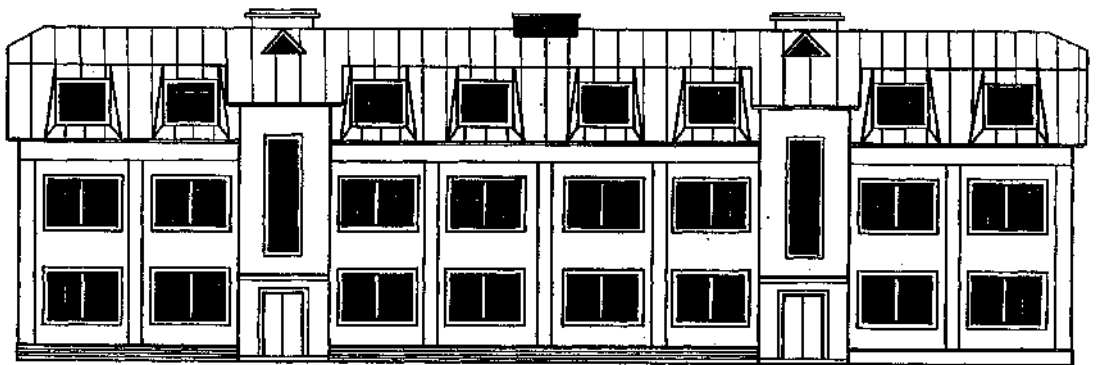
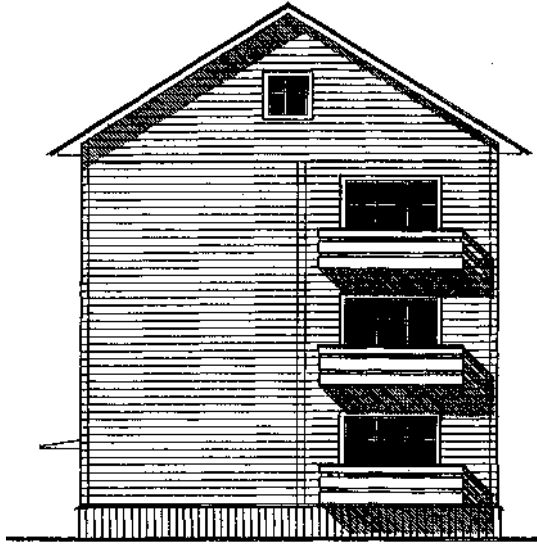
Дом-коммуна преподавателей медицинского института. Ул. Логинова, 19.  
Фасад, план первого этажа.



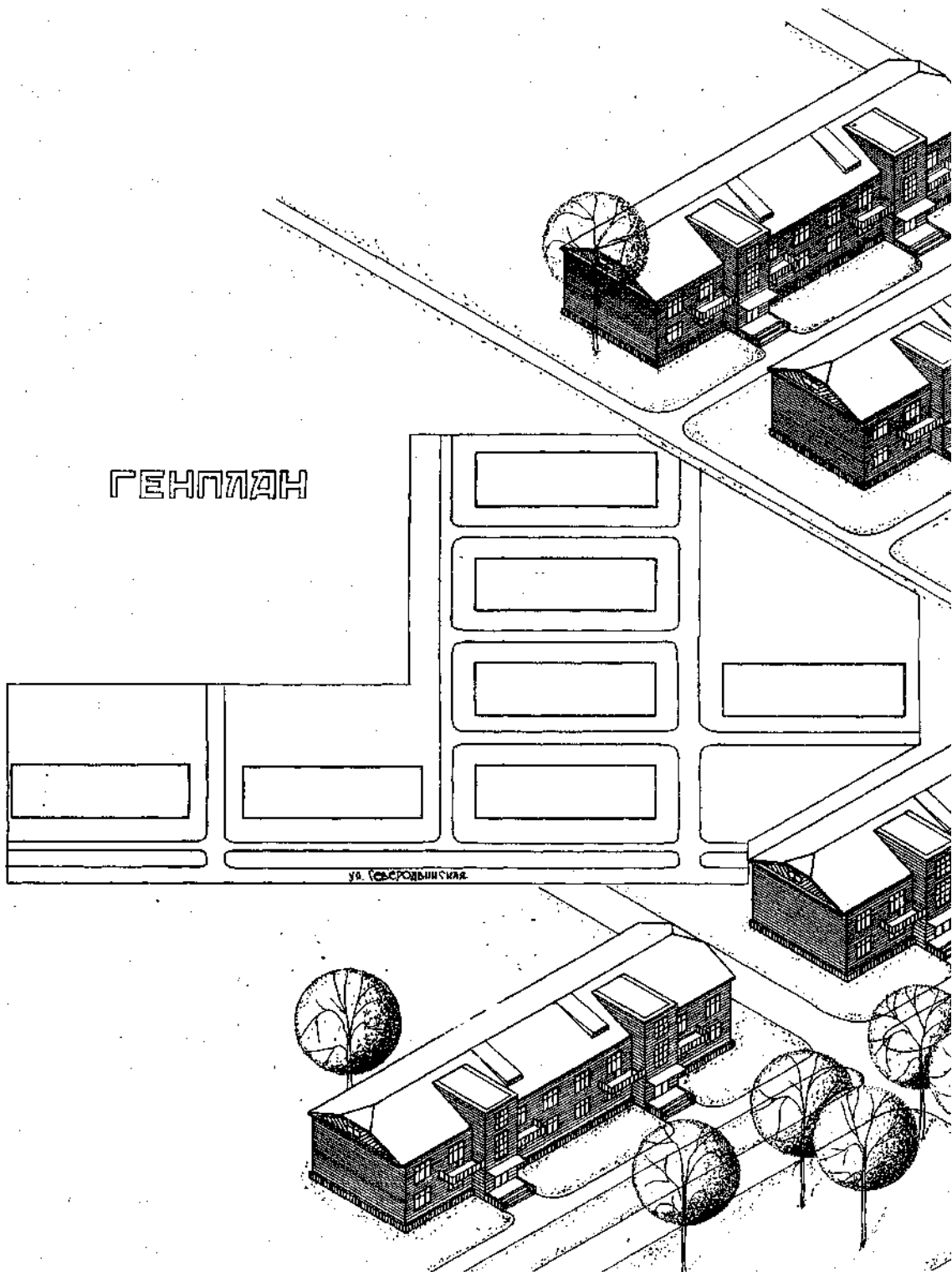


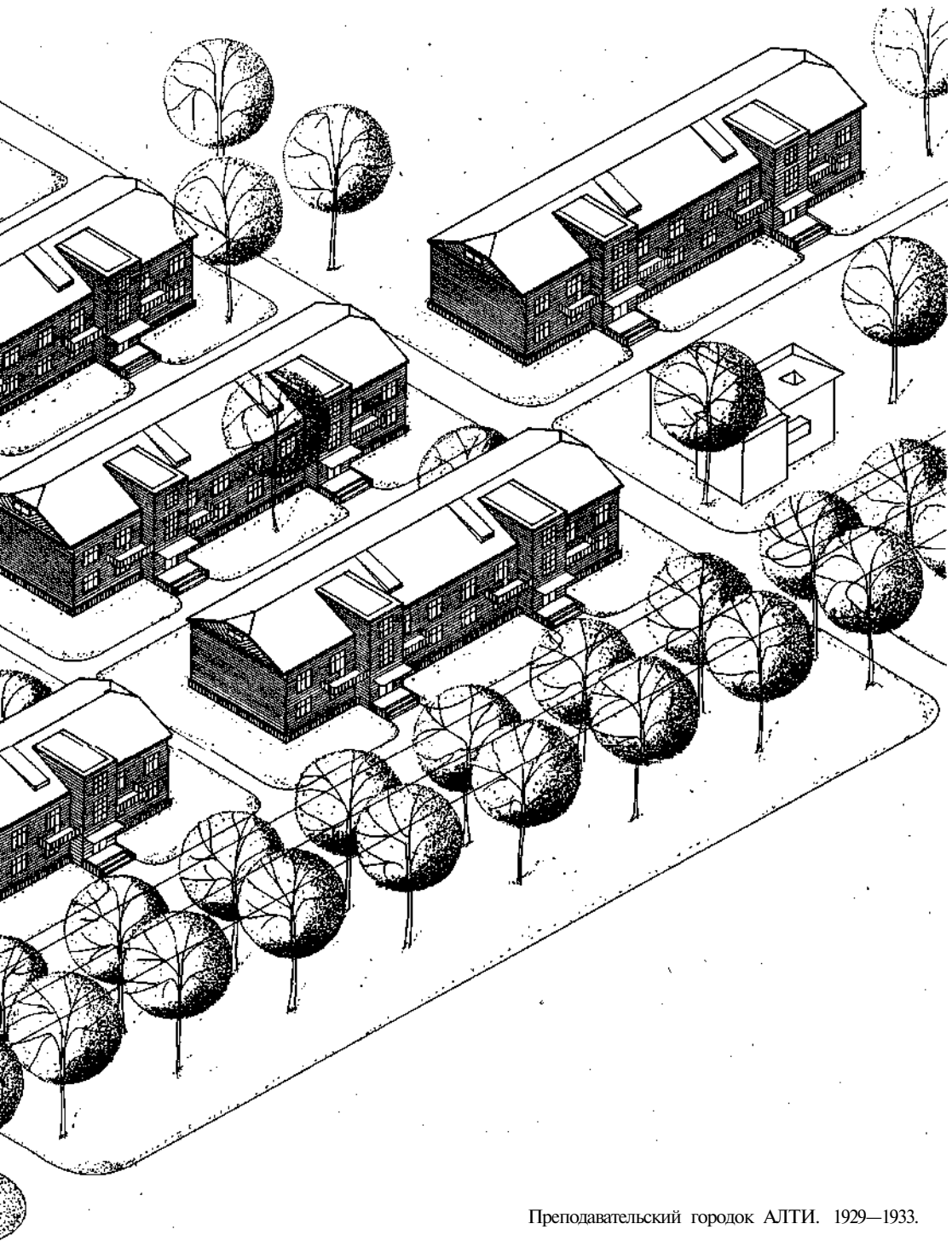
Композиция из двух расположенных взаимоперпендикулярно домов.  
1930. Вологодская ул., 3, 5. Представлен план одного из них.





Двухсекционный жилой дом. 1930. Пр. Ломоносова, 17. Уличный фасад.





Преподавательский городок АЛТИ. 1929—1933.

ся как естественный, прочно ассоциировался с демократичностью нового строя. Вселяясь в дом, соседи фотографировались вместе на память, что сегодня трудно себе представить. Во многие дома-коммуны распиленные и наколотые дрова завозились «общей кучей», из которой каждый брал сколько ему нужно.

Идея, однако, оказалась утопической, поскольку игнорировала неизбежную замкнутость семейной жизни. «Эпизодчик Любы к Вове», отнюдь для этих двоих не ерундовый, по природе своей чужд коммуналности. Сам Маяковский до 1917 года блестяще высказался о диалектике частного и общего: «Я знаю — гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем трагедия Гёте». Цинизм? Что ж, походите с гвоздем в сапоге дня три-четыре, не имея другой обуви на смену, и, пожалуй, вас перестанут посещать возвышенные мысли. А счастливые новоселы домов-коммун обосновывались там не на три дня, недели или месяца — без всяких шансов сменить квартиру в обозримом будущем.

Для таких домов в теории следовало подбирать жильцов, психологически склонных к коллективизму. На самом деле не до того было. Но даже при соблюдении этого условия дальнейшая динамика социально-культурных и бытовых потребностей индивидов мало-предсказуема, изменение же состава семей вообще не поддается прогнозам. Да и тогдашние экономические возможности не обеспечивали хотя бы минимально качественного проживания в домах-коммунах, очень скоро превратившихся в огромные коммуналки, а еще позже — в студенческие или аспирантские «общаги».

Время все расставило по местам. Коммуны, основанные, в сущности, на примере стихийно складывавшихся коммуналок, где объединение усилий жильцов диктовалось необходимостью преодолевать тяжелейшие внешние обстоятельства, с повышением жизненного уровня должны были распасться, что и произошло. Не апеллируя более к умозрительным идеалам, не споря с объективными социальными процессами, конструктивистская архитектура обратилась к чисто земной задаче — дать среднему горожанину удовлетворяющее его самого жилье — и провидчески определила в качестве такового отдельную квартиру в секционном доме, предтечей которого был дореволюционный доходный дом. С учетом новых экономических условий, подсобные помещения урезали и уплотнили, отказались от дополнительных лестниц, свели к минимуму внутренние переходы.

Первый двухсекционный двухэтажный деревянный конструктивистский дом, известный как «дом с мансардами», появился у нас в 1930 году на Петроградском проспекте, 17. Он и теперь стоит под этим номером на проспекте Ломоносова. Чуть позже на Северодвинской улице вырос преподавательский городок АЛТИ из десятка подобных домов, расположенных параллельными рядами — так представляли себе конструктивисты советский «бесклассовый» город с одинаковым для всех жильем. Они любили впервые примененную в Германии Вальтером Горпиусом полосную застройку и за то, что она позволяла, на их взгляд, наилучшим образом ориентировать квартиры по сторонам света. Каждое здание имело лаконичную, продуманную компози-



Преподавательский городок АЛТИ. 1931—1933. Северодвинская ул.

цию, чеканно ясные формы, обладало всеми стилистическими признаками конструктивизма: функциональный план, почти пологая крыша, большие оконные проемы, выдвинутые из плоскости фасадов и подчеркнутые вертикальными полосами остекления лестничные клетки.

Во всех домах однотипные квартиры, достаточно комфортные даже для наших дней: большая общая комната, две спальни — одна такого же размера, другая поменьше, просторная кухня, санузел, где со временем можно было свободно разместить ванну.

Позднейшие конструктивистские секционные дома представляли собой, с точки зрения внутренней планировки, более или менее удачные вариации на прежнюю тему — две квартиры на лестничной площадке, с комнатой или без комнаты для домработницы («солидные» семьи держали прислугу вплоть до конца 50-х годов, когда эта категория лиц наемного труда практически исчезла).

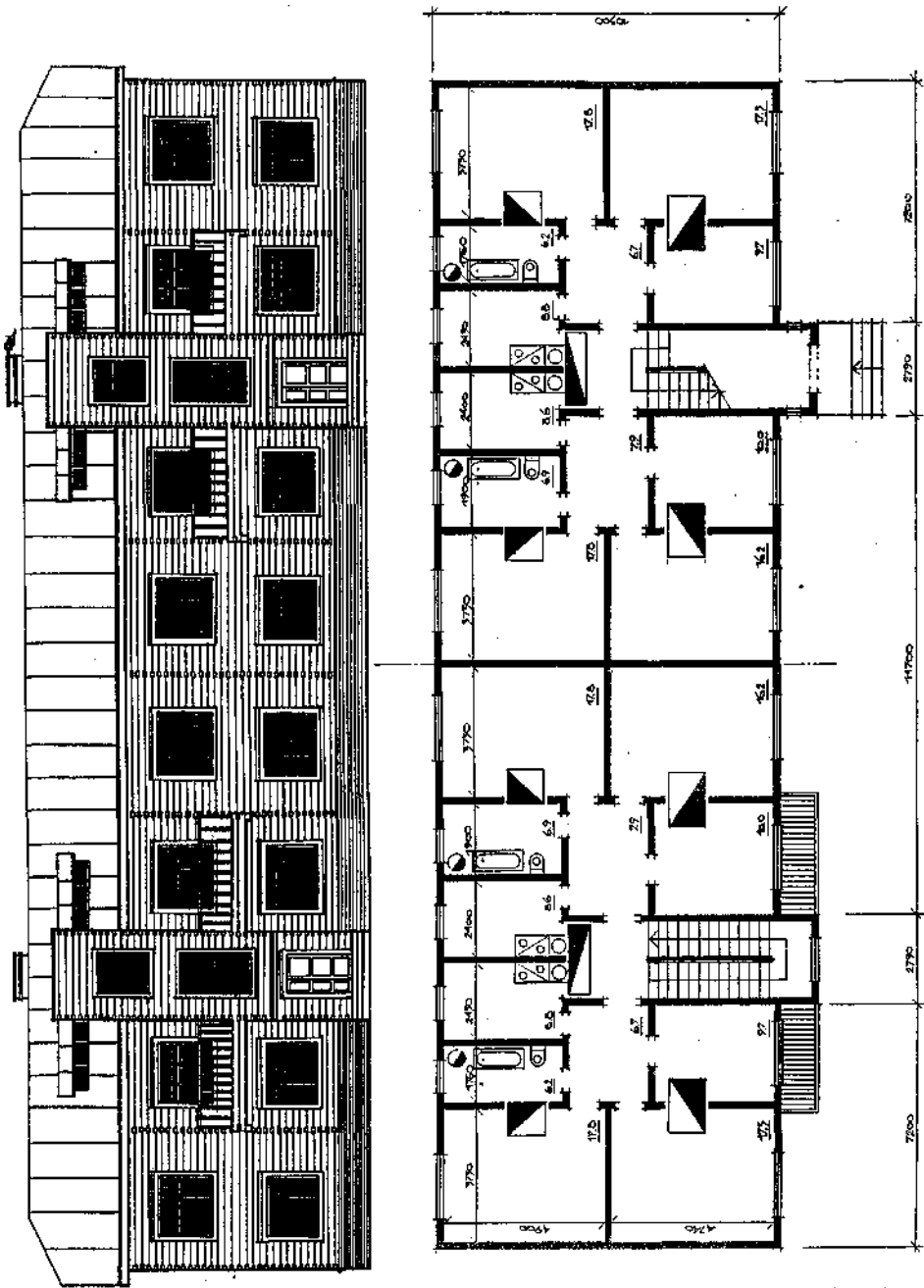
Проектировщики старались избежать темных квартир, поэтому дома открыты для солнца и отвернуты от сумрачного, холодного севера. Из размышлений о пространственных функциях квартала в городской среде был сде-

лан вывод о важности сквозного прохода через парадное для освоения внутреннего пространства двора и его связи с общественным пространством — улицей.

Помимо того, что конструктивистские жилые здания имели иную, чем старые дома, «социальную программу», они выделялись в городе своими размерами (духу и устремлениям эпохи отвечали постройки в три, четыре и более этажей), заимствованными на Западе непривычно огромными окнами, полным отсутствием декора. Но их формы, образованные сочетанием простейших геометрических тел, и даже размеры в целом не противоречили основным характеристикам традиционного архангельского дома — простоте и массивности. Разве что выступавшие из фасадных плоскостей лестничные клетки составляли исключение.

На этом и завершилась скоротечная эволюция архангельского деревянного дома в советский период.

В чем прекрасные и горькие уроки русского конструктивизма? Было бы очевидной ошибкой утверждать, что искусство, архитектура в частности, никак не влияют на общество. Но это — обратное влияние, пределы

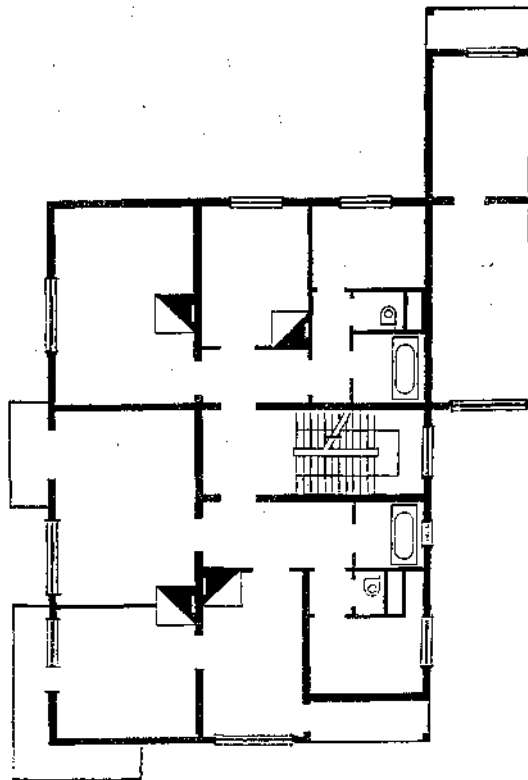
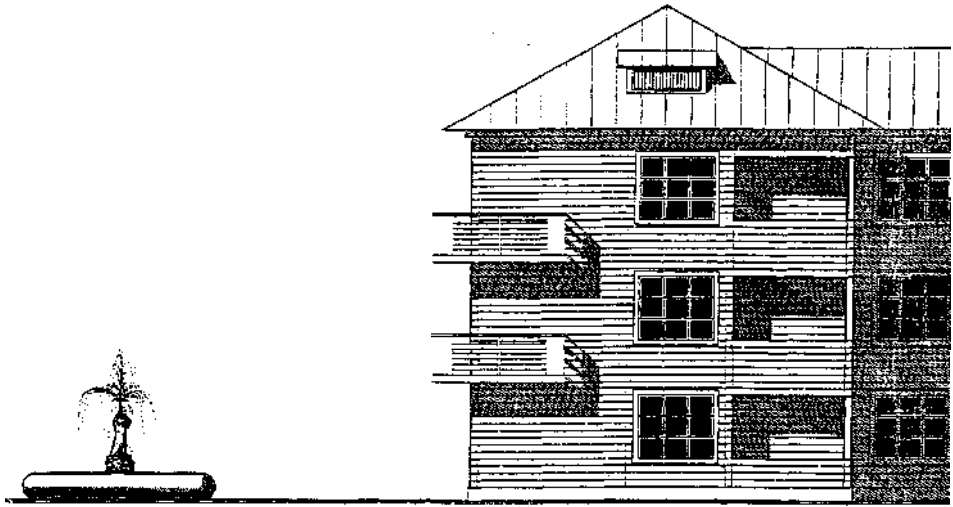


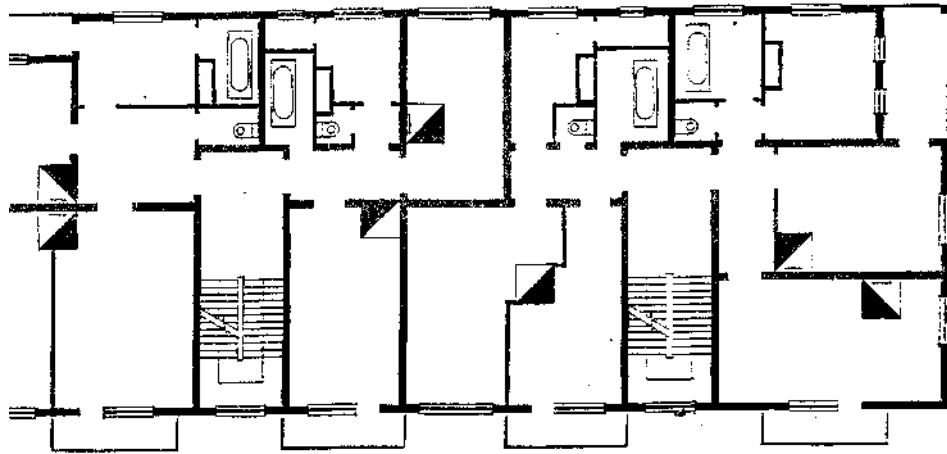
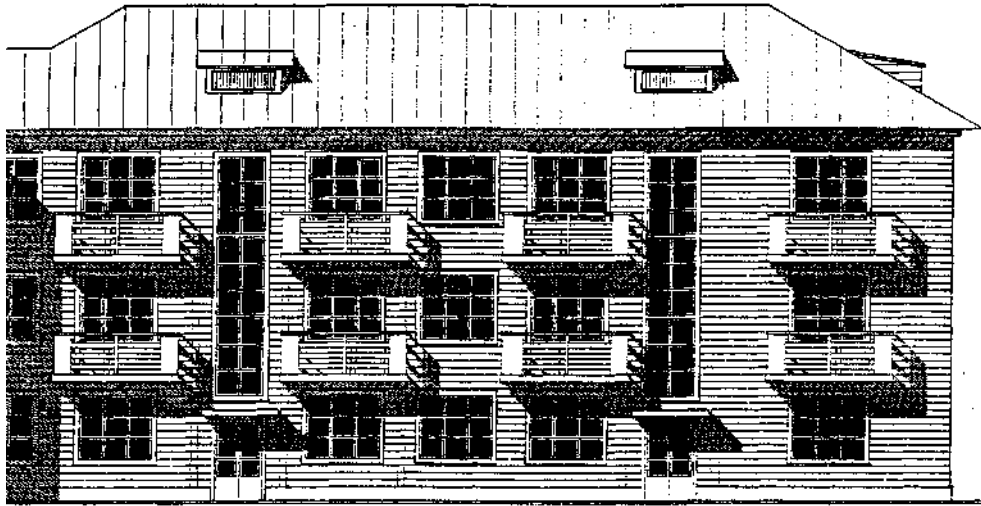
Жилой дом в преполаватальском городке АЛТИ. 1931. Северовинская ул., 3.  
Уличный фасад, планы секций.



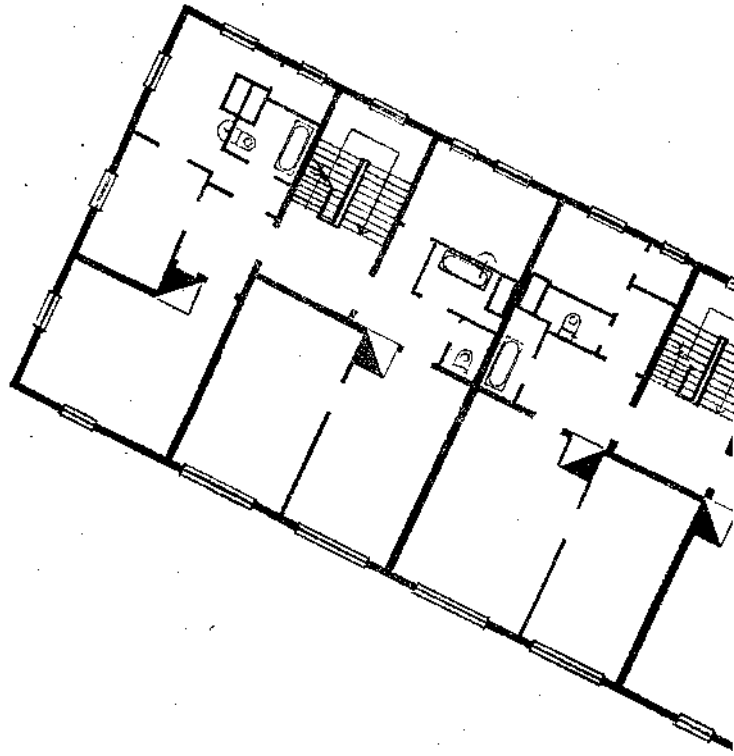
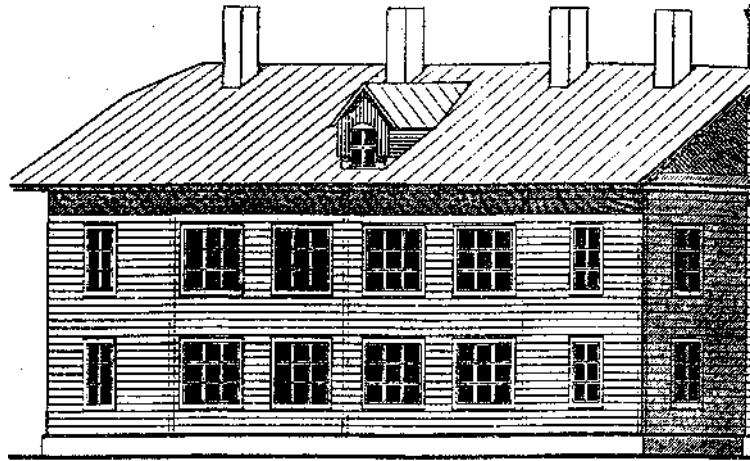


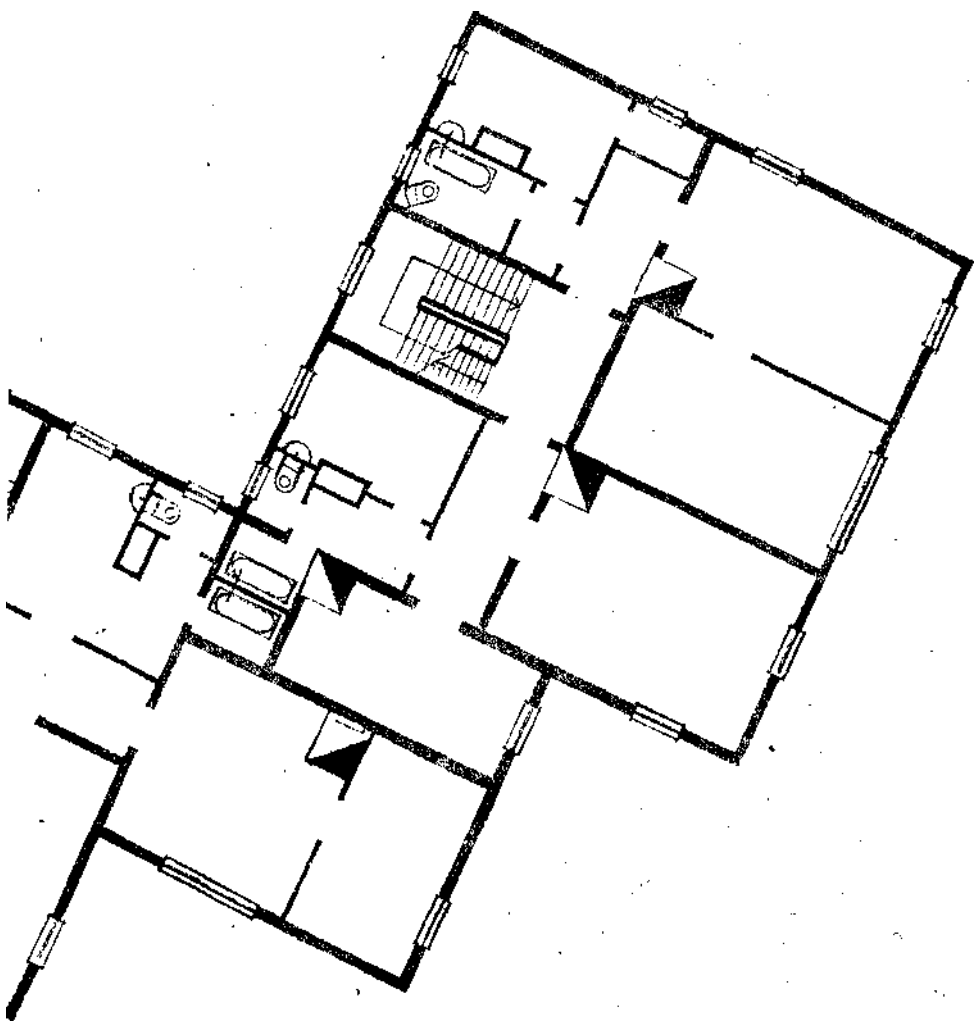
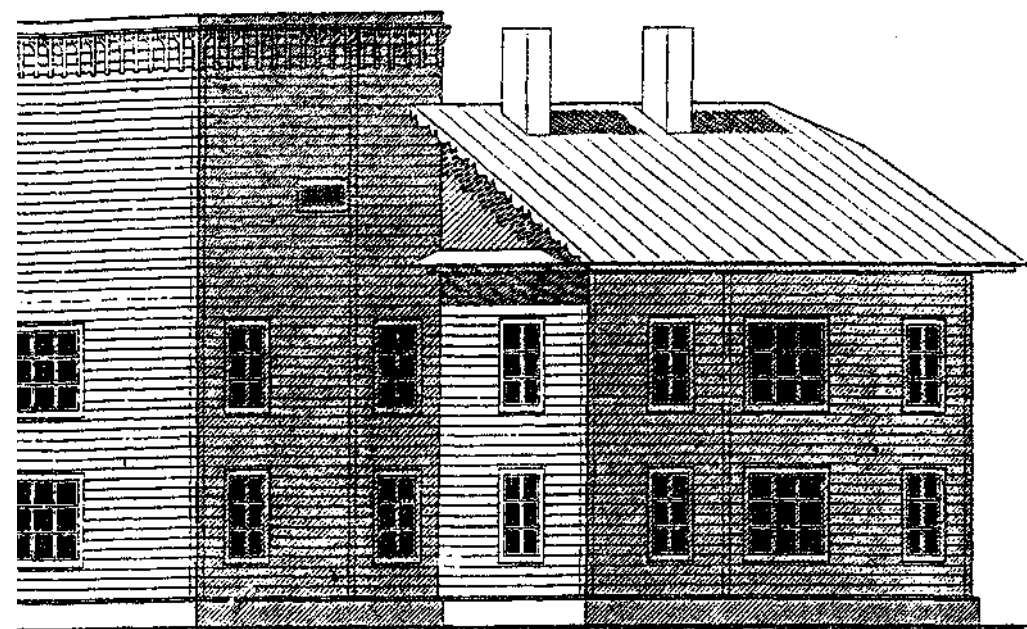
Фрагмент жилого дома. Стоял на месте теперешней  
Областной библиотеки. Набережная, 105.



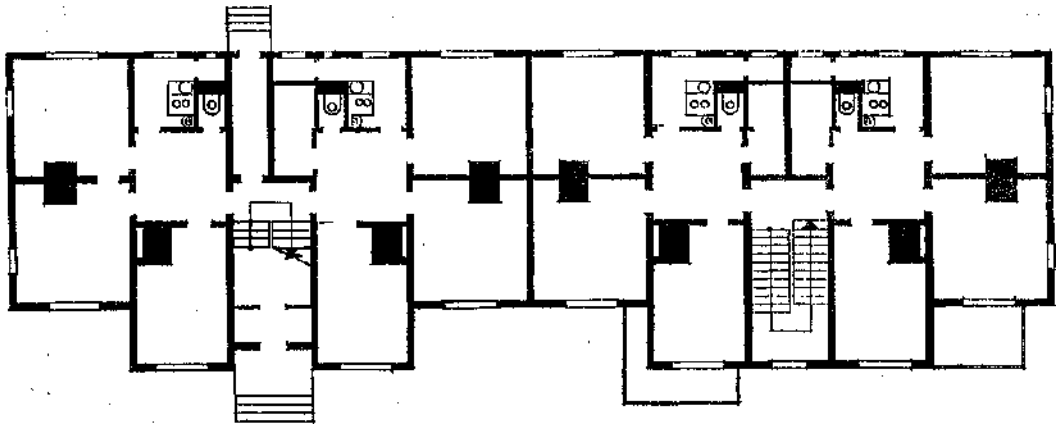
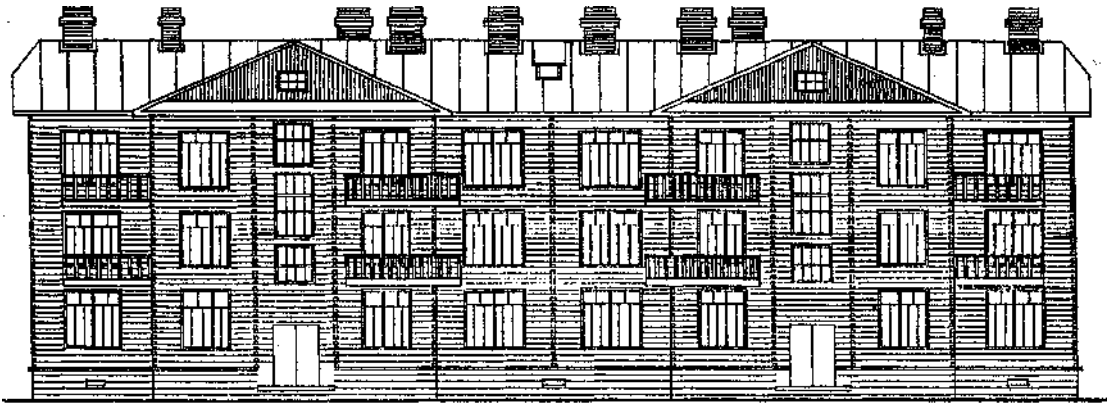


Дом Севлеспромстроя. 1934. Ул. Гайдара, 16. Дворовый фасад, план этажа.

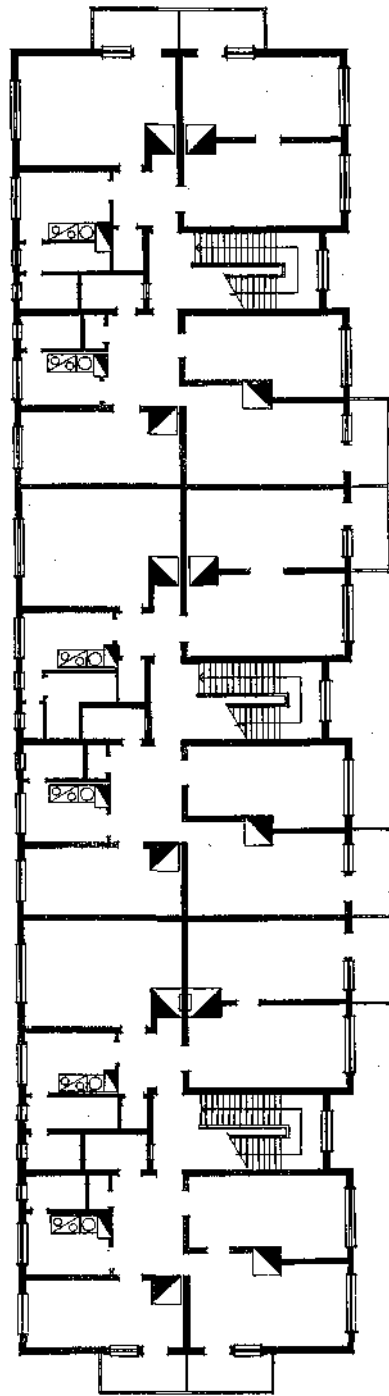
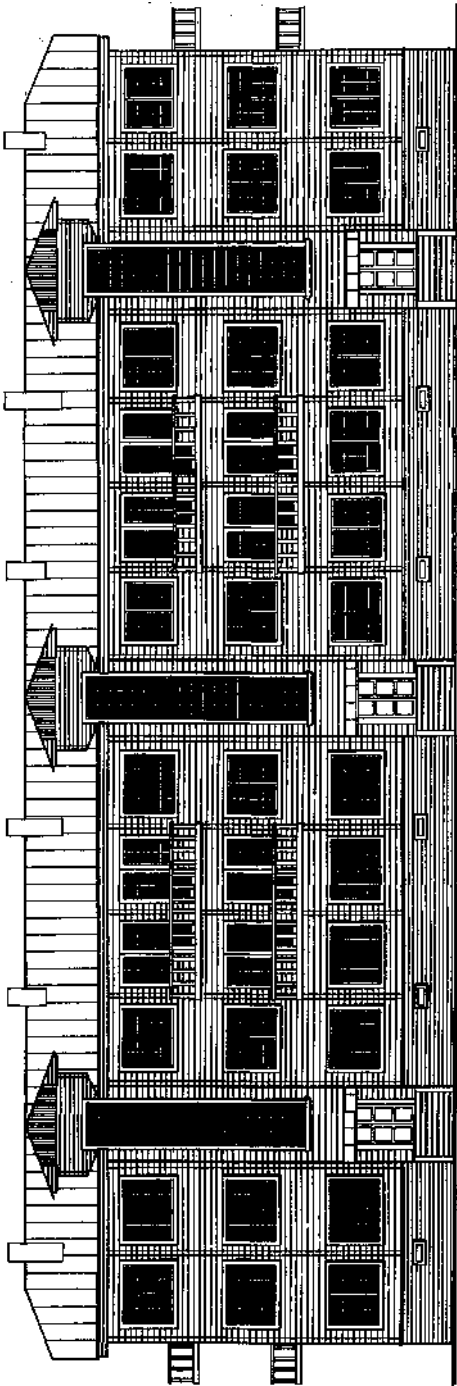




Жилой дом на Комсомольской ул. Уличный фасад, план этажа.

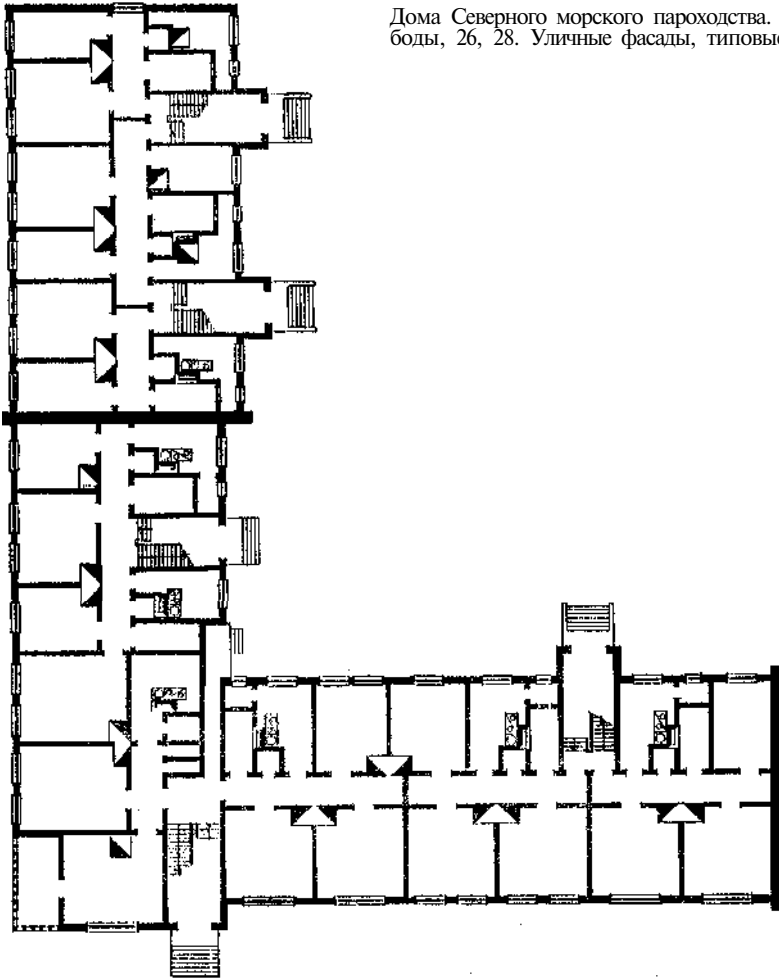
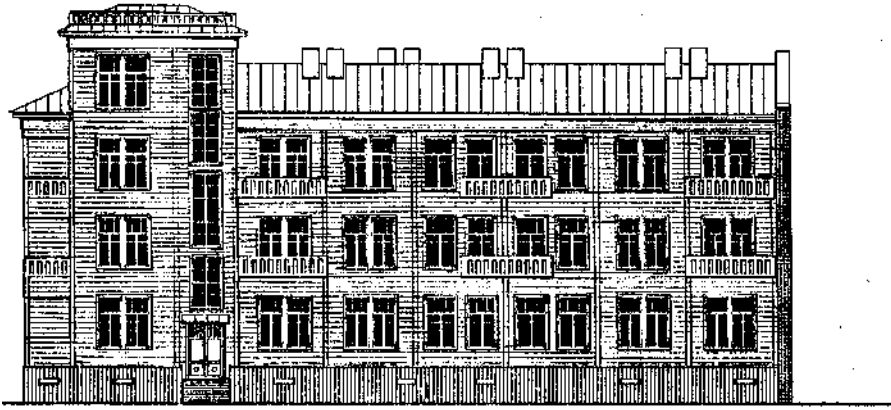


Двухсекционный жилой дом. 1935. Пр. Ломоносова, 283. Главный фасад, планы секций.



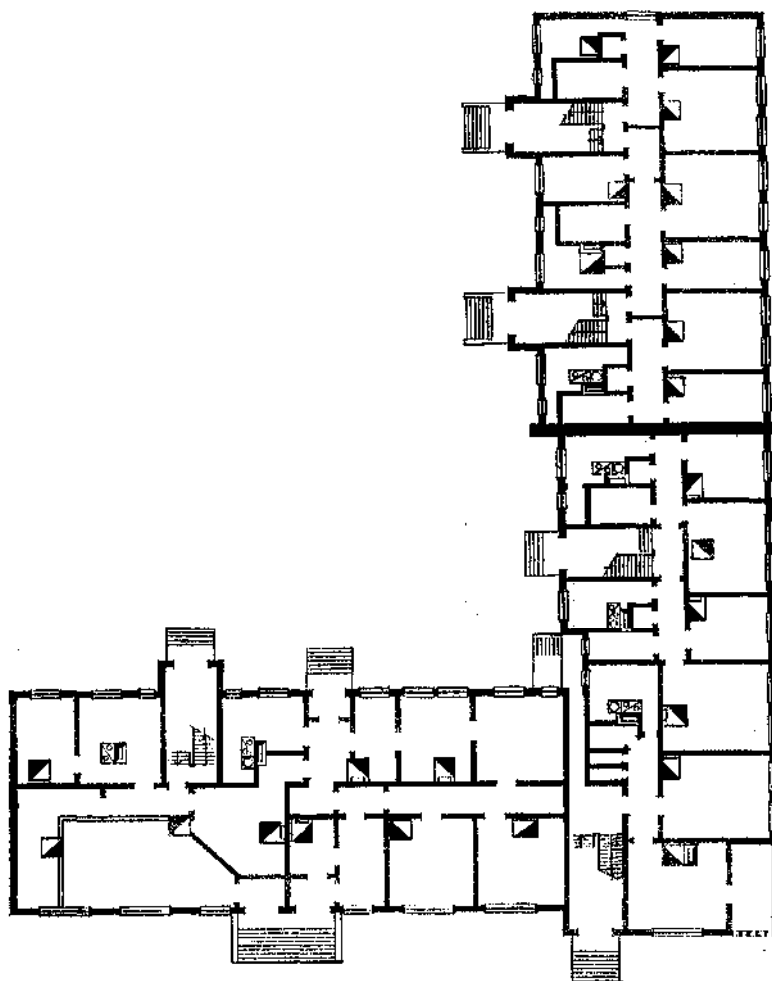
Трёхсекционный дом Северного морского пароходства. 1932. Ул. Володарского, 26. Уличный фасад, типовый план этажа.





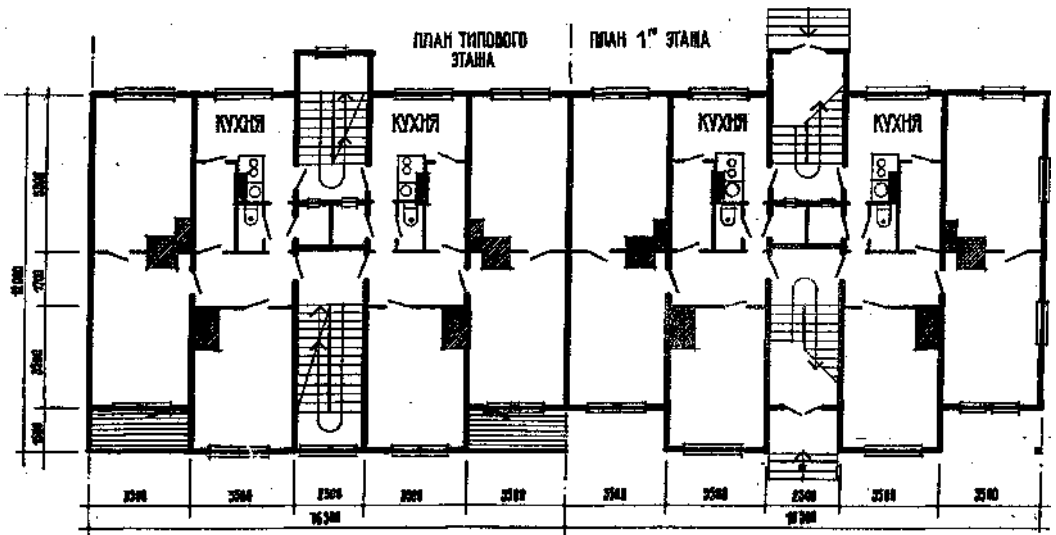
Дома Северного морского пароходства. 1933, Ул. Свободы, 26, 28. Уличные фасады, типовые планы этажа.







Кооперативный дом Северного речного пароходства. 1936. Набережная, 33а.  
Главный фасад, планы этажей секций.





которого заранее детерминированы самими социальными процессами. «Чистое искусство», даже отдельные гениальные находки по принципу «знаю как», не могут переориентировать поведение общества, не могут притязать на роль провозвестников грядущей лучшей цивилизации. И что такое «новый человек»? Коммунистическая идеология отвергла толстовский призыв к нравственному самосовершенствованию. Значит, не о нем речь. Не будем задавать вопрос, можно ли, волюнтаристски включив человеческую личность в новые общественные отношения, заменить ее фундаментальные биологические, психологические, моральные устои иными, кем-то придуманными якобы более прогрессивными. Спросим себя — а надо ли это? Результат таких усилий, предпринимавшихся у нас на протяжении семи десятилетий, — пресловутый «хомо советикус». Утопия обернулась страшной антиутопией.

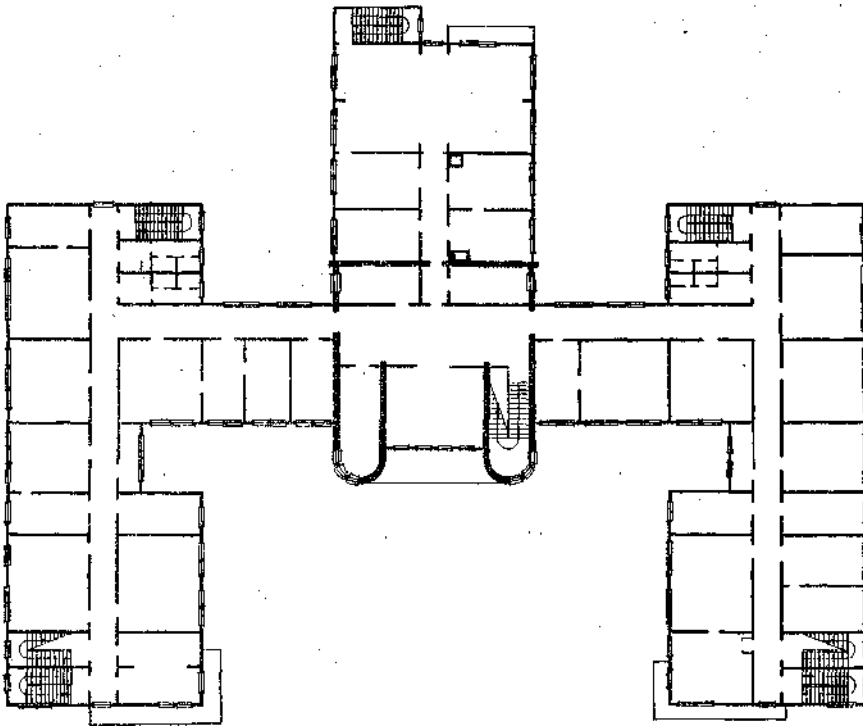
Действительность взяла верх в соревновании с конструктивистами. Занимаясь, по сути, футурологией, предлагая модели для будущего, они, увы, не сумели поладить с настоя-

щим. Это не вина их, а беда, predetermined историческими обстоятельствами, в которых жилищная проблема объективно решалась только с помощью коммунального заселения. Благородным прожектерам легко было ошибиться, принять противоположную ситуацию за желанный идеал. Если бы его удалось навязать народу в «сублимированном» виде тех же домов-коммун, власти, наверное, ничего не имели бы против. Не вышло. Тогда конструктивисты, руководствуясь уже вековым здравым смыслом, стали возводить дома с удобными отдельными квартирами. Не ко времени! Сталинское «пролетарское государство» и не могло, по экономическим причинам, обеспечить ими всех граждан, и не очень хотело массового обособления семей, в какой-то степени затруднявшего тотальный контроль над людьми.

Наивность конструктивистов, их неспособность увидеть реальное положение вещей, как ни парадоксально, помогли отечественной архитектуре тех лет воспарить духом, занять лидирующие позиции, стать примечательнейшим явлением мировой культуры. Но и эсте-

Здание Облпотребсоюза с магазином и столовой. Стояло на набережной между ул. Поморской и Володарского. Фрагменты набережного фасада, план второго этажа.





тические принципы конструктивизма, разумеется, небесспорные, в конце концов показались советской правившей «образованщине» прямо враждебными. Не кто иной, как бывший покровитель художественного авангарда Анатолий Луначарский, бросил лозунг: «Колонны для народа!» Восторжествовал помпезный сталинский неоклассицизм.

Надвинувшаяся реальность, с которой конструктивисты столкнулись теперь с глазу на глаз, не оставляла места для фантазий, душила любую оригинальность, принуждала симу-

лировать творчество. Многие просто ушли из профессии, переквалифицировались в инженеров-строителей, администраторов, плановиков.

...Еще впереди было строительство полностью деревянных городов-спутников — Северодвинска и Новодвинска, а в центре самого Архангельска, на набережной, в начале 30-х годов вознесся первый пятиэтажный каменный Дом специалистов, заронив смутное предчувствие, что деревянному Архангельску, возможно, не в столь уж далеком будущем суждено уйти с исторической сцены.



## 6

### *Пешкой в историю*

В послевоенные годы деревянный город скрипел, трещал, но все еще жил, помогая нарождавшемуся каменному обрести некий колорит. Однако возраст большинства старых домов если и не переступил критическую черту, то очень к ней приблизился.

По мере развития массового жилищного строительства «деревяшки» сносили, а люди из них переселялись в панельные «пятиэтажки» на вбитых в болотистую почву железобетонных сваях — эстетически убогие, напоминавшие казармы. Разнообразие цветовых решений дела не меняло. Обновлявшийся Архангельск не становился краше. Улицы и целые районы начинали походить друг на друга. Официозность присутственных мест и гигантизм пустых пространств изгоняли человеческий масштаб из среды обитания. Новая «архитектура», безразличная к истории, утратила эмоциональность, самобытность.

Под предлогом пожарной опасности, плохих гигиенических условий, дефицита воздуха и солнечного света в деревянных домах, а также узости улиц, проект детальной планировки центральной части Архангельска, разработанный ЦНИИЭПЖилища, уготовил городу уничтожение его архитектурного наследия. В результате бездушной и бездумной раскорчевки, именованной выборочным сносом, исторические кварталы зияли пустотами, уходили в небытие дома, которые стоило сохранить.

В свое время редкий горожанин не замедлял шаг у дома Двойниковой на углу улицы Карла Либкнехта и проспекта Чумбарова-Лучинского. Дом был известен изящным круглым эркером, бельведером и флюгером с цифрой «1909». Когда его разбирали, любой мог убедиться, что он сделан из отличного материала по всем правилам строительного искусства. Бывает, живешь в полной уверенности, что у тебя есть друг. Видишься с ним от случая к случаю, тем не менее само существование его имеет для тебя важный, хотя и неясный смысл. Но однажды, придя к заветной двери, узнаешь, что твоего друга больше нет. Вот так не стало и этого дома. Теперь на его месте торец магазина «Дом книги», однако еще живо ощущение присутствия мощного красавца, не заслужившего своей судьбы.

Нет больше на Поморской улице двухэтажного дома, где жил художник и сказочник Степан Писахов. Нет штаб-квартиры первой русской экспедиции к Северному полюсу под руководством Георгия Седова.

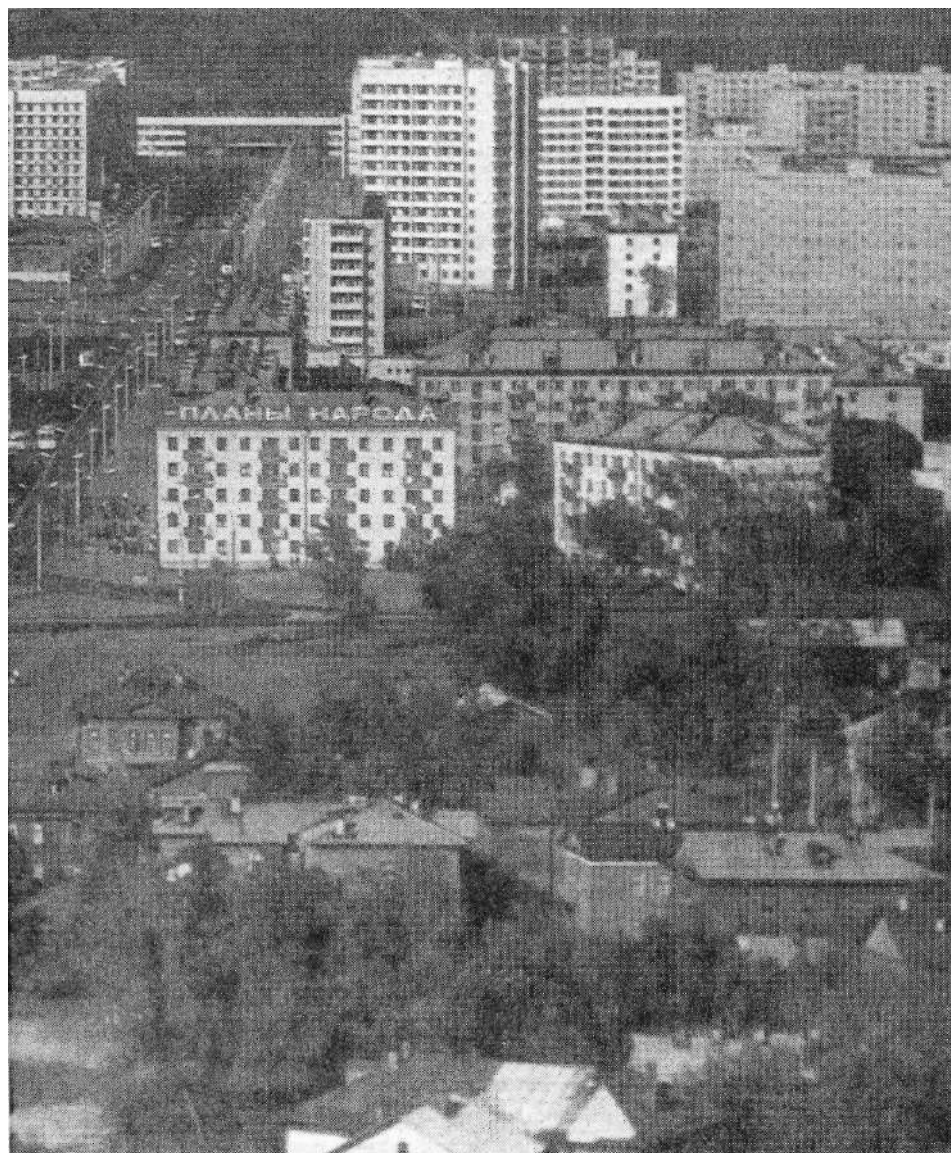
Двухэтажный деревянный домик в Соломбале, нанятый для экспедиции, не отличался от остальных. Узнавали его по воротам, на столбах которых имелись грубо вытесанные изображения львов. В этом домике пришлось прожить почти месяц, Георгий Яковлевич и Вера Валериановна занимали две комнаты верхнего этажа<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Пинегин Н. Георгий Седов. — М. — Л.: изд-во Главсевморпути, 1956. — С. 207.

Каменный город Наступает на деревянный. Фото начала 70-х годов.







Общественность города просила перенести дом на другое место, но власти предпочли предать историческое здание огню. Сожгли его ночью, накануне пообещав сохранить. Мемориальная мраморная доска, укрепленная на фасаде, бесследно исчезла.

Почти полностью пропала колоритнейшая особняковая Немецкая слобода. Зато на углу улицы Логинова и проспекта Павлина Виноградова теперь бассейн. Разве другого места ему не было, что сломали здесь истинно архангельский дом Вальнева?

Обрушивающиеся на человека бесчисленные жизненные проблемы притупляют его чувствительность. Находясь изо дня в день в одной и той же среде, мы теряем дар чистого наслаждения окружающим, привычное приедается. Как мало было голосов протеста, когда начали крушить старый Архангельск! Но, пусть не сразу, а только после множества безвозвратных утрат, пришло осознание угрозы, нависшей над уникальным культурным и социально-историческим феноменом — крупнейшим в мире массивом деревянной архитектуры, где каждый еще сохранившийся дом — немой свидетель прошлого.

Для многих стало своего рода ритуалом побродить на досуге по старым улицам. В деревянных домах люди разглядели память промелькнувших мгновений, бесконечно более живую, чем та, что запечатлена официальными монументами. Вспомнили, к примеру, как в конце 30-х годов горожане боялись проходить мимо двух домов на проспекте Чумбарова-Лучинского. В доме № 68 жил начальник ОГПУ Северного края Аустрин, во втором от угла доме — его заместитель Шейрон. В Ар-

хангельске аббревиатуру ОГПУ расшифровывали по-своему: «О Господи, Помоги Убежать», или в обратном порядке: «Убежишь, Поймают, Голову Оторвут».

Изменение настроения чувств было связано с индустриализацией архитектуры, в которой доминировали «технологичность», «экономичность», а красота и качество ни в грош не ставились. Люди, всю жизнь простоявшие в очереди на жилье, получали примитивную, стандартную квартиру с низкими потолками, плохо спроектированную и плохо сделанную. В старых домах, напротив, привлекали единство формы и содержания, ремесленная основательность построек. После многих лет обвинений городского деревянного зодчества, в безвкусице признали, наконец, что это тоже искусство со всеми его приметам и особенностями — своим видением мира, своей философией, своими представлениями о прекрасном, искусство, отличающееся остротой и непосредственностью взгляда на мир. Конструктивистские дома, некогда казавшиеся наскоро спроектированными и наспех осуществленными, стали восприниматься как плоды интенсивного поиска путей в неведомое.

Дистанция в десятки лет позволила разглядеть, оценить то, что и старые, и первые советские мастера строили добротное, основательное жилье с высокими потолками и большими, светлыми комнатами, удобными входами и внутренними коммуникациями, хорошей теплоизоляцией. Современные дома комфортабельны, но в них каждый сантиметр на учете, никаких излишеств. А ведь без излишеств — скука! Вся творческая энергия жильцов уходит на создание иллюзии большого

пространства с помощью обоев разного цвета, других отделочных материалов, освещения, подбора и расстановки мебели.

Мы поняли, сколь необходимо и выгодно рачительное, правильное использованиецелевших деревянных зданий. Они расположены в центральной части города, индивидуальны, легко поддаются изменениям, чаще всего подходят по размерам к многим необычным для них ранее ролям. Санированный и полностью приведенный в соответствие с сегодняшними требованиями старый дом смело может поспорить с новым в отношении оптимальности.

В один действительно прекрасный день общественность впервые сказала свое слово: намеченный к сносу Дом офицеров, бывшее Коммерческое собрание, надо сохранить и отреставрировать до мельчайших деталей. На рубеже 70-х и 80-х годов жители Архангельска уже проявляли такой горячий интерес к деревянной архитектуре, что городские власти были вынуждены внять гласу народа.

С 1981 года кафедра инженерных конструкций АЛТИ ведет систематическое научное исследование исторической застройки Архангельска. Началось оно в центре города — на территории от улицы Гагарина до улицы Выучейского и от набережной до Обводного канала. После всех злоключений здесь выстояли 663 деревянных дома — по отдельности и группами, вперемежку с новой застройкой. Время, вместившее в себя и войны, и всяческие «великие переломы», и пренебрежение к истории, изменило их облик не в лучшую сторону. Но даже запущенные, обветшалые, они демонстрировали достоинства прежней, несущей

етной архитектуры, не всегда безукоризненной, но всегда искренней и волнующей. В некоторых домах чудом сохранилось даже убранство интерьеров начала века.

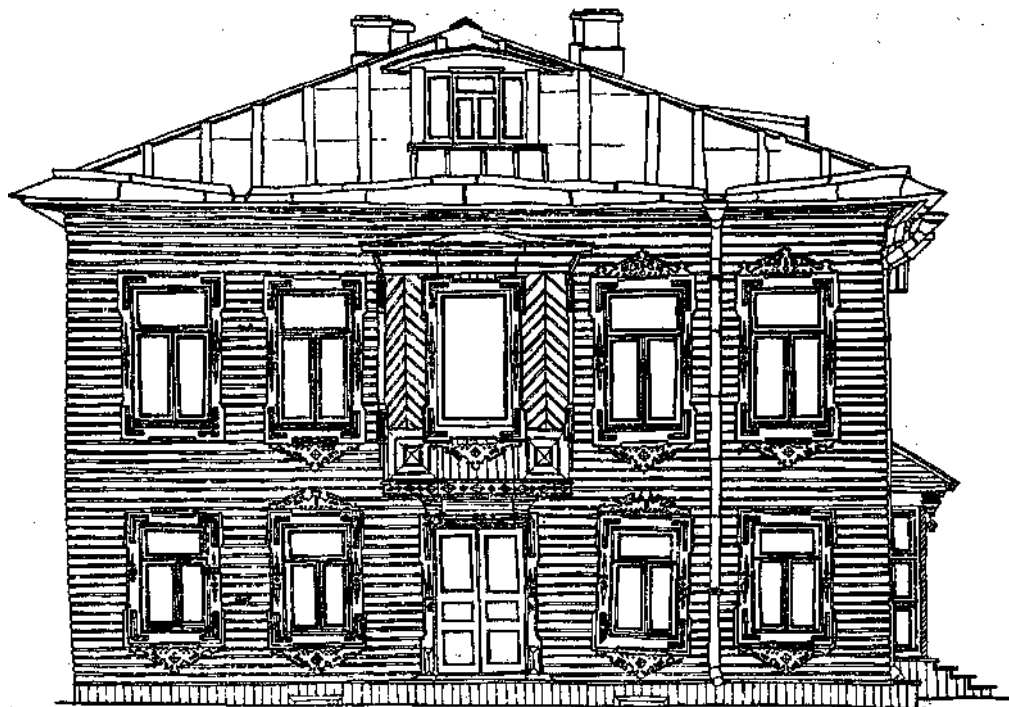
Практическая задача заключалась в выявлении и паспортизации памятников архитектуры, нанесении их на план города. До этого деревянный Архангельск не изучался, старые дома не обмерялись, даты возведения большинства из них оставались неизвестными, фотодокументы были разрозненными, отсутствовали публикации об исторической застройке, а тем более рекомендации по сохранению ценных зданий в увязке с проектом детальной планировки городских районов. Незнание вело к отрицанию. Официальный вывод об особняке Беляевского гласил: это не более чем «норвежский домик». Воротили нос и от конструктивистской архитектуры. Сегодня особняк Беляевского «посмертно» занесен в реестр лучших образцов местного зодчества, а конструктивизм почитается наравне с классицизмом и модерном.

Прежде всего следовало определить, что такое, применительно к нашему случаю, памятник архитектуры.

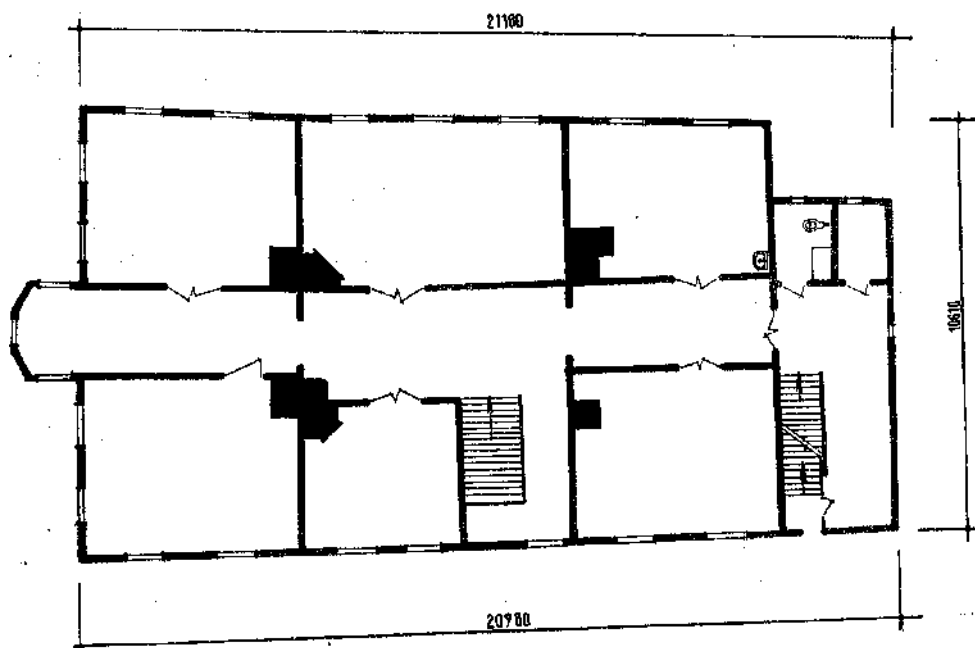
Если перефразировать известный афоризм, здания памятниками не рождаются, они ими становятся. Очевидцы появления нынешних памятников не считали их чем-то экстраординарным. «Перелицовывая» свой особняк (классицистские интерьеры заключались в «швейцарскую» оболочку), архангельский коммерсант Шарвин хотел только, чтобы он отвечал его собственному вкусу, желаниям да еще общим представлениям людей его эпохи о том, как должен выглядеть престижный жи-

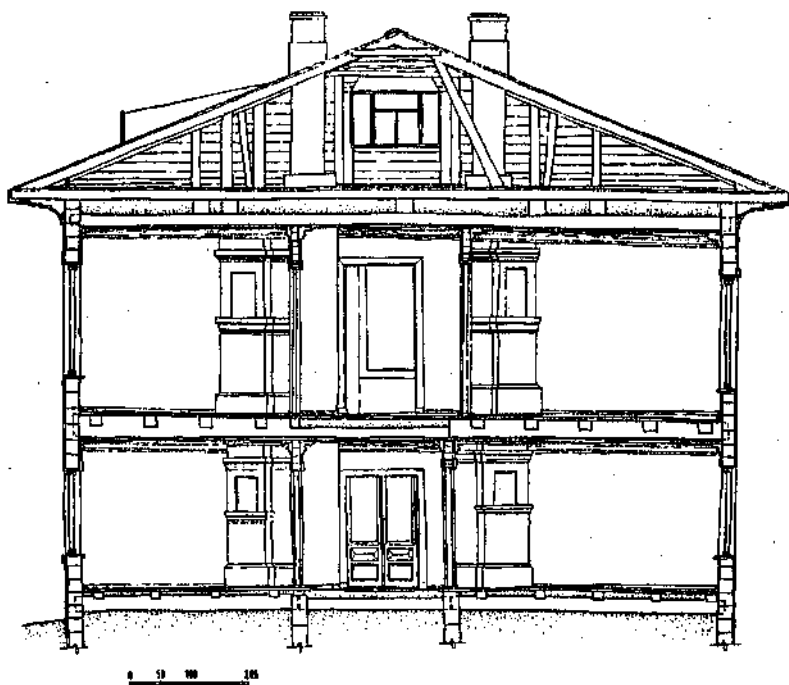


Коммерческое собрание на своем историческом месте, на пр. Павлина Виноградова. В 1978 году здание перенесено на пр. Чумбарова-Лучинского. Первый в Архангельске сохраненный по требованию общественности архитектурный памятник.

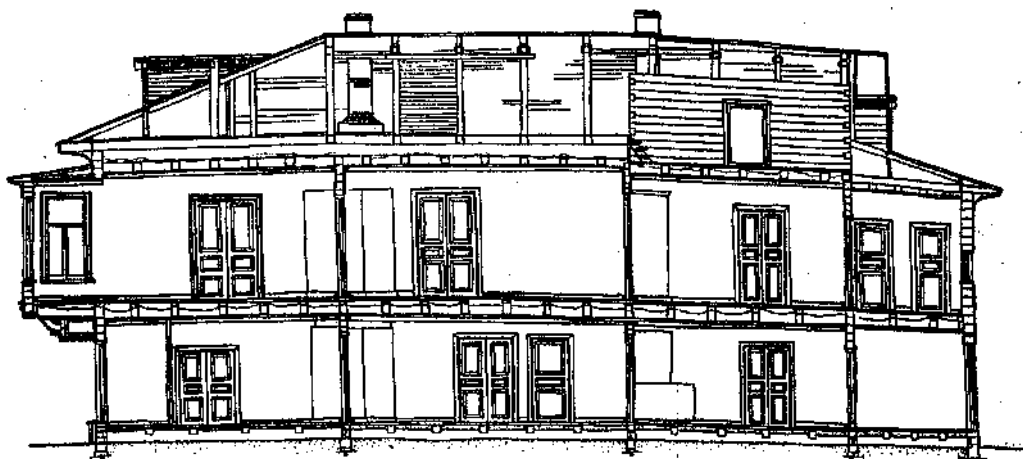


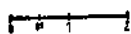
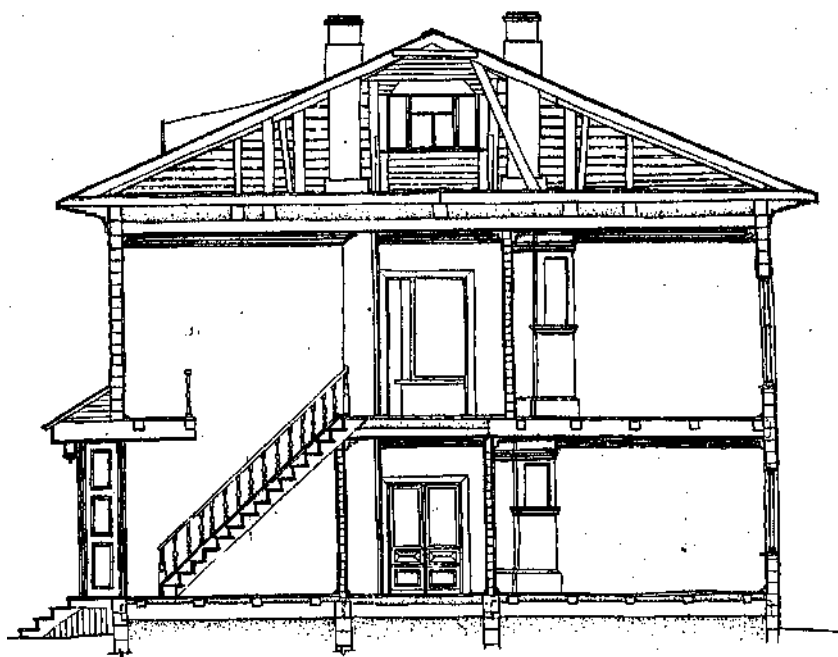
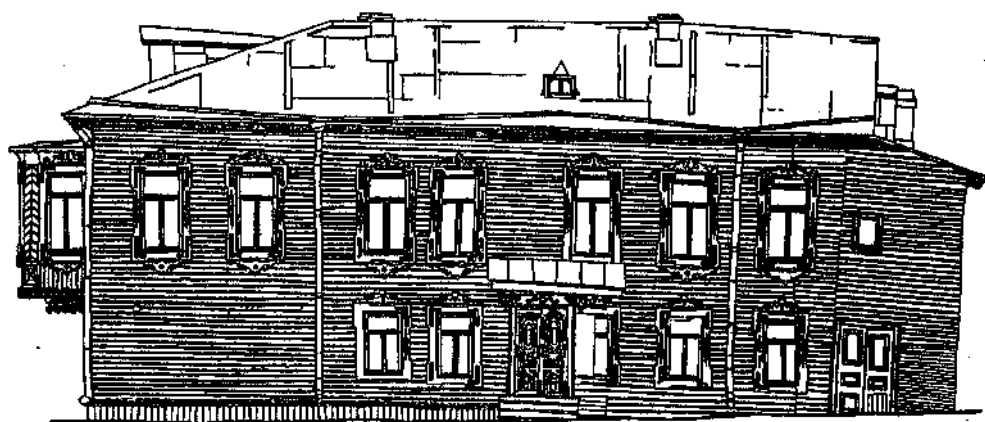
Обмерные рисунки старого деревянного дома, стоявшего на набережной, рядом с пл. Профсоюзов. Набережный фасад, план.

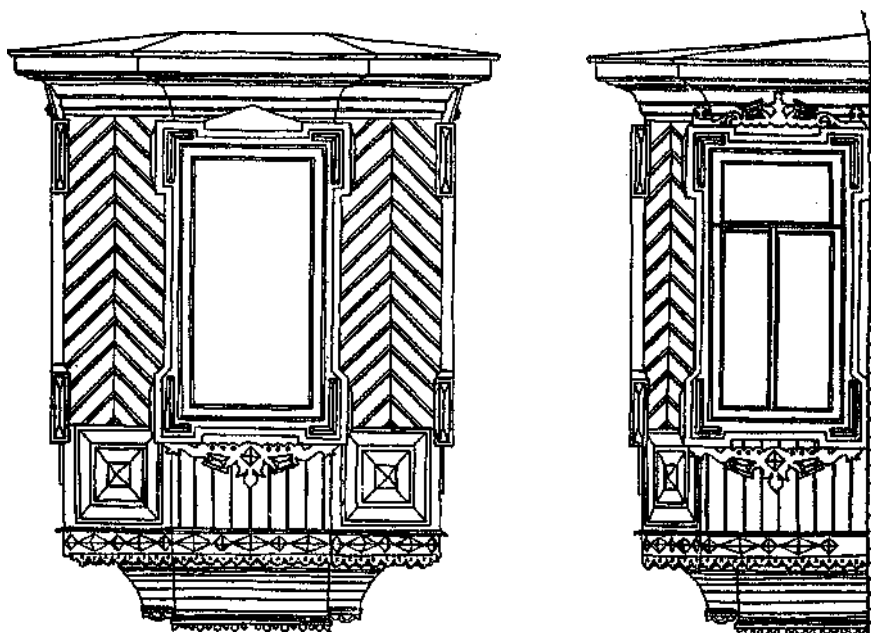




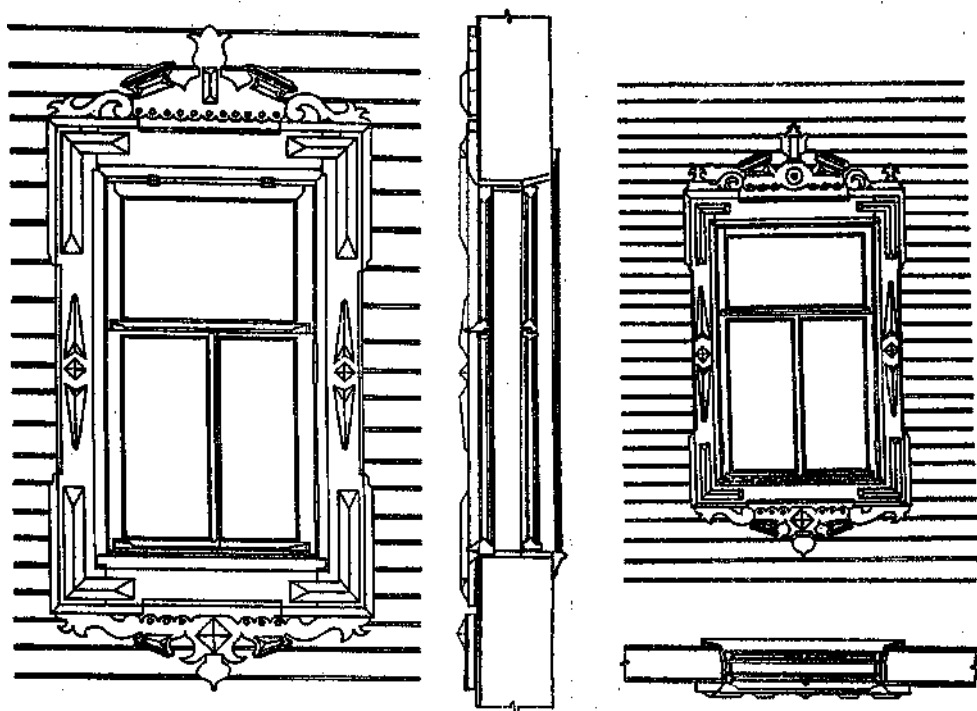
Обмерные рисунки. Поперечный разрез, продольный разрез, справа — дворовый фасад, разрез по лестнице.







Обмерные рисунки. Эркер, наличники окон.





лой дом. Роскошь декора этого особняка соизмерялась с социальным положением его владельца. Тогдашние вкусы, понятия, взгляды, да и технологии давно отвергнуты либо забыты, выпеснены новыми и еще более новыми. Наверное, уже для детей Шарвина его задумка утратила первоначальный смысл. Но и после этого потребовалось немало времени, чтобы особняк постепенно стал осознаваться «просто» как выдающееся произведение искусства. Вступила в действие магия любой старины — таинственная притягательность всего, что устояло перед разрушительной силой десятилетий и веков.

Таким образом, памятник архитектуры — во многом феномен восприятия. Это понятие может относиться не только к шедеврам, но и к более скромным объектам, приобретающим со временем значительную культурную ценность, и даже к городской или сельской среде, обладающей характерными признаками определенной цивилизации, особого пути развития либо несущей на себе отпечаток крупного исторического события.

Для обоснования принадлежности старого здания в Архангельске к категории памятников архитектуры были использованы следующие критерии: возраст сооружения, его типичность, этапная роль в развитии городского деревянного зодчества, градоформирующее значение, наличие черт того или иного художественного стиля (нередко, как в архитектуре упомянутого особняка Шарвина, сразу двух стилей — более раннего и более позднего), наконец, общая эстетическая оценка (для большинства деревянных сооружений — в

первую очередь оценка их убранства, качества декора).

Установить точную дату возведения дома зачастую оказывалось не так-то просто. В паспортах домов, хранящихся в городском инвентаризационном бюро, в графе «год постройки» — множество почти ничего не говорящих записей: «До 1917 года».

Пришлось начинать с сегодняшних владельцев и от них двигаться в прошлое. Очень помогли проектные материалы, хранящиеся в областном архиве и некоторых семьях. Эти детальные графические изображения выявляют специфику дома, участка и окружающей территории, содержат сведения о размерах и форме домов в первоизданном виде, по ним можно проследить дальнейшие конструктивные изменения. Рядом с датой согласования проекта указана фамилия, социальное положение или профессия владельца дома. Имена сверялись по старым адресным книгам, городским путеводителям, даже по некрологам в газетах. Те же источники позволили проследить и переходы домов из рук в руки (иногда встречались интереснейшие генеалогии).

В поисках сведений об авторах проектов подняли правовые документы из семейных архивов. Большим подспорьем служили старые фотографии. Особый интерес представляли устные свидетельства прежних домовладельцев, их соседей, вообще старожилов, не принимавшиеся, однако, на веру, поскольку память человеческая ненадежна. Так удалось восстановить историю изучаемых домов до середины XIX века.

Одновременно исследователи обратились к вторичным источникам — историческим мате-

риалам, касающимся эволюции деревянного города. В областной библиотеке, например, имеются рукодельные альбомы поквартальных планов Архангельска, датируемых 1829 и 1865 годами.

Натурные обследования включали фотосъемку, зарисовку и обмеры домов. Фотографирование производилось со стороны каждого из четырех фасадов и углов, снимки карнизов, наличников, декоративных украшений и обшивок делались крупным планом. Затем все зарисовывалось. Дома обмеривали снаружи и внутри, фиксируя выступы и углубления, размеры окон и дверей, их естественный ход, высоту помещений. По длине фасадов в сравнении с габаритами интерьеров вычисляли реальную: толщину стен. Тщательно зарисовывали и измеряли печи, вытяжные трубы, лестницы, отмечая у последних количество и величину ступеней. Как заправские детективы, исследователи отыскивали на чердаках и в надворных постройках отвалившиеся когда-то или выброшенные за ненадобностью архитектурные элементы, определяли их изначальное местоположение. Оконные рамы с мелким переплетом подсказывали, какие именно были в доме стекла до того, как в моду вошли большие.

Собралась картотека на 60 с лишним домов, из которых 12, после суммарной оценки по всем названным выше критериям, обрисполком принял в 1987 году под государственную охрану. Главное управление охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры при министерстве культуры РСФСР утвердило их в качестве памятников местной архитектуры. Еще 13 старых зданий,

не обладающих ярко выраженными эстетическими характеристиками памятника, желательно сохранить в целях изучения особенностей местного быта и уклада жизни. Законодательство обеспечивает право на защиту и таким объектам.

Выявление наиболее ценных с различных точек зрения домов позволило перейти к решению вопросов, связанных с их сохранением и включением в жизнь современного города.

Жить в городе или любоваться им? Это ложная дилемма. Сотни архангелогородцев, участвуя в дискуссии на страницах местной печати, заявили: и жить, и любоваться. Но сохранение старины стоит немалых денег, у нее должны быть заинтересованные хозяева. Взяв на себя отселение людей, городские власти передали исторические дома различным организациям и учреждениям, чтобы те своими силами и средствами приспособили памятники под собственные нужды, а значит, восстановили их.

В архитектурных кругах есть присловье: лучше консервировать, чем ремонтировать, лучше ремонтировать, чем реставрировать, лучше реставрировать, чем реконструировать.

Консервация подразумевает поддержание старого здания в существующем виде и пригодном для эксплуатации состоянии.

Ремонт, то есть функциональное восстановление постройки, допускает избирательные изменения в ее структуре и деталях с сохранением всех ее существенных черт.

Реставрация подразумевает возвращение зданию того вида, который оно имело в некий определенный момент своей истории. Основная на уважении к подлинности, к доку-

ментам, всегда предваряемая и сопровождаемая скрупулезными исследованиями, реставрация прекращается там, где начинается гипотеза. «Предположительные» дополнения, какими бы доводами они ни аргументировались, неизбежно несут признаки нашего времени, искажают исторический облик памятников. Не возбраняется, однако, применять взамен традиционных современные строительные технологии, эффективность которых гарантирована опытом.

Наслоения, привнесенные в архитектуру памятника различными эпохами, сохраняются, поскольку реставрация не ставит своей целью добиться единства стиля. Более ранний культурный пласт может быть выявлен, если удаляемые позднейшие элементы не представляют интереса, если благодаря этому значительно повышается историческая и (или) эстетическая ценность произведения, если сохранность раскрываемого слоя признана удовлетворительной. Во всех подобных случаях автор проекта не вправе принимать решение единолично.

Правомочен любой из трех подходов, выбор диктуется конкретными обстоятельствами, прежде всего состоянием памятника, но также и задачами его дальнейшего использования. Наиболее сложные проблемы у новых владельцев старых архангельских домов возникнут при реставрации. Придется, например, заменять отсутствующие дверные полотна, оконные рамы, украшения потолков, панельные обшивки, целые архитектурные блоки. Для выяснения их точного дизайна могут потребоваться дополнительные обширные исследования. Иногда вырывают сохранившиеся

аналогичные детали — их берут за образец. Если таковых не найдется, поможет изучение других домов того же типа, что и памятник, расположенных в городе и регионе. Некоторые предприятия лесной промышленности Архангельска оснащены оборудованием, позволяющим изготавливать «старинные» профилированные доски для обшивки стен. Не следует устранять изменения, которые претерпел дом (даже в пределах одной комнаты) на протяжении своей истории, если они имеют яркие признаки того или иного стиля.

Предпочтительнее всего сохранять памятники архитектуры на месте возведения. Когда это совершенно невозможно, их передвигают либо переносят на новое место, например, в музей под открытым небом, в близкие к естественным условия.

Из памятников деревянного зодчества Архангельска передвинут пока один — дом Ульяновского, весом около 500 тонн, «отъехавший» на 33 метра назад вдоль улицы Володарского в связи с расширением проспекта Павлина Виноградова. Пусть дома у нас деревянные, относительно легкие, простой формы, такая операция — всегда мини-чудо инженерного искусства, а ее участники испытывают непередаваемое чувство удовлетворения и гордости. Осуществленная в 1983 году по проекту и под руководством инженера Леонида Левина, она обошлась примерно в 50 процентов стоимости сооружения. На очереди передвижка особняка Калинина вдоль улицы Поморской, подальше от расширяемого проспекта Ломоносова.

Основным способом сохранения примечательных зданий в Архангельске становится их перенос, при котором дом разбирают и соби-



Особняк Калинина. В связи с расширением пр. Ломоносова планируется его передвижка вдоль ул. Поморской.

рают вновь на другом месте, с заменой или санацией ветхих конструкций. Так «переселился» с набережной на проспект Чумбарова-Лучинского дом Чудинова. В нем теперь областное бюро путешествий и экскурсий.

Сейчас подходят к концу общестроительные работы на проспекте Чумбарова-Лучинского, где согласно проекту, разработанному в 1986 году по инициативе архитектора Владимира Лопатко сотрудниками Архангельских научно-реставрационных производственных мастерских, создается заповедная зона деревянного зодчества. Она призвана не только воскресить старину, но и оживить центр современного Архангельска.

Еще в XVII столетии здесь пролегалая главная улица Стрелецкой слободы, одна из важнейших в городе. В 1783 году его верхнюю часть охватил огромный пожар, погубивший более 200 домов. Сгорела и эта улица, но вскоре отстроилась заново. Впоследствии она не раз меняла название — Малая Мещанская, Средний проспект, Псковский проспект, пока не получила нынешнее. На проспекте стоят несколько каменных домов, возведенных в 1900-е, а также в 1950-е годы, на месте тех, что были разрушены в 1942-м при налетах фашистской авиации. Усадьбная структура кварталов давно утрачена. Целиком сохранилась лишь усадьба Кунищных, на пересечении с улицей Серафимовича.

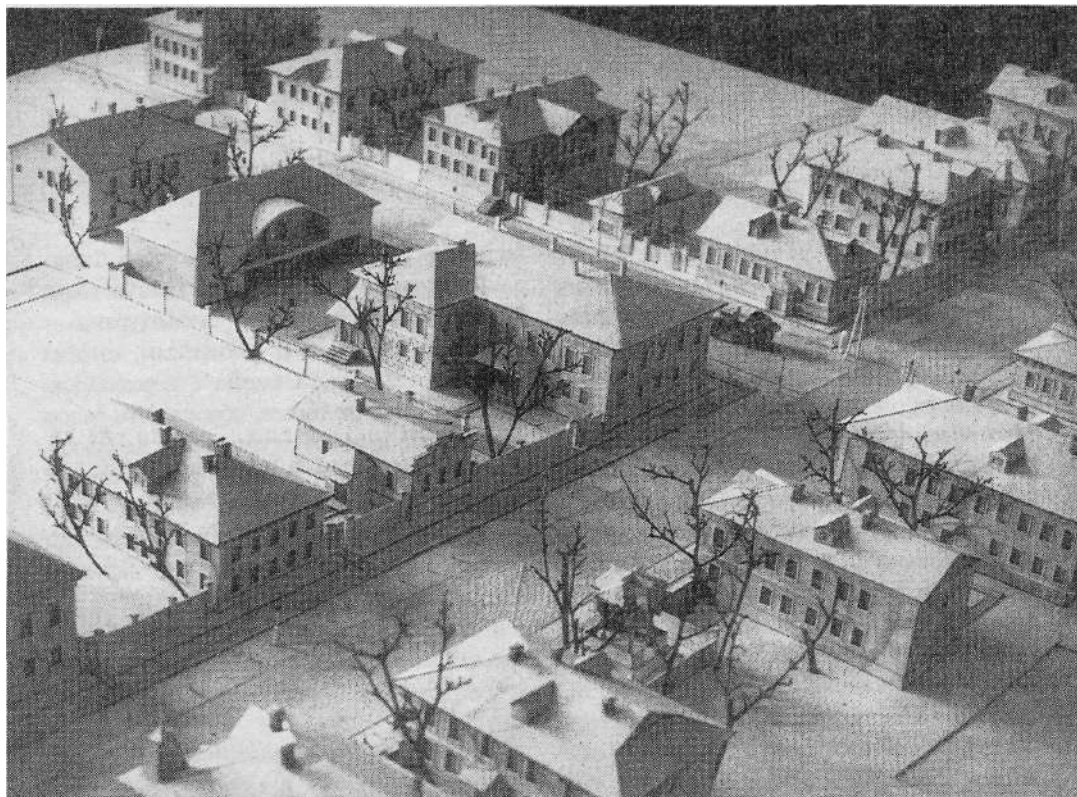
В память о славных художниках северного слова Писахове и Шергине архангелогородец С. Половников предложил создать на углу Поморской улицы усадьбу поморских сказок, где было бы на что поглядеть, а ребяташки могли бы и развлечься. Хорошая идея, тем

более что Поморская — родная улица Степана Писахова, он провел здесь многие годы. Усадьбу можно «заселить» скульптурами — вроде той, изваянной В. Михалевым, которая изображает Писахова вместе с персонажами северных сказок и былин, оборудовать рядом динамичные игровые аттракционы на сказочные сюжеты, возвести вокруг резную ограду. Сколько радости доставит детворе такая усадьба! Главное же, она напомнит всем нам о самой сердцевине культуры — ее народной основе.

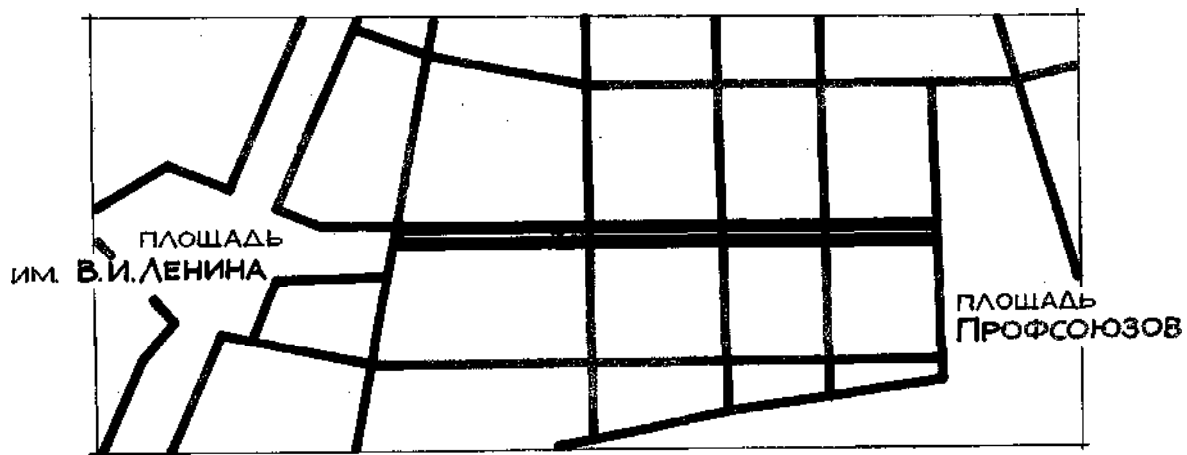
В общем, надо, чтобы заповедная улица предлагала горожанам и жилье, и работу, и торгово-бытовое обслуживание, и культурный досуг.

На проспекте Чумбарова-Лучинского отремонтированы дренаж и теплотрасса. Старинные дома переносятся на железобетонные фундаменты современной конструкции, ветхие элементы заменяются новыми. Приходится разгадывать секреты северных мастеров-древоделов, особенно по части декора. Однако нынешний размах реставрационных работ вернул к жизни искусство домовой резьбы. Нашлись и резчики-умельцы. Заповедная улица уже обращает на себя внимание, отвечает ностальгии по старине. Позволим себе надеяться, что новые застройщики, они же домовладельцы, хотя бы ради собственной выгоды будут присматривать за крышами и водосточками. Деревянный дом при хозяйском к нему отношении живет долго и с годами только крепче делается.

Стать второй историко-архитектурной зоной так и просится нечетная сторона улицы Попова на отрезке от набережной до проспек-



Заповедная зона по пр. Чумбарова-Лучинского, соединяющему два общественных центра — пл. Ленина и пл. Профсоюзов. Фрагмент макета. Архангельские научно-реставрационные мастерские. 1985.



та Павлина Виноградова. Она расположена в бывшей Немецкой слободе, которая отличалась обликом от других районов города. К особняку Суркова, что на углу набережной, примыкают корпуса его же завода. На свободный сегодня угол квартала возле кафе «Каргополочка» можно перенести с улицы Логинова особняк Шарвина, создающий небезопасную для людей тесноту на трамвайной остановке, рядом поместить еще какой-нибудь ценный дом, сделать мостовую из торца — и сразу получится уже озелененная пешеходная улица.

За основу планировочного решения принята застройка Псковского проспекта, как она показана на карте Архангельска, составленной в 1879 г, полицейским Усковым. Часть существующих домов реконструируется, часть подлежит сносу — сюда переместятся более ценные дома с других улиц. Заповедник станет комплексным ансамблем, воссоздающим среду, которая окружала эти дома в начале XX века, соответствующим характеру и размерам города. Это и музейное вкрапление в его ткань, и пешеходная улица — немножко выставка, немножко неоготицизм, удобная для прогулок и встреч, детских игр, карнавалов, шествий, веселых ярмарок. На ней зажгутся фонари, сделанные по старым образцам, появятся булыжная мостовая и деревянные тротуары. Восстановление «тылов» усадеб не предусмотрено — там пройдут пути транспортного снабжения. Но, конечно, возле каждого дома со временем зашелестят листвою два-три традиционных архангельских тополя.

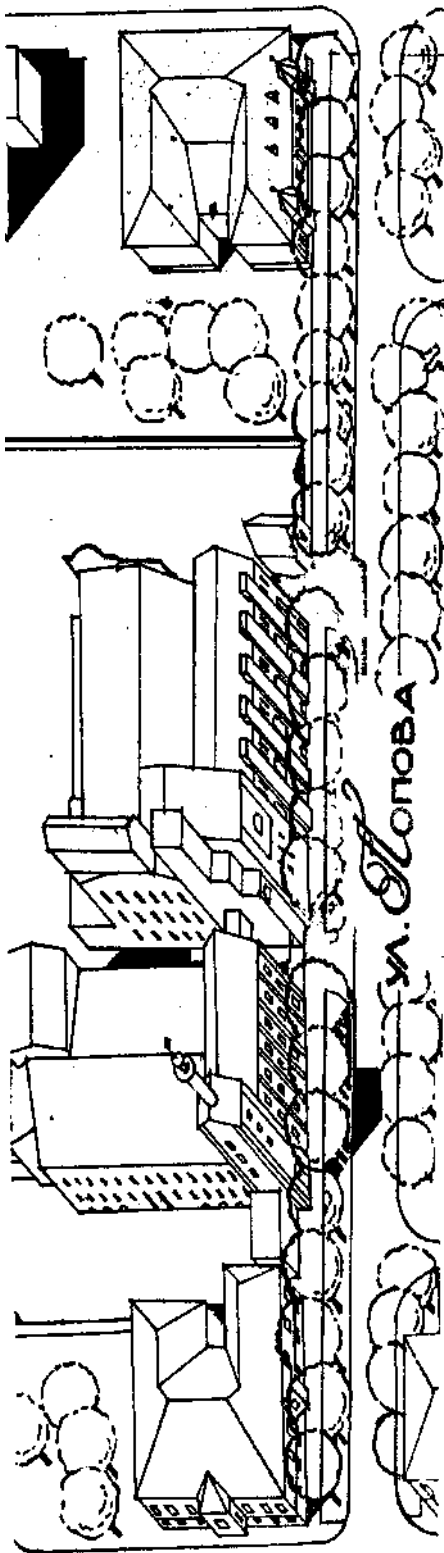
К сожалению, только 30 процентов полезной площади домов отводится учреждениям

культуры и обслуживания. Тем, кто уже живет или будет жить на заповедной улице, просто повезло: современная квартира со всеми удобствами в деревянном доме, в самом центре. Но почувствует ли себя уютно пешеход, которому некуда приткнуться? В старых зданиях очень органичны были бы маленькие кафе, кондитерские, антикварные и цветочные магазинчики, «сувенирные» фотоателье. И сегодня по проспекту идут тысячи людей, завтра к ним добавятся все, кому вздумается побродить по закоулкам памяти.

В усадьбе Куницыных намечено открыть музей быта и интерьеров Архангельска начала XX века. Неподалеку можно устроить зал для экспонирования одной картины. На обычных выставках глаз быстро пресыщается, начинает скользить по множеству цветочных пятен, не в силах остановиться ни на одном; в итоге зачастую испытываешь усталость, даже раздражение. Созерцание же единственного художественного произведения способно вызвать глубокие, сугубо положительные эмоции. Почему бы не убрать перекрытия и перегородки из какого-нибудь двухэтажного дома, не настелить в нем красивый паркетный пол, не завесить холстом противоположную стену, чтобы любоваться укрепленной на ней картиной с любой точки и сколь угодно долго?

Кстати, Общество охраны памятников решает внутреннюю перепланировку старых домов, лишь бы снаружи они оставались такими, какими были когда-то возведены. Разумеется, не должны уничтожаться или маскироваться основные стилистические черты убранства помещений.

Подчеркнем: особняк Шарвина следует



Немецкая слобода  
на отрезке ул. Попова  
от набережной до  
пр. Павлина Виноградова.

именно разобрать и перенести, а не разрушить и построить заново. Так поступили с домом Овчинникова, возведя его на проспекте Чумбарова-Лучинского способом «новодела». Формально сохранный, он лишился подлинности, историко-культурного значения. Убережемся же от соблазна торопливых «простых решений». Но и медлить, тянуть нельзя. Дома, подолгу пустовавшие после отселения их обитателей, оказались жертвами алчного вандализма, утратили не то что свою ауру, а самые прозаические кирпичи, двери, половые доски, металлические части и т. д.

Наряду с памятниками зодчества предмет нашей заботы должны стать деревья-патриархи, свидетели истории: и забывшие свой возраст тополя, поднявшиеся на торфяниках, но кряжистые, густые, и лиственницы напротив медицинского института — все, что осталось от усадьбы Фонтейнисов, и деревья в саду ТЮЗа, заложенном в 1901 году гимназистами на Полицейской улице, варварски изуродованном в конце 60-х при строительстве школы № 3 на улице Свободы. Среди этих деревьев есть выходцы из других краев, прошедшие многолетние испытания в местных условиях. Говорят, мы энергетически зависим от растений. Может, в нас проснется, наконец, желание беречь их ради себя?

Безусловно, у города с населением свыше 400 тысяч человек много других, наиважнейших проблем, в первую очередь жилищная. Но что делать, если именно нам выпало сохранить фрагменты исчезающего деревянного Архангельска, передать их потомкам? Потерянное — потеряно, оставшееся же использу-



ем, так или иначе изменяем мы. В этом смысле все мы—зодчие настоящего и будущего. На нас ложится вина за все, что бесчеловечно, уродливо или дряхло в окружающей нас искусственной среде. Мы все заслуживаем похвалы за красоту, которую создаем, и за любовь, которой ее наполняем. Впрочем, истинное добро не ждет похвал.

Памятники должны стать близкими и понятными каждому. Это задача не столько информации, сколько просвещения. Нужно воспитывать душевную деликатность, которая сочетала бы уважение к прошлому, гордость за дошедшие до нас из глубин времени творения и способность эстетически наслаждаться ими. Быть может, как раз архитектурному наследию суждено исправить наш вкус, испорченный безликостью панельных пятиэтажек. Наследие — один из универсальных, самых ярких и животворных символов, обращение к которому в периоды кризисов, подобных тому, который мы переживаем, помогает нам вновь обрести утраченное чувство единства друг с другом, с природой и историей.

Движение за охрану памятников зодчества оказывает глубоко позитивное влияние на сегодняшнюю архитектуру, пытающуюся преодолеть жесткую догматическую трактовку соотношения формы и функции здания. Наметилась тенденция использовать старые строительные приемы и методы в новых сооружениях. К нам приходит мудрое понимание того, что старое не обязательно всегда и везде заменять новым. Существующее хорошо по-своему, и нет нужды его рушить, Новое и старое могут прекрасно сосуществовать.

Еще недавно тшившаяся целиком осовре-

нить, стандартизировать город, наша архитектурная мысль склоняется к Архангельску историческому, каков он и есть на самом деле, — совокупности разнородных частей, позволяющих проследить его судьбу. Думается, мы на пороге очень значительного шага, который можно было бы назвать революцией, если бы он не означал возврата к тому, что пресеклось семь с лишним десятилетий назад, — строительству по индивидуальным заказам, «личностной» архитектуре. Мы живем в иной, чем тогда, социокультурной ситуации, феномен деревянного города во всей его полноте не возродить, да это и не нужно. Однако многое из старого сгодится.

В сущности, традиционный архангельский дом — типовой, но не было и двух одинаковых по внешнему виду, каждый был привлекателен по-своему. Это ли не урок? Вероятно, мы вернемся к украшению жилых домов, ибо такова естественная и неизменная потребность человека в любые времена, и нам будет очень кстати накопленный деревянным городом запас красоты. Наша ностальгия по дворам вызвана не столько отсутствием компактных замкнутых пространств в новых районах, сколько исчезновением дворовых сообществ, порожденных условиями 20—40-х годов. Но сумеют ли молодежные жилищные комплексы, стремящиеся сохранить коллектив, который складывается при строительстве дома, восстановить двор в его социальных функциях, чтобы он перевоплощал равнодушных квартиросъемщиков в добрых соседей?

И не появится ли снова, поколения через два, самобытная архангельская архитектура? Предпосылка тому — неприятие большинст-

вом жителей почти всего, что приобрел город за последние десятилетия. Любить это просто нельзя. Архангелогородцы считают, что вопросы развития города должны обсуждаться всем миром, что преобразования хороши, когда новое гармонично сочетается со старым, как, например, в городах прибалтийских государств.

Радуюсь памятникам деревянного зодчества на заповедной улице в центре Архангельска, спрашиваешь себя: неужели все-таки о дереве придется говорить в прошедшем времени? Правда, дерево использовано в покрытии

Дворца спорта и рынка, но подобные примеры должны множиться. Дерево продолжает нравиться людям, и тут нет ничего удивительного. Это сама природа — живой, дышащий материал, по цвету и текстуре остающийся лучшим в арсенале архитектора. Дерево по-прежнему затрагивает самые сокровенные струны нашей души, ассоциируется с чем-то далеким, наверное, с древнейшей эпохой человеческого бытия. Прикоснитесь ладонью к бетону и к доске: что из них греет? Бетон, кирпич, стекло... Насколько теплее, мягче жить среди «деревьев»!



## 7 *Архангельский пейзаж*

Неоценимую помощь в изучении деревянно-города оказали мне старые гравюры и фотографии.

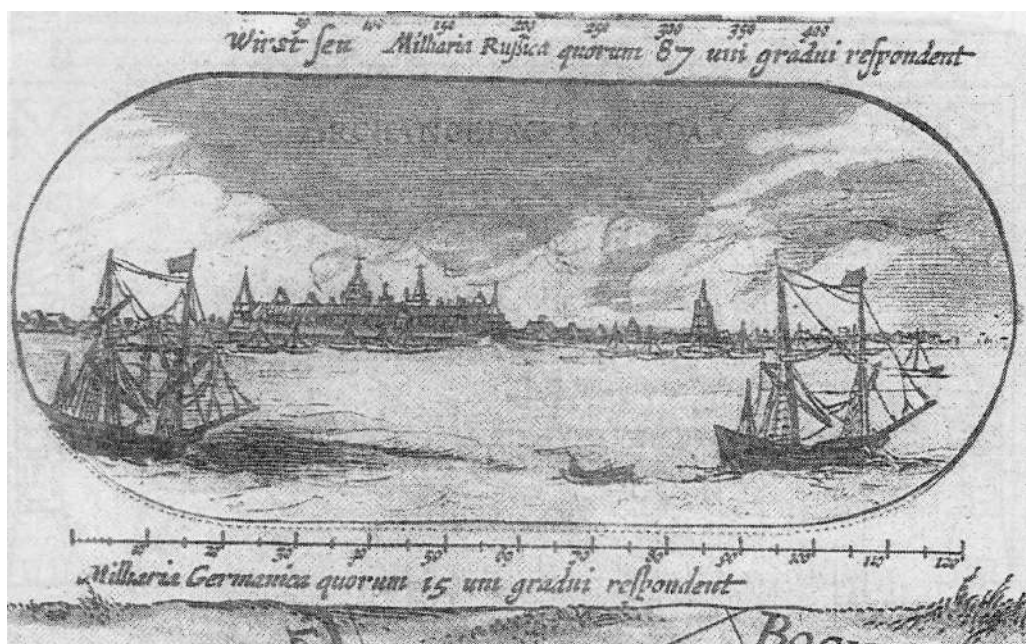
Самое первое графическое изображение Архангельска, имеющееся в моем распоряжении, — это небольшая врезка на изданной в 1613—1614 годах в Амстердаме Гесселом Герритсом карте Руси: городской рейд на фоне деревянной крепости на мысе Пур-Наволок. Считается, что карта вместе с рисунком, была выполнена сыном Бориса Годунова, царевичем Федором, и переправлена в Голландию. Юный царевич убит в 1605 году, значит, рисунок относится в 1603—1604 годам — он мог быть сделан рукой отрока, но не ребенка. Позднее карта многократно переиздавалась, получила широкое распространение, а рисунок воспроизводился Адамом Олеарием и некоторыми другими авторами книг о Московии.

Следующая по хронологии картинка в иконописной манере принадлежит кисти неизвестного художника. Легко узнаются гостиные дворы и монастырь Михаила Архангела, от которого пошел город. Между ними вдоль берега реки разбросаны избы, мельницы, церкви. Тем же XVII веком датируется рисунок, на котором показана застройка у Юрьева взвоза, то есть на месте, где теперь выходит к набережной Поморская улица. Проекция для нас непривычная — одни дома даны в плане, дру-

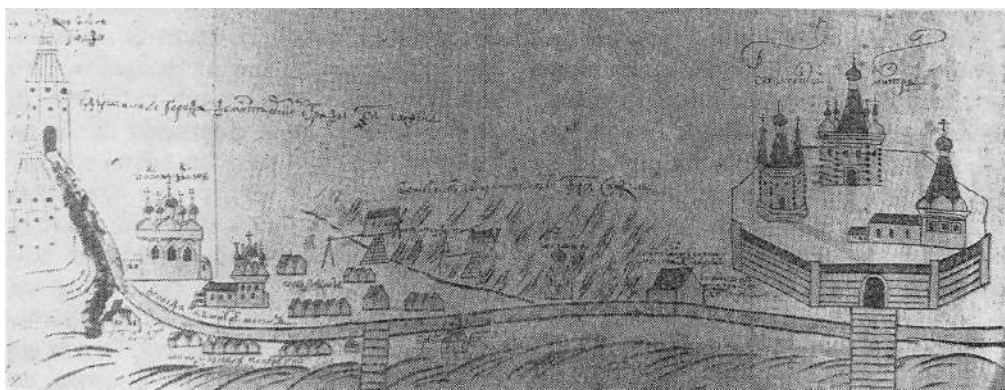
гие и вовсе положены на бок. Рисунок связан с тяжбой Сурского монастыря по поводу владения земельными участками в центре Архангельска.

XVIII век оставил нам более десятка превосходных гравюр, и все голландские. Одна из них, заказанная Петром I маринисту Андриану ван дер Сальму, хранится в петергофском летнем дворце Монплеизир. На дубовой доске изображена голландская флотилия на архангельском рейде (китобой из Голландии часто наведывались в единственный тогда русский порт). Архитектурные сооружения на заднем плане безошибочно отождествляются с городскими постройками того времени. Отчетливо различимы деревянная крепость, ее башни с шатровыми завершениями, пятиглавая церковь и каменный гостиный двор. Между тем ван дер Сальм безвыездно провел всю жизнь в Делфсхафене, близ Роттердама. Откуда же такая точность? В 1701 году и вторично, по пути домой, в 1703-м Архангельск посетил знаменитый голландский путешественник Корнелиус де Брюн. Он зарисовал Новодвинскую крепость и гостиный двор, а по возвращении в Амстердам издал альбом, включавший в себя среди прочих эти рисунки. Ими-то и воспользовался ван дер Сальм.

Большой интерес для нас представляет голландская литография 1775 года, показываю-



Изображение Архангельска на карте Г. Герритса. 1613—1614.



Архангельск. Фрагмент рисунка. 1694.





Архангельск. Фрагмент голландской литографии. 1775. По нынешним ориентирам — выход Комсомольской ул. на набережную. Слева — сохранившаяся по сей день Троицкая церковь.

шая Архангельск в виде развертки вдоль набережной. Конечно, на самом деле он выглядел иначе, зато каждый заслуживающий внимания дом пронумерован, в подрисуночной подписи, закомпанованной в картину, указана фамилия его владельца. Местонахождение подлинника неизвестно. До революции он пребывал в нидерландском посольстве в Петербурге, и Яков Лейцингер специально ездил в столицу, чтобы сфотографировать гравюру. Копия снимка выставлена в Архангельском областном краеведческом музее.

Голландский прием изображения города повлиял в свое время и на русскую гравюру. Развертку речного «фасада» деревянного Архангельска дает «Атлас Архангельской губернии» 1794 года, изготовленный в местной землемерной конторе под руководством Федора Кисилева. Это альбом, содержащий виды северных городов, выполненные пером и тушью. Тираж — всего три экземпляра. Два из них хранятся в Центральном государственном историческом архиве, третий — в Центральном военно-историческом архиве. Судя по фотографически точным панорамам, Архангельск еще мало отличался от окрестных деревень. Регулярные планировка и заст-

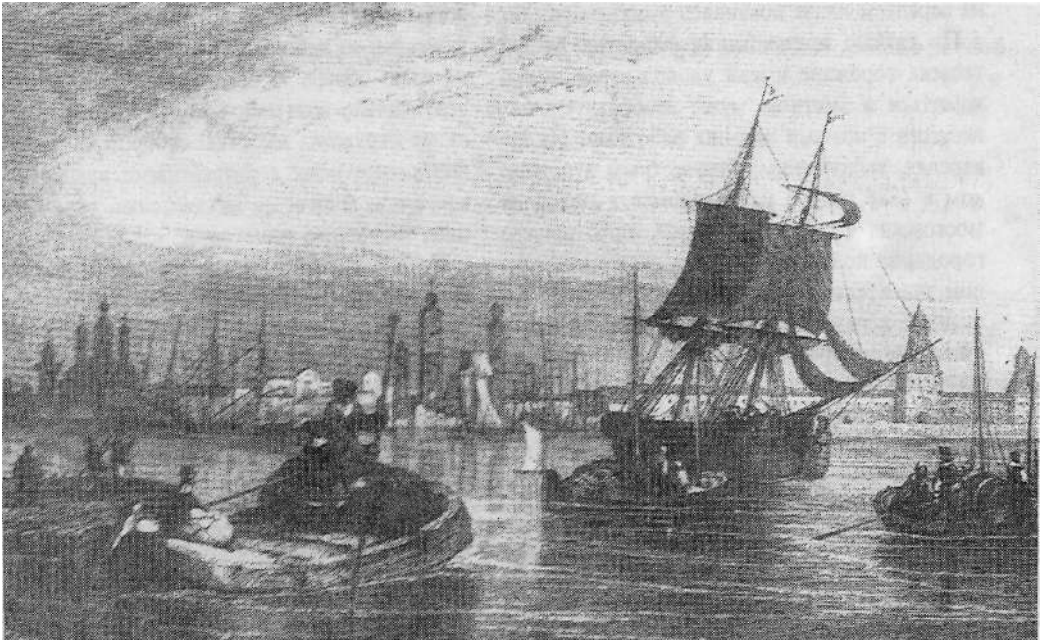
ройка станут характерными для него лишь несколько позже. Особенно ценны реалистические зарисовки деревянных домов, крайне редкие в XVIII веке.

Необычайно выразительным силуэтом-разверткой с указанием объектов сопровождается план города в книге Ивана Молчанова «Описание Архангельской губернии», вышедшей в 1813 году.

Благодаря появившейся в 1977 году в продаже в Лондоне поздравительной открытке со старинным видом Архангельска (моряки нашего пароходства привезли несколько штук, одна в моей коллекции) мы узнали о существовании ранее неизвестной нам голландской гравюры: гостиные двory в фантастическом антураже деревянных церквей. Похоже, и ее сделал художник, никогда не бывавший в Архангельске, но, в отличие от ван дер Сальма, не располагавший надежным источником. Как это ни курьезно, именно она воспроизведена в «Иллюстрированной энциклопедии» Отто Шпамера, изданной в Лейпциге в 1870 году, при статье об Архангельской губернии, только «подправлена» в соответствии с реалиями XIX века: парусник заменила тогдашняя техническая новинка — пароход, а вместо голландцев



Панорама Архангельска с реки. Из книги И. Молчанова «Описание Архангельской губернии», СПб., 1813.



Архангельск. Голландская гравюра XVII в.

на переднем плане появились русские мужики.

По случаю празднования 400-летия Архангельска горожане имели удовольствие познакомиться в местном музее изобразительных искусств с новыми для них работами. На акварелях, выполненных неизвестным художником в 1828 году и находившихся в одной из московских частных коллекций, виды нашего города, за полтора с лишним века претерпевшие значительные изменения или вовсе исчезнувшие, переданы столь достоверно, что их узнавание не требует особого напряжения памяти. Спокойная застройка деревянных улиц усиливает эмоциональное звучание каменного ампиричного центра. В рядах фасадов уже угадывается начало регулярности. Художник сумел уловить влияние пейзажа, особенно реки, на облик города. Документальные и конкретные, акварели вместе с тем пленяют изяществом, выразительными полутонами.

На той же выставке демонстрировалась хранящаяся в московском музее-усадьбе Коломенское икона Михаила Архангела, изображенного в 1741 году Григорием Поповым на фоне обобщенной панорамы Архангельска. Поистине уникальное художественное свидетельство того периода! Ко времени написания иконы большинство построек деревянной крепости-ostroга сторело или было разобрано из-за обветшания, кроме нескольких башен, одна из которых легко узнается под развевающимся плащом архангела. Это четырехъярусное, шести- или восьмигранное сооружение, увенчанное шатром. Южнее проезжей крепости башни видна деревянная церковь Михаила Архангела. Попов показал и сохранившуюся угловую башню острога, тоже шести- или

восьмигранную, с окнами в верхнем ярусе, украшенную небольшим шатром. Она стояла на краю обруба — берега реки, укрепленного вертикально вбитыми бревнами. Слободы на иконе окружены высоким забором, в них одноэтажные дома с двускатными крышами и коньками, многие — шестистенки, окна большие, забранные решетками.

До последней четверти прошлого столетия архангельская деревянная архитектура, считавшаяся чем-то вполне заурядным, не привлекала особого внимания изобразительного искусства. Но и позднейшие отдельные картинки обязаны своим появлением в основном моде на иллюстрированные рассказы о путешествиях. Состоятельные европейцы даже нанимали художников, которые должны были сопровождать их в зарубежных поездках. В журнале «Всемирный путешественник» за 1877 год мы находим очерк англичанина Диксона с литографиями неизвестного автора. На одной из них, названной «Архангельская повозка», для нас гораздо интереснее самого экипажа постоялый двор. Среди его архитектурных деталей нельзя не отметить балкон на консолях. Сейчас таких в деревянной застройке города — единицы, и все на Соломбале, а некогда этот элемент применялся очень широко. В книге К. Случевского «По Северо-Западу России» 1897 года издания есть репродукция великолепной гравюры, изображающей правительнейший Троицкий проспект в Немецкой слободе.

В целом же тема Архангельска ни в отечественной графике, ни в живописи XIX — начала XX века не утвердилась (да вряд ли это случится и сегодня). Почему — не нам судить.





Икона «Архангел Михаил». Григорий Попов. 1741.

Архангельская повозка. Гравюра из журнала «Всемирный путешественник». 1877.



Соломбала. Базарная улица. Неизвестный норвежский фотограф. 1878.



Выскажем только предположение, что был спрос на искусство облагораживающее, поучающее, так или иначе абстрагированное от прозы будней. В провинциальном Архангельске художников вдохновлял, пожалуй, лишь все тот же городской рейд. У архангельских дворян, в отличие от московского со знаменитой картины В. Д. Поленова, не оказалось своего певца.

Другое дело — фотография. Едва проникнув на Север, она избрала Архангельск объектом интенсивных съемок. Работы уже не раз помянутого выше Якова Лейцингера и его коллег вызывали огромный интерес, расходились тысячами в виде открыток и подарочных альбомов.

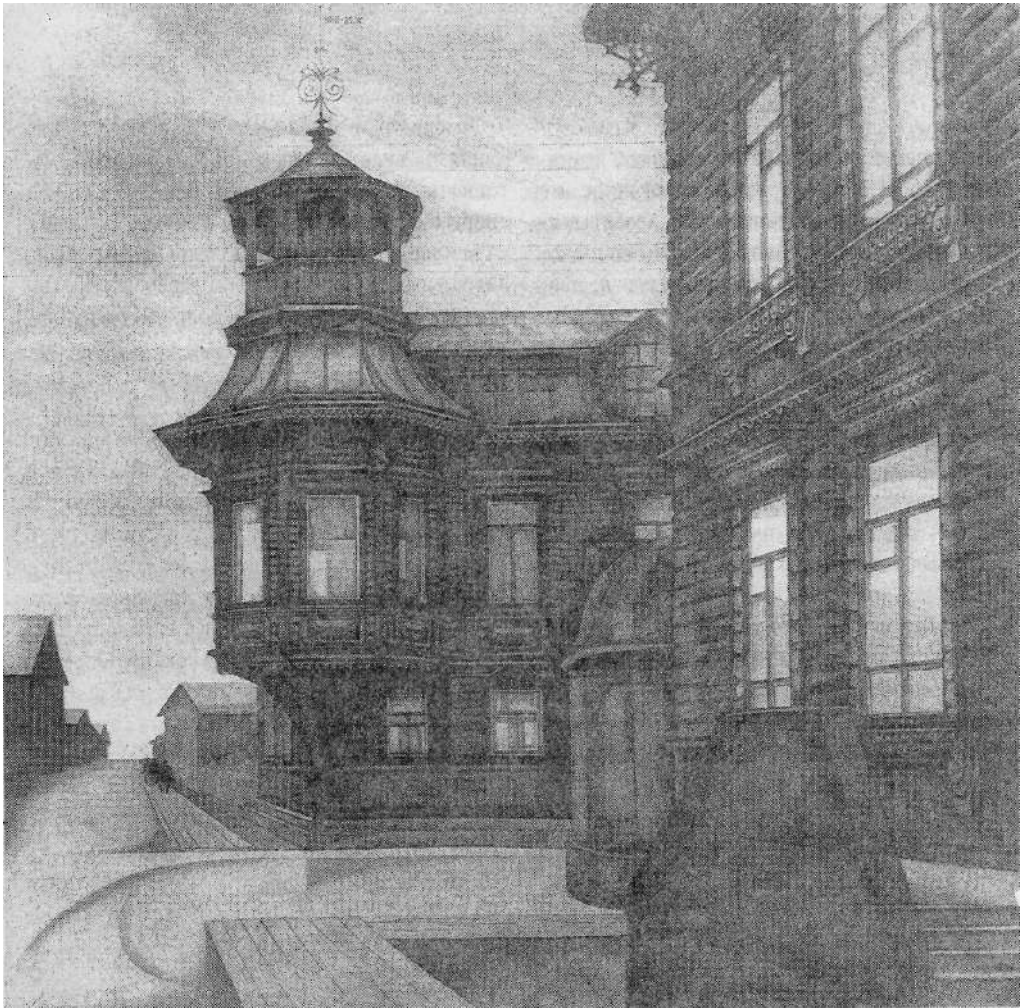
Нам, «телевизионным наркоманам», перегруженным визуальной информацией, трудно понять воздействие фотографии на людей, в частности наших земляков, живших столетие назад. Для них это было чудо, слава Богу, доступное всем. Редко кто мог позволить себе приобрести живопись, а фотопортреты родных и близких, непременно вперемежку с видами Архангельска, имелись в каждом доме. Поначалу публика главным образом восхищалась точностью отображения улиц, площадей, зданий вроде бы типичного губернского города, подсчитывала, сколько уместилось на одном снимке окон и дымовых труб. Но почта приносила открытки со всех концов страны, и постепенно, сравнивая, архангелогородцы открывали для себя, что их город — с поленницами на фоне резных особняков, многолюдным рыбного базара, речным простором, большими и малыми судами, теснящимися в порту, — весьма отличается от прочих.

Фотографы рубежа веков учили своих современников видеть и лучше понимать город. Летописцы и исследователи, они проследили процесс его превращения из административного центра в центр промышленный, где сосредоточились лесопильные и деревообрабатывающие предприятия. Мы должны быть безмерно благодарны фотографии за поразительную способность останавливать быстротекущие мгновения, выделять в общей картине мельчайшие детали. Поднимается она или нет до уровня «чистых» искусств, эти мелочи с годами придают иным ее произведениям такую эмоциональную силу, какой тем никогда не достичь.

В 1987 году отдохнувший в Таганроге фотолюбитель-москвич Борис Зайцев случайно обнаружил в старинном секретере около 100 негативов на стекле, снятых членом Архангельского фотографического общества бухгалтером Михаилом Терентьевым: виды города, храмы, военные корабли и солдаты экспедиционного корпуса Антанты на Севере в 1918-м. Не имея возможности опубликовать эти работы и опасаясь преследований со стороны новых властей, Терентьев уехал к родственникам в Таганрог, где и скончался. Может быть, впереди еще не одна подобная находка?

В мастерских современных архангельских художников хранятся эскизы и законченные картины, о существовании которых не знает почти никто из горожан. Да и сделаны эти работы не для вернисажей, а для души.

Супруги Нэлли и Валерий Таргонские запечатлели тот этап вытеснения деревянного города каменным, когда старая застройка еще



Белые ночи. С картины Н. и В. Таргонских.

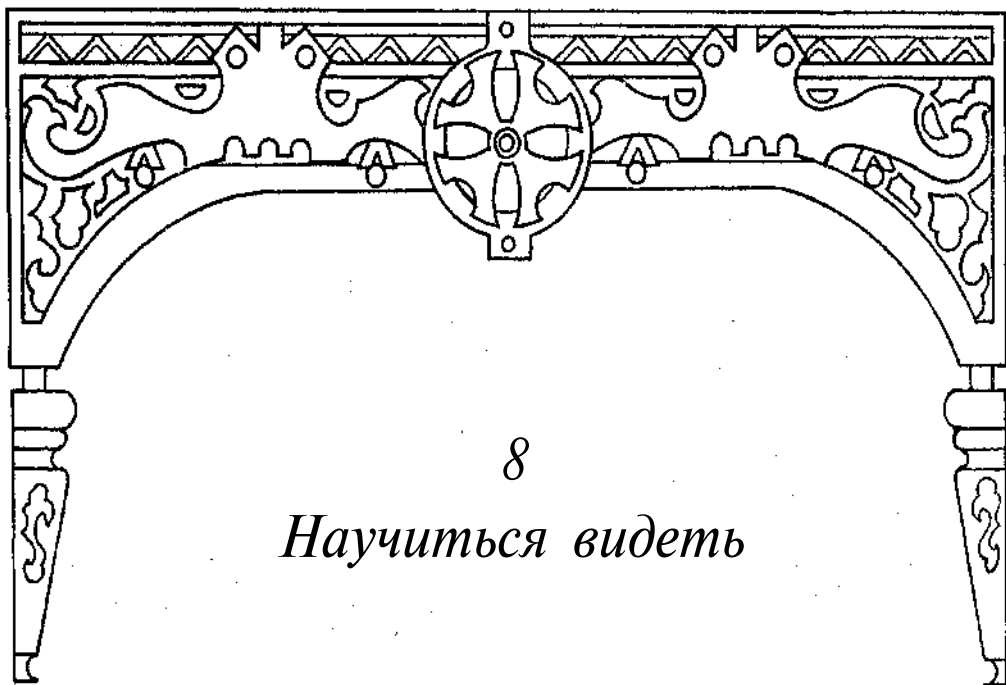
активно присутствовала в городской среде и влияла на ее облик. Традиционные дома на их ватманах монументальны, крепко сбиты, богато декорированы. Такими они и были в действительности, разве что авторское восприятие добавило им романтичности.

Иначе видит деревянный Архангельск Гоша Елфимов. Он пишет город крупными мазками — наличниками окон, вывесками магазинов. Его интересует структура обветшалых, полуразрушенных временем и непогодой, доживающих последние дни строений. Только что все было — и уже почти ничего не осталось. Само собой приходит понимание: как важно привычное, не замечаемое из-за его обыденности, наподобие улиц, по которым люди ходят всю жизнь, думая о другом. В будничной сценке на углу Поморской улицы мы заново открываем то, что в свое время просмотрели, пустили. «Аптекарский магазин», изображен-

ный Елфимовым, стоял на бойком месте, служил в центре Архангельска ориентиром, как никакой другой, пусть гораздо больший дом. Он «памятен» даже тем, кто родился после его сноса.

График Евгений Зимирев рисует деревянную Соломбалу, где каждая улица, каждое окно напоминает ему о событиях из собственной жизни и жизни других людей, чьи судьбы он знает до третьего поколения.

Нельзя не сказать и о чудесном макете города, построенном Зосимой Калашниковым. Материалом послужили коробки из-под импортной обуви. Триста миниатюрных зданий настолько достоверно точны, что кажутся заправдашними — об их размерах забываешь. Наконец-то любой из нас может, подобно Гулливеру, «прогуляться» по Архангельску начала XX века!



8

## *Научиться видеть*

Когда я работал над книгой, десятилетия порой улетучивались, таинственный механизм памяти переносил меня во времени далеко назад. Город наполнялся призраками прошлого, в старых, полуразрушенных домах мне слышались голоса их прежних хозяев. Словно наяву, я ощущал запахи чердака и земли, печеной картошки и свежепилоного дерева. Передо мной возникали яркие, почти осязаемые картины, заслонявшие сегодняшний день. Вот тут стоял деревянный дом, ну как же, еще возле него кусты сирени и грядки. На месте больницы имени Семашко — сад Шольцев...

Нет, давно нет ни сада, ни пруда в нем. Где были резные фасады, теперь панельные дома. Правда, все удобства, горячая и холодная вода, женщинам не надо ходить на реку полоскать белье. Понимаю, понимаю. Но я стал с грустью относиться к бетонной стенке, заменившей укрепленные булыжником откосы набережной, к асфальтовым тротуарам, ко всему, что потеряло самобытность, и жалеть обо всем, что безвозвратно ушло.

Некоторые приметы деревянного города остались — дворы для выколачивания половиков, одинокие деревья, скрипящие ворота. Однако образы минувшего и настоящего не совпадают. Попадая на задворки времен моего детства, я испытываю желание бежать: все как бы по-старому, но все уже по-другому. Не

только новостройки изменяют Архангельск, мы сами, в нашей душе, изменяем его. Мы начинаем чувствовать ответственность перед прошлым, ибо связаны с ним, как листья дерева с корнями. Недаром кто-то заметил, что прожилки листа повторяют очертания корней.

Мои предки по обеим линиям не были архангелогородцами. Отец, родом с реки Мезени, познакомился, учась в Ленинграде, с матерью — псковитянкой, получил распределение в Архангельск, и молодые супруги обосновались в деревянном доме на углу улицы Карла Маркса и Новгородского проспекта. Однажды, в детстве, при ремонте я обнаружил под обоями красивые двустворчатые двери и понял, что раньше дом знал иную жизнь, а наша 23-метровая комната могла служить гостиной.

Всего в доме обретались пять семей. Крохотную угловую комнату по одну сторону от нас занимали дядя Степа и тетя Фаня, по другую сторону жили Бауманы, бывшие домовладельцы. После революции у них осталась лишь одна, правда, самая большая, угловая комната с узким смежным помещением, появившимся благодаря тому, что часть нашей комнаты выгородили в пользу Бауманов. Дядя Володя был тихий человек не очень крепкого здоровья. Бразды правления в семье при-

надлежали его жене, тете Симе — высокой худощавой даме, с седыми волосами, собранными на затылке в пучок, чрезвычайно уравновешенной и сильной личности. Вынеся из Мариинской гимназии раз и навсегда усвоенные жизненные правила, она твердо знала, «как надо поступать» и «как не надо поступать». Ее приговор прекращал любую кухонную дискуссию.

Под Новый год тетя Сима устраивала для соседских детей настоящий праздник, которому в лихую военную пору возвращала первоначальный смысл мечты о счастливом будущем, без войн и нужды. Елка у нее всегда была до потолка, игрушки — какие-то необычные: всякие рождественские фигурки, вращающиеся саксонские пирамидки. К торжеству тетя Сима готовилась заблаговременно и основательно, в новогодний вечер одевалась по-особому элегантно. Нас ждали ошеломляющие фокусы, другие развлечения.

Свою комнату тетя Сима содержала в образцовом порядке — все на положенном месте, пол чист, булавки воткнуты в подушечки. Она хранила старые свадебные приглашения и театральные программки. Мне казалось, что время для нее остановилось. Когда в 70-х годах Бауманам дали новую квартиру на улице Энгельса, тетя Сима умудрилась перенести туда весь свой старомодный интерьер без каких-либо изменений. Потребовалось, видимо, немалое искусство, чтобы на меньшей площади разместить громоздкую мебель. До самого конца у тети Симы были жесткие накрахмаленные салфетки, вкусные пирожки и безукоризненное французское произношение. Проспект Павлина Виноградова для нее так и

остался Троицким, а улица Попова — Финляндской. Много я мог бы узнать от тети Симы, сядь за эту книгу пораньше...

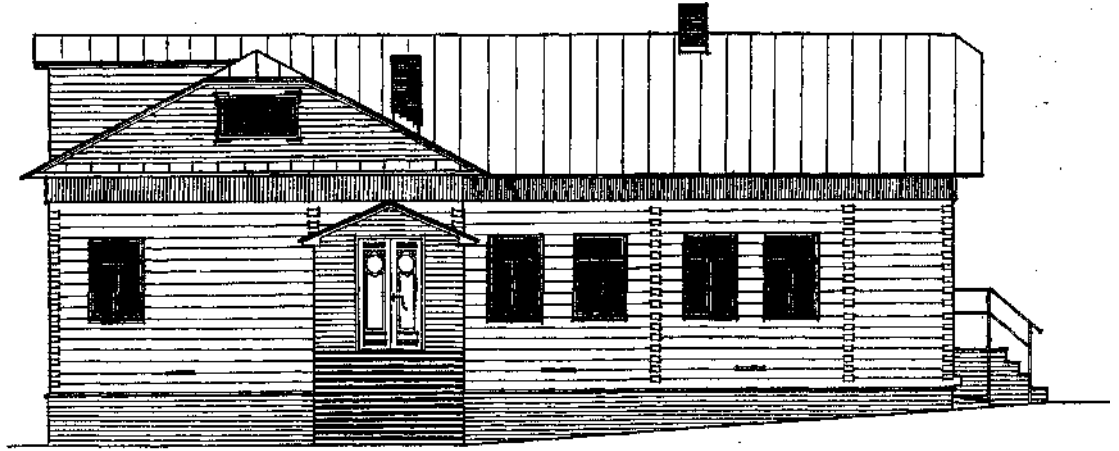
В самой солнечной комнате жили степенные супруги Ермолины — тетя Ларя и дядя Костя. Детей у них не было. В холодной кладовке на их полке всегда стояла соблазнительная «лендлизовская» тушенка.

Небольшую комнату занимала сухая набожная старушка, тетя Шура. Я читал ей вслух ее любимые книги, продираясь сквозь совершенно непонятные для меня тексты, произнося их чуть ли не по складам. Она посвятила меня в мир святых и ангелов, Иисуса Христа. Подобно ей, я стал бояться темноты и даже днем с трудом решался выйти в сумрачный коридор. Тем не менее я ее почти не знал. Когда она умерла в возрасте 75 лет, мне не было еще и десяти. Тот солнечный летний день очень ясно отпечатался в моей памяти: в доме царил непривычная атмосфера, все пребывало в каком-то угнетенном состоянии. Вижу себя одиноко сидящим на стуле в ее комнате, пол разрисован причудливыми солнечными узорами, и лишь жужжание осы нарушает мертвую тишину.

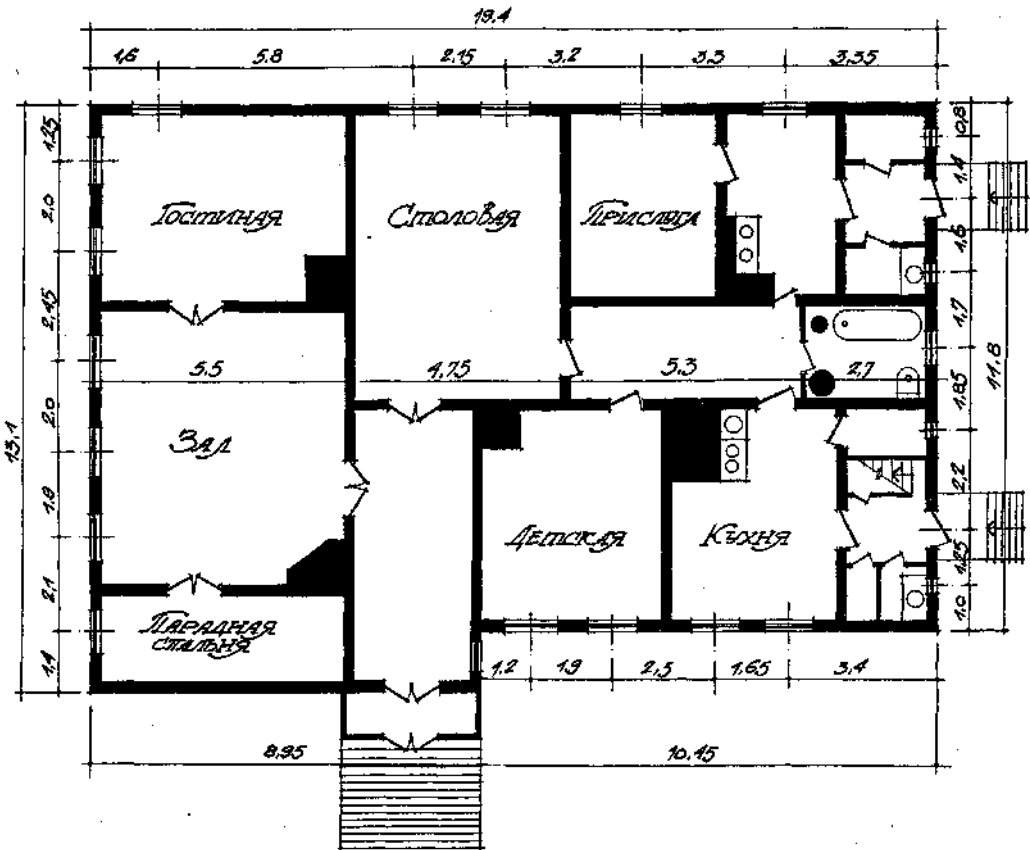
Наша общая кухня ничем не отличалась от кухни в других домах. Крашеный пол из сосновых досок. Русская печь с плитой. Во время топки плита урчала и местами просвечивала ослепительно желтым пламенем. Вдоль стен, вплотную один к другому, хозяйственные столы. Между оконными рамами сонные мухи. Вид во двор облагораживали пожелтевшие кружевные занавески.

Днем дом пустовал и оживал только к вечеру, когда все возвращались с работы. Скрипе-





Дом Бауманов. 1914. Дворовый фасад, план.



ли входные двери, слышались знакомые, всякий раз повторяющиеся звуки: шум от сбрасываемых на пол охапок дров, чирканье спичками, треск лучинок, шелест и шуршание пламени, наконец, мерное гудение печей. Звуконепроницаемость была идеальная. За обеими стенами допоздна говорили без умолку, а о чем — на завтра уже никто не помнил.

По субботам и воскресеньям мылись в общей ванной. Когда очередь доходила до нас, мать «замачивала» всех троих разом, бросала в воду игрушки и уходила заниматься своими делами. Через какое-то время она появлялась, намыливая нас одного за другим, а затем, также поточным методом, ополаскивала. В предпраздничные дни хозяйки по очереди пекли пироги в русской печи, и дом наполнялся сладким ароматом.

У каждой семьи был свой дровяник. Распертые изнутри, перекошенные сараи цеплялись друг за друга. Весенними вечерами оттуда неслись кошачьи концерты. Крыши некоторых дровяников так провисли, что могли в любой момент обвалиться, а мы любили бегать по ним и нисколько не боялись упасть, переломать себе ноги. Но больше всего я любил забираться на чердак и рассматривать там всякую всячину — канадские сани с длинными-предлинными полозьями, норвежские лыжи, английский шезлонг. На чердак вела узкая крутая лесенка, по которой нам, детям, нельзя было подниматься без разрешения. Тем сильнее туда манило.

Мои первые осознанные воспоминания связаны с августовским вечером 1942 года, когда немцы бомбили Архангельск. Мы собрались в нашем просторном коридоре и, зашторив

единственное окно, чувствовали себя в безопасности. Одна из бомб упала очень близко, дом так тряхнуло, что показалось, будто он подпрыгнул на сваях. Еще запомнились союзные конвои на рейде, вернее, то, что от них оставалось после нападений немецких подводных лодок и самолетов в Баренцевом море.

Высокое парадное крыльцо нашего дома служило своеобразным амфитеатром, с которого открывалась перспектива улицы. Отсюда я наблюдал, как в 45-м возвращались фронтовики. Из их окон патефоны день и ночь оглашали округу песнями Руслановой и Утесова. Народ валил в кинотеатр «Арс», где крутили трофейные боевики. А потом пришлось пережить стресс. Я знал только войну и, когда она кончилась, почувствовал себя растерянным, потому что войны, заполнявшей все, не стало.

В школе помню себя прикованным к неподъемной деревянной парте с откидными крышками. Продолжая дело моих предшественников, я вырезал на ней перочинным ножом все, что приходило на ум. Это был способ отвлечься от нескончаемой монотонности уроков. Спазмы в желудке заставляли с особым нетерпением дожидаться школьного завтрака, состоявшего всегда из пирожка с повидлом и чашки чая.

Другое дело летние каникулы! В трудные послевоенные годы мать и ее подруга подрабатывали колкой дров и брали с собой меня. Подбадриваемый смехом и прибаутками молодых женщин, я наравне с ними изо всех сил орудовал двуручной пилой и колуном. И теперь, стоит мне оказаться среди бревен или ощутить запах свежих опилок, память вновь и

вновь возвращает меня в то далекое уже время.

Ребенком я жил в более тесном контакте с городом — домами, снегом, травой, деревьями, нежели с людьми, и, как умел, пытался исследовать, понять его. Особенно захватывало Немецкое кладбище, располагавшееся в конце Вологодской улицы, в нескольких кварталах от центра. Гранитно-мраморный город мертвых служил контрастом всему живому, деревянному. Здесь сходились мир реальный и мир сказочный, фантастический, мир крестов, монументов, чугунных кружевных оград. Весь дрожа от страха, я вслушивался в молчание вечности, безразличное к моему дыханию и биению сердца. В одном месте, в зарослях, виднелся босоногий ангел, вознесенный к небу отполированной колонной. По картинкам я уже знал, что это копия столпа на Дворцовой площади в Ленинграде. Памятник некоему Бранту напоминал мне рояль. Рядом из земли торчал безымянный чугунный крест, обвитый терновой веткой. Атланты с усталыми лицами исправно несли свою службу у семейного склепа Сурковых.

Полированные бока монолитов были испещрены короткими рассказами об усопших и обращениями к богу. Меня очень интересовало, кто такой генерал-майор Христиан Прокониус. Вот Юлия Маргрет Фонтг — родилась в Амстердаме, а умерла в Архангельске. Определенно в нашем деревянном городе что-то такое есть, раз неизвестный мне Франц Иоханнес Шольц, скончавшийся в субтропическом Сан-Ремо, завещал похоронить его здесь. После таких «встреч» я еще внимательнее всматривался в свой город...

Известно, что история деревянного Архангельска — это и грустный рассказ о его пожарах, когда выгорали целые улицы, а бывало, полгорода сразу. В детстве я оказался свидетелем последнего такого пожара. Лето стояло жаркое, и, как говорится, довольно было одной искры. Из окон школы № 6 мы увидели огромный столб дыма. Горел квартал двухэтажных деревянных домов довоенной постройки между улицами Карла Маркса и Попова, Костромским проспектом и Обводным каналом. У нас на глазах огонь распространился так быстро, что уже во второй половине дня весь квартал полыхал гигантским костром, из которого возвышались лишь печные трубы, падавшие одна за другой. Съехавшимся со всего города пожарным ничего не оставалось делать, как поливать водой стены домов на противоположной стороне улиц. Не помню, были ли жертвы, но спасти имущество никому не удалось.

Наш дом находился в центре города. Одноэтажный, с дощатым забором вокруг огорода, а все-таки в центре! Срезанный угол квартала по диагонали от нас фиксировало здание «Северолеса». На другом углу — бывшая мечеть, превращенная... в детский сад НКВД. Наша прямая, сплошь деревянная улица, до революции называвшаяся Кирочной, походила на длинную деревню и заканчивалась обезглавленной киркой. Тетя Шура рассказывала мне, что в годы интервенции там размещался военный госпиталь, где она работала сестрой милосердия. Эта большая, аскетически простая лютеранская церковь чудом уцелела, когда рушили архангельские храмы. Все они раньше смотрели на речной простор,



Кирочная улица (впоследствии — улица Карла Маркса). Слева — дом Клафтона.

но в начале 30-х годов кирка, отгороженная от реки первым в Архангельске пятиэтажным каменным зданием — Домом специалистов, стала рядовой постройкой на улице Карла Маркса.

Деревьев было немного, зато какие! Чего стоили три тополя в нашем дворе! Высоченные, и все — ровесники кого-либо из Бауманов, ибо высаживались в честь их рождения. До сих пор, произнося слово «дерево», вижу эти три тополя. Мне очень их не хватает возле моего теперешнего дома. Большие деревья во дворах имели для улицы свой смысл, помимо того, что давали тень и служили приютом для птиц: они разбивали непрерывный фронт застройки на короткие участки, идти от дерева к дереву было легко и приятно.

Наш дом, хоть и с красивыми парадными дверьми, с чугунными ручками в стиле модерн, не был архитектурным шедевром. Во-

круг стояли и получше, как, впрочем, и похуже. Но каждый отличался от другого собственным «выражением лица» — ритмом окон, силуэтом карниза, еще какой-нибудь приметной чертой, а вместе они образовывали нечто единое и — теперь я это особенно остро ощущаю — запоминающееся, неповторимое.

С одного конца улицы Карла Маркса ее проезжая часть была замощена булыжником, с другого — выстелена толстыми досками с большими круглыми шляпками гвоздей. Троюары были везде деревянные. На полпути от нашего дома до кирки стоял замечательный, таинственный особняк Клафтона. На фронтоне — вырезанное из дерева накладное украшение, изображавшее бухту каната, в глубине двора — каретный сарай с интригующим флюгером в виде лошади. Контраст между большими претензиями дома на величие и уже

тронувшим его разрушением свидетельствовал о смене эпох: в 1919 году Клафтон эмигрировал, дом стал коммунальным.

...Еще мальчишкой я с приятелями исходил весь город вдоль и поперек, от Смольного Буяна до Кузнечихи и далее, до романтической для нас Соломбалы, в которую можно было попасть только по жутко плясавшему под ногами наплавному мосту. Транспортom не пользовались, расстояния не казались нам большими, мы привыкли к ним с малолетства. Я знал, какой дорогой куда быстрее добраться, зачастую, помня все проходы между домами, все дыры в заборах, пересекал кварталы с угла на угол.

Одни места нравились мне больше, другие — меньше. У меня собралась «коллекция» любимых домов, на которые я всякий раз заглядывался. Сначала воспринимал только цвет, постепенно научился различать и формы. Мое воображение волновали эркеры, балконы, резьба по дереву. Думалось — вот в этом доме особенно уютно, и очень хотелось побывать внутри.

Как-то обожаемый преподаватель географии Глеб Глебович поручил мне нарисовать карту Архангельска. Великолепное задание! Я имел способ изобразить мир, в котором нашлось место всем интересовавшим меня сооружениям. Четкие линии пересекающихся улиц и проспектов исправили мое видение города, и он, уместившийся на столе, предстал передо мною организованным, определяемым системой ясных координат.

Продолжая изучать Архангельск, я буквально вылавливал редкие книги и изобразительные материалы, собрал много старых видо-

вых открыток. Увлечение, как говорится, переросло в нечто более серьезное. В двадцать с лишним лет я избрал архитектурскую стезю и, окончив аспирантуру, уже целиком посвятил себя излюбленной теме. Работал в архивах, однако не засиживался — ходил по домам, беседовал со старожилами. Узнавая, откуда и когда семья приехала в деревянный город, как обзаводилась хозяйством, множилась и несла потери, сближаешься с этими людьми, начинаешь разделять их радости и горести. Постепенно в моем сознании сложилась своего рода топографическая картина Архангельска первых трех десятилетий XX века. Это не особый путь научного исследования, но предварительное условие, выполнение которого позволило формулировать вопросы и искать на них ответы.

Мое чисто эмоциональное вначале отношение к городу стало со временем более практическим. Теперь я считаю, что город не следует оценивать исключительно с эстетической точки зрения, при всей ее неоспоримой важности. В нем нужно жить, и, как ни старомодно это звучит, жить всем сердцем. Хочется, чтобы коллеги-архитекторы, от которых зависит будущее Архангельска, не только любили, уважали, но и знали его, учитывали в своих проектах реальные нужды горожан. Науки и искусства должны сойтись с конкретными проблемами города, отдельных людей. Научиться видеть и понимать, а уж потом самовыражаться — вот, мне кажется, золотое правило для зодчих.

Летят годы. На месте моего деревянного дома высится девятиэтажный каменный исполин с лоджиями. Каждый день теперь подо-

Архангельские дома.



бен прощанию с тем, чего я прежде просто не замечал и чего больше никогда не увижу: с силуэтом крыши, кусочком речного простора в перспективе улицы, развесистым деревом там, где во времена моего детства колебался хилый саженец.

Случается, я тоскую по дивной тишине, наступавшей в коммунальном доме, когда все уходило на работу, по скрипучему парадному крыльцу, крашеным полам коридоров, запаху дерева и выцветшим обоям, узким, поделенным перегородками помещениям, тоскую по их хозяйкам — тонконогим старушкам в ветхозаветных шляпках. Не могу объяснить мое подсознательное, иррациональное неприятие перемен. Это сродни конфуцианскому предпочтению прошлого — ощущению, что оно было залито светом, что в нем царил разум,

добро и гармония, что от него не надо стремиться уйти, а наоборот, надо стараться вернуть его. Не сомневаюсь, теплится в нас какой-то генетический код истории и, несмотря ни на что, обеспечивает связь времен.

Большой, потрепанный бурями деревянный корабль списан, и мы радуемся. Думаю, пока. Рано или поздно сегодняшние неудобства проживания в старых домах сгладятся в нашей памяти, и мы опозитизируем прошлое. Что-то помимо нашей воли движет нами, некие флюиды витают в воздухе. Никто не знает, что это такое, но именно они определяют настрой наших чувств. Быть может, с высоты прошедших лет деревянный ковчег под названием «Архангельск» вновь покажется нам привлекательным.



## Архитектурный глоссарий

**Ампир** (фр. — *империя*), стиль в архитектуре и прикладном искусстве позднего классицизма первой четверти XIX века, возник во Франции при Наполеоне I. Отличался использованием древнеримских художественных образцов, строгой, торжественной монументальностью, применением военных эмблем в архитектурных деталях, пышностью и богатством внутреннего убранства.

**Анфилада**, ряд примыкающих друг к другу по прямой линии помещений, соединенных дверьми.

**Архитравный пояс**, зд.: резная доска, завершающая фриз снизу.

**Балюстрада**, ограждение лестниц, балконов, террас и т. п., состоящее из ряда фигурных столбиков — балясин, перекрытых перилами, балкой или плитой.

**Барокко**, основное стилистическое направление в европейском искусстве с середины XVI до третьей четверти XVIII века. Характеризовалось господством криволинейных очертаний в планах и формах, сложностью и эффектностью декора.

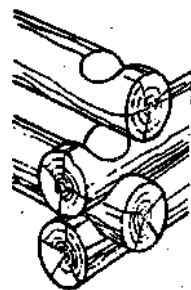
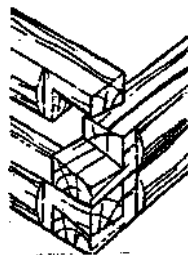
**Бельведер**, вышка, надстройка, чаще всего круглая, над зданием или небольшое отдельное сооружение на возвышенном месте, откуда открывается далекий и красивый вид.

**Вальмовая крыша**, устраивается над прямоугольным в плане зданием, имеет четыре ска-

та, из которых два продольных — трапециевидные, а два с торцовых сторон — треугольные.

**«В лапу»**, способ соединения бревен или брусьев на углах дома без выпуска их концов за наружную плоскость стены.

**«В обло»**, способ соединения бревен на углах дома с выпуском их концов за наружную плоскость стены.



**Волота**, скульптурное украшение, состоящее из завитка в виде спирали с кружком («глазком») в центре.

**Выкружка**, способ стыковки стены и потолка или выступающей наружу части перекрытия не под прямым углом, а с помощью вогнутого изгиба.

**Гонт**, тонкие дощечки из ели, сосны или осины, применяемые для покрытия крыш.



**Готика**, художественный стиль, господствовавший в искусстве, особенно в архитектуре, некоторых западноевропейских стран в XII—XV веках. Готические здания, прежде всего соборы, имеют стрельчатые своды, опирающиеся на столбы. Каркасная конструкция позволяла заполнять промежутки между столбами не только стенами, но и огромными окнами-витражами. Легкие, устремленные ввысь сооружения обильно украшались скульптурой и каменной резьбой.

**Каннелоры**, вертикальные желобки на стволе колонны или пилястры, придавали им зрительную легкость, невесомость благодаря равномерному распределению освещенных и затененных полос.

**Капитель**, венчающая часть колонны или пилястры.

**Карниз**, зд.: нижняя плоскость свеса крыши.

**Консоль**, выступающая часть балки, бруса и т. п., закрепленных одним концом в стене. Может служить опорой балкона, эркера, в интерьере — подсвечника и пр.

**Маньеризм** (*ит, фр.* — *манерность*), течение в западноевропейском искусстве, возникшее в Италии в XVI веке и знаменовавшее закат искусства Возрождения. Произведения маньеристов отличаются нарочитой напряженностью и изысканностью образов.

**Наличник**, декоративное обрамление оконного или дверного проема.

**Орнамент**, декоративный узор, обычно ритмически построенный, чаще всего в виде полосы.

**Пatina**, зеленоватый или коричневый налет, появляющийся на изделиях из меди и

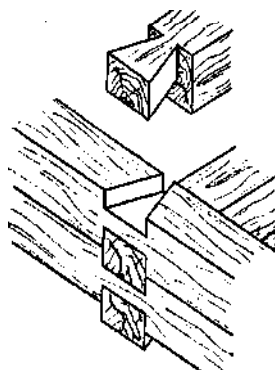
медных сплавов в результате окисления либо создаваемый искусственно для придания таким изделиям вида старинных произведений. В широком смысле — печать времени на любой поверхности.

**Пилястра**, вертикальный выступ на поверхности стены, обработанный как колонна.

**Постмодерн**, архитектурный стиль, возникший на Западе в 1975 году. В его основе стремление максимально удовлетворить желания заказчика, например, создать жилище, гармонирующее со всем укладом его жизни.

**Прогон**, продольная либо поперечная балка, обычно несущая на себе другие, второстепенные.

«**Прорезная лапа**», способ врубки внутренних бревенчатых или брусчатых стен в наружные.



**Профилированные доски**, доски обшивки, лицевым поверхностям которых придан тот или иной профиль.

**Ризалит**, часть здания, выступающая за основную линию фасада.

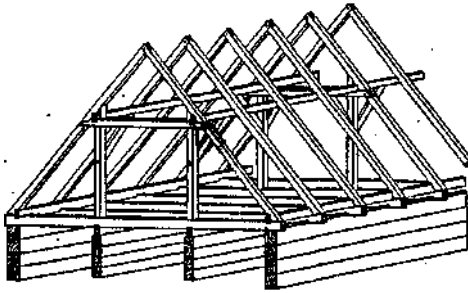
**Сандрик**, небольшой карниз над окном или дверью.

**Санирование**, зд.: реставрация конструкций путем сочетания старых и новых строительных материалов.

**Скос**, стесанный угол балки или опоры. Характерная деталь швейцарского стиля.

**Сруб**, законченные рубленые стены деревянных зданий при их постройке. В широком смысле — любое бревенчатое или брусчатое здание.

**Стропила**, наклонные несущие балки крыши, параллельные фронтому.



**Трехчастное окно**, или окно Палладио, имеет три секции — центральную в виде арки и две меньшие, примыкающие с обеих сторон. Названо по имени итальянского архитектора XVI века Андреа Палладио.

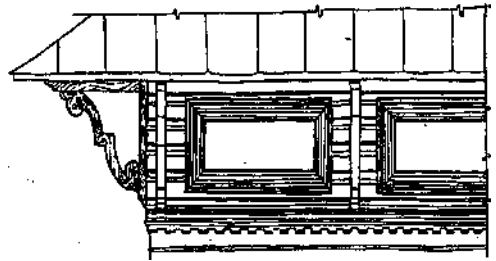
**Урбанизация**, социально-экономический процесс, выражающийся в росте городов и концентрации в них все большей части населения, в повсеместном распространении городского

образа жизни.

**«Ус»**, скос на торце досок, стыкуемых на углу здания.

**Фахтверковые дома**, дома, имеющие каркасные деревянные стены с каким-либо наполнителем, например, кирпичом.

**Фриз**, декоративная полоса, украшающая стену.



**Фронтон**, верхняя часть торцевой стены, ограниченная скатами, крыши.

**Цоколь**, нижняя, обычно утолщенная и выступающая часть наружной стены, примыкающая к фундаменту.

**Шпиль**, пирамидальная очень высокая крыша, например, на кирке в Архангельске.

**Щипец**, треугольный фронтон или аналогичная деталь над дверью или окном.

**Эркер**, выступающий за габариты здания внутренний объем.

**Ярус**, горизонтальное членение фасада, обычно соответствующее этажу здания.

## *Изменившиеся или утраченные названия*

Прежде	Теперь
Адмиралтейская наб.	Краснофлотская наб.
Александровский сад	Стадион «Динамо»
Американская ул.	Советская ул.
Архиерейская ул.	Ул. Урицкого
Благовещенская ул.	Ул. Розы Люксембург
Бык — район, простиравшийся от Архиерейской ул. на юг, вверх по реке <sup>1</sup>	
Гагаринский сквер	Сквер у Театра драмы
Гимназический сад, позже, в советское время, — сад ТЮЗа	Остатки сада в виде озелененного участка у школы № 3
Кирочная, она же Лютеранская ул.	Ул. Карла Маркса
Кузнечиха — район от теперешней улицы Суворова вниз вдоль протоки Кузнечихи	
Лопарская ул.	Комсомольская ул.
Никольская ул.	Ул. Левачова
Оперная пл.	Пл. Профсоюзов
Пермская ул.	Ул. Суворова
Петербургский пр.	Пр. Ломоносова
Печорская ул.	Ул. Выучейского
Пинежская ул.	Ул. Серафимовича
Полицейская ул.	Ул. Свободы
Псковский пр.	Пр. Чумбарова-Лучинского
Садовая ул.	Ул. Ванеева
Самоедская ул.	Народная ул.
Соборная ул.	Ул. Карла Либкнехта
Соборная пристань	Красная пристань
Театральная ул.	Ул. Володарского
Троицкий пр.	Пр. Павлина Виноградова
Успенская ул.	Ул. Логинова
Финляндская ул.	Ул. Попова
Французская ул.	Ул. Правды
Шенкурская ул.	Ул. Челюскинцев

<sup>1</sup> Название происходит от фамилии судостроителя Быкова, верфь которого располагалась в этой части города.

## *Список литературы*

1. Власюк А. И. О своеобразии архитектуры русских провинциальных городов в 1840-е — 1910-е годы//Памятники русской архитектуры и монументального искусства. — М., 1983.
2. Волков О. Погружение во тьму//Роман-газета. — 1990. — № 6.
3. Гинзбург М. Я. Жилье. - М., 1934.
4. Гутнов А. Э. Эволюция градостроительства. - М., 1984.
5. Давыдов А. Н., Лопатыко В. М., Шалькевич А. А. Деревянное зодчество Архангельска во второй половине XIX—начале XX вв.//Культура русского Севера. Издательство «Наука», 1988.
6. Деревянная архитектура Томска. — М., 1987.
7. Ивер-Жалю, Элен. Масленица//Курьер ЮНЕСКО. - 1990. - Февраль.
8. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918-1923. - М., 1990.
9. Полякова О. А. Икона с изображением архитектурных памятников в собрании музея «Коломенское»//Памятники культуры. Новые открытия. 1986. — Л., 1987.
10. Разумовский Ф. Большое пространство малого города//Наше наследие. — 1986. — № 6.
11. Фремpton К. Современная архитектура: критический взгляд на историю развития. — М., 1990.
12. Христос и его церковь. Листки для детского чтения. — Paris, 1989.
13. Самосознание европейской культуры XX века:мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. — М.: Политиздат, 1991.
14. Bibber Joyce K. What Do We Call It? A Guide to Maine Houses. — Center for Real Estate Education University of Southern Maine, 1986.
15. Blaser Werner. Fantasie in Holz. — Birkhauser, 1987.
16. Charte Internationale sur la conservation et la restauration des monuments et des sites// ICOMOS, 1966, n° I. - P. 2-9.
17. Fraeser Eugenie. The House by the Dvina, — Guemsey, Channel Islands, 1988.
18. Giaever Wenche Lie. Da pomorene kom — og Nord-Norge blomstret//A-MAGASINET uketilleg til Aftenposten. — September 1989. — Nr. 38.
19. Living with Old Houses. — The Advisory Service of Greater Portland Landmarks, 1975.
20. Rifkind Carole. A Field Guide to American Architecture. — Plume, 1980.

## *Nostalgia for a wooden city*

Yuri Barashkov's book "Nostalgia For A Wooden City" opens a window on the architecture, traditions and way of life of the Russian city of Arkhangelsk in the late 19th and early 20th centuries. It was by that time that Arkhangelsk, lying amid forests on the shore of the northern White Sea, had become the world's largest and unique ensemble of handsome timber structures. Over centuries Russian northerners had devised a special type of home, well adapted to the harsh climate, a comfortable spacious "Arkhangelsk house", largely standard in design and construction, but endlessly variable and individual in detail and richly decorated in a national style. Later constructions of the period of flourishing of wooden architecture reveal characteristic signs of classicism, "Swiss style", modernism and constructivism.

The reader watches an "Arkhangelsk house" being built, learns what the citizens did on weekdays and holidays, walks the city's streets, visits the market, the port, a sawmill, a church, and even a... bath-house.

After World War II, mass construction of brick and concrete housing blocks threatened the wooden city with extinction, but the efforts of enthusiasts, backed by a majority of citizens, gave timber monuments a new lease of life.

Old Arkhangelsk, the facades and interiors of its buildings, are brought to life by nearly 200 illustrations - reproductions of engravings, photographs and construction blueprints, collected by the author, a professional architect, over more than 40 years.

**Юрий Анатольевич Барашков.**

**Ностальгия по деревянному городу.** Архитектура, традиции, быт Архангельска накануне и после 1917 года. Формы и функции городского дома

Редакционно-издательская фирма «Крипто-Логос»

При финансировании брокерской фирмы «Спорт», Архангельск.

Гл. редактор *И. Д. Буцев*

Ст. редактор *А. С. Трясунов*

Технические редакторы *Е. В. Лукашенко, А. В. Бушева*

Художники *А. М. Друзик* (обложка), *Л. А. Буцева* (заставки)

Слайд на обложке *Ю. А. Барашков*

Рисунки выполнены по эскизам автора.

Формат 60x84 1/8. Печатных листов 26.

Тираж 100000 экз. Заказ 168С Цена договорная.

Типография Воентехиниздата, Москва, ул. Булгерова, 40

Зак. 1635. ТКЗ

